МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЫРГЫЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени И. АРАБАЕВА

БИШКЕКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени К.КАРАСАЕВА

Диссертационный совет Д 10.19.594

На правах рукописи
УДК: 81'42 (575.2) (043.3)

Эрнисова Айгерим Эрнисовна

Прецедентные феномены русского языка в инокультурной среде (на материале русскоязычного дискурса в Кыргызстане)

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
д.ф.н., профессор,
Тагаев Мамед Джакыпович

Бишкек – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ВЕДУЩАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА **11**

1.1. Понятие парадигмы научного знания 11

1.2. Полипарадигмальный подход к языку. 15

1.3. Антропоцентрическая парадигма как важнейшая система научных представлений в современной лингвистике. 17

1.4. Понятие прецедентности и интертекстуальности 37

Выводы 41

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ **44**

ГЛАВА III. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В КОЛЛЕКТИВНОМ **48**

3.1. Концепт как базовая единица когнитивной лингвистики 48

3.2. Лингвокультурные коды и архетипы 58

3.3. Состав прецедентных феноменов русского и кыргызского языков 66

3.3.1. Прецедентный текст 70

3.3.2. Прецедентное высказывание 73

3.3.3. Прецедентная ситуация 77

3.3.4. Прецедентное имя 78

3.4. Культурно-языковая характеристика прецедентных феноменов русского и кыргызского языков и их роль в организации дискурса 82

Выводы 103

ГЛАВА IV. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ (на материале функционирования русского языка в Кыргызстане) **105**

4.1. Анализ учебников по русскому языку и литературе с 1-11 класс с позиций прецедентных феноменов 105

4. 2. Характеристика прецедентных феноменов русского языка и теоретические основы составления сопоставительного лингвокультурологического словаря 118
4.3. Экспериментальное изучение функционирования прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов 128
Выводы 140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 143
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: 146
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 156
ПРИЛОЖЕНИЕ 2 179

ВВЕДЕНИЕ

Перемещение акцента с парадигмы системоцентрической на антропоцентрическую выдвинуло на первый план человеческий фактор. Это обстоятельство позволило переосмыслить многие положения традиционного языкознания с позиций когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, отраженные в работах ярких ее представителей (Л.А. Араева, Э. Бенвенист, А. Вежбицкая, В. Гумбольдт, З.К. Дербишева, К.З. Зулпукаров, П.К.Кадырбекова, А. Кибрик, В. В. Красных, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лангакер, В.А. Маслова, Дж. Миллер, Л. Талми, Тагаев М.Дж. и мн. др.). Этот поворот состоялся благодаря осознанию того, что современная лингвистика оказалась лингвистикой без человека (Сахарный Л.В.). Только с позиций антропоцентрической парадигмы оказалось возможным сопоставить и выявить национально-культурную специфику образов мира, понять особенности речевого поведения людей, говорящих на разных языках. Язык не только средство общения и способ познания мира: он сам средствами национального языка формирует образ действительного мира. Поскольку языки разные, то и миры, ими представляемые, являются разными. Отсюда возникает проблема межкультурной коммуникации между носителями разных языков и культур, каковыми являются кыргызский и русский языки.

Несмотря на то, что между Кыргызстаном и Россией существуют давние историко-культурные связи, эта проблема остается актуальной. Антропоцентрический аспект исследования, представленный методологией когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, открывает новые перспективы для ее решения.

Актуальность темы диссертации. В процессе межкультурной коммуникации во взаимодействие вступают представители двух или нескольких лингвокультур, являющиеся носителями различных ментальностей, культур, норм социального и речевого поведения. Весь этот комплекс норм происходит под влиянием национально-культурных, исторических, географических, социальных условий и экологической среды

этноса. Эти различия приводят к формированию в сознании представителей этнических коллективов системы определенных концептов, совокупность которых предопределяет национально-культурные особенности этноса и его языковой картины мира.

В этой связи владение языком только как знаковой системой крайне недостаточно для успешного обеспечения процессов коммуникации между представителями разных культур. Кроме лексики и грамматики, говорящий и слушающий должны обладать комплексом знаний иного характера. К ним Е.С.Кубрякова относит 1) языковые знания; 2) неязыковые, т.е. знания об окружающем мире, в котором пребывает этнос; 3) знания принципов речевого общения и иллокутивных сил речевых актов [Кубрякова, 1999, с. 188]. Последние две группы знаний могут быть получены и описаны при учете человеческого фактора в языке, т.е. при описании языка в контексте представляемой им культуры, одной из важных частей которой являются прецедентные феномены.

Важность данной работы обусловлена необходимостью изучения процессов функционирования прецедентных феноменов русского языка в инокультурной среде, а именно: в языковом сознании билингвов и роли их речевом дискурсе носителей русского и кыргызского языков. Под прецедентными феноменами, вслед В.В.Красных, нами понимаются такие феномены, которые известны и значимы в познавательном и эмоциональном отношении как для отдельно взятой языковой личности, так и для всего национального языкового коллектива.

Прецедентные феномены — это факты культуры народа, отраженные в языковых формах. Отметим в этой связи, что прецедентные феномены в отличие от других языковых символов отличаются высокой степенью национальной «насыщенности» и привязки к этнической ментальности. Включаясь в структуру дискурса, прецедентные феномены несут в себе высокий заряд историко-этнокультурной семантики и придают процессу общения национально-культурный колорит. Они занимают важное место в

арсенале средств интертекстуальности (Р.Барт, М.М.Бахтин, В.И.Карасик, Ю.Кристева): в них заключены национально-культурные коды, общие для данного этнического сообщества.

Укрепление позиций русского языка в нашей республике и обеспечение гармонизации отношений русского языка с кыргызским языком имеют стратегическое значение во взаимодействии двух стран, так как развитие двуязычия является одним из условий успешного сотрудничества на постсоветском пространстве.

Отметим также, что длительные историко-культурные контакты кыргызского и русского народов не прошли бесследно для кыргызов, благодаря чему в языковом сознании многих из них отложились прецедентные феномены русского языка, которые активно используются в дискурсе наряду с феноменами родной культуры. Все вышеперечисленное обусловливает актуальность избранной темы исследования.

Связь темы диссертации с крупными научными программами и основными научно-исследовательскими работами. Тема диссертационного исследования входит в планы научно-исследовательских работ кафедры русского языка Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина.

Цель и задачи исследования заключается в определении роли и места прецедентных феноменов русского и кыргызского языков в структуре различных типов дискурса в коммуникативном пространстве Кыргызстана.

Названная цель достигается путем решения следующих задач:

1) изучить вопрос о парадигмах научного знания в лингвистике;

2) описать типы прецедентных феноменов и произвести их классификацию на материале русского и кыргызского языков;

3) дать описание принципов составления лингвокультурологического словаря русского языка [Гудкова, Захаренко, Красных, 2004];

4) провести анализ и составить классификацию функционально соотносимых прецедентных феноменов русского и кыргызского языков;

5) описать особенности функционирования прецедентных феноменов русского и кыргызского языков в русскоязычном дискурсе Кыргызстана;
6) провести ассоциативный эксперимент по изучению функционирования прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов.

Научная новизна работы заключается характерологическом сопоставительном описании особенностей функционирования прецедентных феноменов русского и кыргызского языков в дискурсе русской речи кыргызстанцев как результат сопряжения разных культур в их языковом сознании. Впервые в ареале кыргызского языкознания рассмотрены прецедентные имена в билингвальном дискурсе.

Практическая значимость работы заключается в установлении роли прецедентных феноменов для реализации волюнтативной функции языка с целью воздействия на эмоционально-образную сферу языкового сознания носителей русского языка. Кроме того, выводы и результаты исследования окажутся полезными для изучения региональных особенностей русскоязычного дискурса в Кыргызстане, для обоснования принципов составления сопоставительного лингвокультурологического словаря, а также в практике преподавания дисциплин «Когнитивная лингвистика», «Лингвокультурология», «Стилистика и культура речи».

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности дополнения некоторых теоретических положений когнитивной лингвистики применительно к прецедентным феноменам, происходящим в поликультурных сообществах, большинство членов которых являются билингвами. В работе предпринимается попытка обобщить, сравнить и систематизировать прецедентные феномены русского и кыргызского языков; анализируются когнитивные аспекты развития прецедентных феноменов русского языка в Кыргызстане на материале сопоставления с кыргызским языком.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Прецедентные феномены создают наиболее действенные и “эмоционально-насыщенные” образы в языковом сознании носителей языка, которые активно воздействуют на образно-ценностное восприятие мира личностью;
2. Прецедентные феномены являются одной из языковых универсалий, которые используются для организации образной и эффективной коммуникации между членами языкового коллектива;
3. Включение в русскоязычный дискурс кыргызских прецедентных феноменов создает синергетический эффект в языковом сознании билингвов, в результате которого многократно усиливается функция языкового воздействия;
4. Прецедентные феномены русского языка являются потенциальной частью билингвального сознания. Они активно входят в словарь языковой личности через учебные книги на русском языке и при необходимости получают соответствующую актуализацию;
5. Обладая этнокультурным содержанием и образностью, прецедентные феномены служат маркерами национально-культурной идентичности индивидов, средством создания между ними интертекстуальных отношений.

Личный вклад соискателя. Личный вклад автора заключается именно в анализе, в сопоставлении соответствующих материалов, а также в выводах и результатах, полученных в ходе исследования, выдвинутых им на обсуждение ученых-лингвистов во время научных конференций и семинаров.

Апробация результатов дисертации. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на республиканских и международных научных конференциях в КРСУ, АУЦА (Американском университете в Центральной Азии), НАН КР, отражены в докладах на заочных научных конференцих в городе Чебоксары (Россия) и в Душанбе (Таджикистан), а также на межвузовской научно-практической конференции

«Функционирование русского языка в Кыргызстане и проблемы двуязычия» за период с 2014 г. по 2018 г. Работа прошла апробацию в рамках гранта «Гармоничное языковое сообщество как условие безопасности Кыргызстана» (2015 г.)

Полнота отражения результатов диссертации в следующих публикациях:

1. Эрнисова, А. Э. Прецедентные собственные имена в киргизском и русском дискурсе (Материалы Международной межвузовской научно-практической конференции: «Русский язык и литература в современных реалиях», Душанбе, 27-29 января, 2015 г.

2. Эрнисова, А. Э. Прецедентные высказывания и прецедентные имена как интертекстуальные компоненты дискурса языковой личности//Кыргызский и русский языки: горизонты взаимодействия (Исследование выполнено в рамках проекта «Гармоничное языковое сообщество как условие безопасности Кыргызстана»): - Бишкек, 2015. – С.155-161.

3. Эрнисова, А. Э. Прецедентные феномены в билингвальном языковом сознании [Текст] / А.Э.Эрнисова// Научное периодическое издание "IN SITU”. – Москва: РИЦ ЕФИР, 2016. – С.43-46

4. Эрнисова, А. Э. Роль прецедентных имен в поэме Джоомарта Боконбаева «Сон наяву» [Текст] / А. Э. Эрнисова // Научные исследования: от теории к практике: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 7 июня 2016 г.). В 2 т. Т. 2 / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. — Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — № 2 (8). — С. 57–60. — ISSN 2413-3957.

5. Эрнисова, А. Э. Роль и место прецедентных имен в политическом дискурсе Кыргызстана. – Бишкек: Вестник КНУ им. Ж. Баласагына, 2016. - №4 (88). – С.69-74

6. Эрнисова, А. Э. Прецедентные феномены как лингвокультурные коды и архетипы (на материале произведений Ч. Айтматова) – Бишкек: Вестник КРСУ, 2017. - №4 (17). – С.111-113

7. Эрнисова, А. Э. Прецедентные имена в политическом дискурсе Кыргызстана (Материалы Международной конференции: «Языки в диалоге культур: к 70-летию профессора М.Дж.Тагаева»), Бишкек, 10-11 октября, 2017 г.

8. Эрнисова, А. Э. Прецедентные имена в политическом дискурсе Кыргызстана - Бишкек: Вестник КРСУ, 2018. - №1 (18). – С.120-122

Структура и объем работы. Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Приложение представляет собой фрагмент сопоставительного лингвокультурологического словаря прецедентных феноменов русского и кыргызского языков. Объем диссертации составляет 183 страницы, из них 27 страниц – приложение. Список литературы включает 136 наименований.

ГЛАВА I. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА КАК ВЕДУЩАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

1.1. Понятие парадигмы научного знания

В связи с интеграцией наук встал вопрос о необходимости выработки общей парадигмы исследований для всего гуманитарного знания. Именно во второй половине XX в. перед научным сообществом возникла проблема оформления новой парадигмы как модели постановки проблем и совокупности приемов их решения.

Термин «парадигма» был введен Ф. де Соссюром, который обозначал им систему форм одного и того же слова, т.е. поперечный срез структуры языка, как бы свод таблиц склонений и спряжений. На основе этого термина возник новый – «парадигма научного знания», который появился в трудах американского ученого Т. Куна, написавшего в 1962 г. широко известную книгу «Структура научных революций» (русский перевод был сделан в 1977 г.). Т. Кун писал: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Кун, 1977, с. 17]. Кун считает, что научные теории проходят в своем развитии различные фазы: в допарадигматический период у исследователей нет консенсуса относительно сути их предмета, а потому исследование слабо ориентировано на одну цель; в зрелый («нормальный») период какой-нибудь школе удается решающий прорыв. Образцом оказывается одна парадигма, за которой следуют другие; однако неизбежно появляются аномалии, которые невозможно разрешить с помощью господствующей парадигмы. Постепенно накапливаясь, они приводят к кризису. После этого происходит научная революция, и место старой парадигмы занимает новая. Для теории Куна характерно, что старая и новая парадигмы несовместимы; новая парадигма не продолжает развитие старой; между ними принципиальный разрыв. В историографии науки широко распространен так называемый кумулятивистский взгляд на науку. Согласно ему, процесс развития науки

представляется постепенным последовательным ростом однажды познанного. Кун же выступает против такого образа науки. Процесс развития науки включат в себя два этапа: эволюционный и революционный. Первый был назван нормальной наукой, а второй - научной революцией. Однако в истории науки, как говорит Кун, неизбежно наступает такой момент, когда данная парадигма предстает сообществу ученых как уже не удовлетворяющая его цели, не способная обеспечить эффективное решение научных задач. Происходит революция в науке. Научная революция выражает процесс смены парадигм. Она начинается с кризиса господствующей парадигмы, когда накопившиеся научные факты уже не могут быть объяснены и головоломки разрешены с помощью общепринятых теорий, составляющих содержание нормальной науки, что порождает профессиональную неуверенность. Переход к новой парадигме составляет суть научной революции. Это не означает полного отказа от научного наследия. Теоретическое наследие можно условно разделить на три части: первая, оказавшаяся ошибочной с точки зрения новой парадигмы, отбрасывается; вторая трансформируется применительно к новой парадигме; третья, большая часть научного знания, составляющая ядро наследственного генотипа науки в целом или отдельных ее отраслей, передается следующим поколениям, образуя фундамент научного знания.

В последнее время термин «научная парадигма» расширился, и сейчас зачастую парадигмой называют любые системы знания, любые принципы постановки и решения задач. Иногда в качестве синонима используется термин «направление». В 1935 г. еще до появления работы Т. Куна, профессор Людвик Флек написал интересную работу «Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива». В ней Л. Флек показал, что научный факт – это результат труда научного коллектива, то есть мы видим только то, что привыкли и умеем видеть, поэтому столь важна точка зрения, на которую опирается ученый в процессе исследования объекта [Флек, 1999, с. 27]. Чуть позже Мишель Фуко

продемонстрировал на примере возникновения тюрьмы и клиники, как из технологий рождаются идеологии.

Следовательно, в воздухе носилась идея, что технология наблюдения и исследования настолько важна, что способна определять идеологию.

Т. Кун предложил представление о парадигме как о некоторой совокупности знаний и особенностях подхода к объекту исследования (в нашем случае – к языку). Е.С. Кубрякова, анализируя понятие парадигмы знания, выделяет три звена: 1) установочно-предпосылочное; 2) предметно-познавательное; 3) процедурное [Кубрякова, 1995, с. 167].

Установочно-предпосылочное звено предполагает знания, добытые предшественниками, то есть наличие признаваемых научным сообществом предпосылочных знаний. Предпосылочные знания обусловлены культурной или общественной средой, в котором работает лингвист.

Предметно-познавательное звено включает область лингвистического анализа. Например, компаративисты сравнивали морфологический и звуковой строй индоевропейских языков.

Процедурное звено подразумевает конкретные процедуры анализа и методики исследования. Так, например, различные методы исследования в лингвистике.

Лингвистические учения можно представить в виде целого ряда парадигм. Чтобы упорядочить, представить эти все учения нужно систематизировать лингвистические парадигмы. Такие попытки предпринимались неоднократно. В разные эпохи различные научные парадигмы раскрывались под разными углами.

Так, Ю. С.Степанов рассматривал семиотические задачи философии, искусства и лингвистики («Трехмерное пространство языка», 1985) и предложил классификацию научных парадигм: философия имени, философия предиката и философия эгоцентрических слов. Эта классификация включает основные лингвистические методы в языкознании конца 19 в. – в начале 20 в.

Ю. Н. Караулов пишет о четырех научных парадигмах языкознания в книге «Русский язык и языковая личность» (1987): *историческая, психологическая, системно-структурная и социальная.* Историческая и психологическая парадигмы установлены на компаративизме, системно-структурная – на структурализме и социальная – на социолингвистике.

Е. С. Кубрякова вносит в классификацию привычных научных парадигм (*компаративизм, структурализм, постструктурализм*) новую классификацию: *генеративизм* (цель которой разработать теорию языка по образцу естественных наук) *и постгенеративизм* (сосуществование нескольких научных парадигм одновременно).

А. М. Ломов выделяет три вида парадигм научного знания в истории лингвистики: *элементарно-таксономическую, системно-структурную, номинативно-прагматическую.*

Элементарно-таксономическая парадигма подчеркивает описательный характер языкознания. На этом этапе выявляли элементы языка (слово, текст, предложение, морфема), их группировки и проводили сравнительно-исторический анализ. *Системно-структурная* соответствует структурализму. Язык изучается как чистая система отношений в отрыве от истории и общества. *Номинативно-прагматическая* заключена в прагматике. Язык исследуется не сам по себе, а в отношении к миру (теория номинации) и к человеку (прагматика).

Таким образом, научная парадигма – это совокупность научных представлений, теоретических установок, научных достижений, которые дают исследователю модель постановки проблем. Принятие определенной парадигмы освобождает ученого от необходимости «перестраивать всю область заново, начиная с исходных принципов, и оправдывать введение каждого понятия» [Кун, 1977, с. 10].

1.2. Полипарадигмальный подход к языку.

С появлением и принятием большинством ученых новой парадигмы старые тоже продолжают существовать, значит «в лингвистике парадигмы не сменяют друг друга, а накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга» [Серио, 1993, с. 52].

Следовательно, всякая новая парадигма не отменяет предыдущую, а, активно используя ее достижения, заставляет обратить внимание на те аспекты языка, которые в старой парадигме почти не исследовались. Например, в рамках структурной парадигмы внимание лингвистов было направлено в основном на изучение внутренней структуры языка, на ее поуровневую организацию и имманентную сущность языка. Новая парадигма активно использует полученные здесь достижения, но показывает ограниченность данного подхода («язык в самом себе и для себя»), а основное внимание обращает на человека в языке и на язык в человеке (языковую личность).

Системно-структурная парадигма ориентировала внимание лингвиста на предмет, вещь, имя, поэтому в центре интереса находилось слово. Это статический подход к языку, в отличие от последующего – динамического, функционального. Даже в третьем тысячелетии можно исследовать язык все еще в рамках данной парадигмы, она продолжает существовать в лингвистике, а число ее последователей все еще довольно велико. В русле этой парадигмы по-прежнему строятся учебники и академические грамматики, пишутся различного рода справочные издания. Фундаментальные исследования, выполненные в рамках этой парадигмы, являются ценнейшим источником сведений не только для современных ученых, но и для будущих поколений лингвистов, работающих уже в иных парадигмах. Структурализм дал лингвистике ряд общих и частных методов исследования, которых до него не существовало. Но сама смена парадигм в языкознании – неизбежный процесс, который сопровождает движение научной мысли.

Таким образом, каждая из существующих парадигм содержит свое рациональное зерно, свои открытия и взлеты, но охватить все «лики» языка ни

одна из них пока не в состоянии. Язык практически неисчерпаем в выборе различных аспектов его описания, поэтому сейчас стали говорить о полипарадигмальном подходе к языковым явлениям. Это своего рода интеграция результатов и достижений всей лингвистики (со времени ее возникновения, то есть на протяжении тысячелетий). При этом анализ объекта идет одновременно по разным парадигмам лингвистического знания, сочетаются и комбинируются различные методы исследования. При таком интегративном подходе границы между дисциплинами, изучающими человека и его язык, разрушаются, что положительно сказывается на результатах исследования.

Современная лингвистика, по мнению Е.В. Падучевой, «инкорпорировала в себя теорию речевых актов, теорию референции, вообще прагматику и тем самым получила в свое распоряжение аппарат, позволяющий описывать смыслы таких единиц, которые раньше были ей не под силу, – частиц, междометий, дейктических слов, иллокутивных функций и проч.» [Падучева, Виноградов, 1995, с. 47].

Сам язык при полипарадигмальном подходе стал пониматься как динамическая, исторически сложившаяся знаковая система, являющаяся средством не только общения, но и познания. Знание этой системы тесно связано с другими (неязыковыми) знаниями, а умение использовать ее в речевой деятельности – это основа языковой личности, исследование совокупности которых позволяет говорить о национальном языке. Как видим, при таком определении языка в него включаются все предыдущие его понимания – от представителей сравнительно-исторического языкознания, до структуралистов, психолингвистов, когнитивистов и т.д.

Но принятие данной парадигмы вовсе не исключает возникновение иных, более новых парадигм. Так, крупнейший русский методолог языка В.И. Постовалова в работе «Наука о языке в свете идеала цельного знания» говорит о ***теоантропокосмической парадигме,*** исследующей язык в максимально широком контексте «Бог – Космос – Человек». Основы для такого подхода

заложены в трудах русских философов С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и др. По мнению автора, данная парадигма поглощает антропоцентрическую. По данной теории человек – микрокосмос, состоящий из тела, души и духа.

В западной лингвистике сейчас активно развивается лингвистическая антропология, которая претендует на интегративный статус в области изучения проблем «человек – язык – знания – культура». Может ли это место занять антрополингвистика, либо это будет когнитивная лингвистика, как считает Е.С. Кубрякова, а может быть, герменевтика, как полагает В.Н. Телия, а, возможно, лингвокультурология, пока с полной уверенностью сказать трудно. Можно лишь утверждать, что это будет не системно-структурная (традиционная) лингвистика, так как язык по своей природе стремится за свои пределы, стремится охватить все большие пространства духа. Современная ситуация в лингвистике определяется как полипарадигмальная, что означает отказ от идеи исключительности того или иного подхода и призыв комбинировать различные методы и исследовательские подходы.

1.3. Антропоцентрическая парадигма как важнейшая система научных представлений в современной лингвистике.

Антропоцентризм (образовано от греческого слова: ἀνθρώπος — человек и латинского слова: centrum — центр). С понятием «антропоцентризм» мы встречаемся еще со времен античности. Великий древний мудрец Сократ в свое время заметил: «Во Вселенной для человека нет более интересного объекта познания, чем сам человек». Антропное (греч. anthropos — человек) явление впервые было распознано и актуализировано в философии и медицине Древней Греции. Проблема познания человека во всех его субстанциях является самой актуальной как в философии, так и в современных науках: естественных, общественных и гуманитарных. Многие проблемы антропоцентризма были поставлены еще мыслителями древности. В рамках античной философии антропоцентризм рассматривался как учение о человеке

— органической части единого Космоса, его самое ценное достояние. Так, Пифагор первым указал на единство бытия человека и Космоса, где торжествуют ритм, гармония и порядок. А софист Протагор провозгласил, что «человек есть мера всех вещей». Но, это положение немного позже было уточнено Сократом: «Человек мыслящий есть мера всех вещей». Еще более антропоцентристски выражал свое отношение к месту и роли человека в мире Демокрит, назвав его микрокосмом. Врач-мыслитель Гиппократ увидел связь единства мира в структурной соотнесенности окружающей среды со здоровьем и характером человека. Знаменитый Аристотель определил человека как самую глубокую сущность всеобщего бытия. Таким образом, в философии Древнего Мира антропоцентризм рассматривал человека как необходимую часть всего Космоса, как его высшее состояние.

Но наиболее фундаментально проблема антропоцентризма философски была разработана в эпоху Возрождения. Именно тогда произошло сознательное возвращение к античному типу человека — представителю Космоса. В эпоху Возрождения на основе гуманистического подхода закладываются основы современного антропоцентризма. Эпоха Нового времени характеризовалась развитием науки, а антропоцентризм получил гносеологическое и психологическое направление. Именно в эту эпоху, особенно в связи с развитием производства, появляется идея о могуществе человека как владыки природы, и о его возможности полного подчинения природы своим интересам. В эпоху Возрождения человеческая личность по преимуществу является творческой, она как бы перенимает на себя творческую функцию Бога и способна овладеть и собой, и природой. Человек олицетворяет собой творческое начало, будь это искусство, политика, религия и даже техническое изобретение. Человек могуществен подобно Богу, считает М. Фичино. «Человек — это микрокосмос, познающий макрокосмос, а способность к познанию представляет собой главное достоинство человека, сливающегося с Богом на высшей ступени познания» [Кудрявцев, 1996, с. 176–211]. Антропоцентризм философии эпохи Возрождения меняет отношение

человека к природе. Человек открывает великолепие и красоту природы, начинает рассматривать ее как источник наслаждения, радости в противовес средневековому мрачному аскетизму (религиозно-этическое рассуждение, проповедующее подавление потребностей человека) . Природа начинает рассматриваться как убежище, которое противостоит порочной и развращенной человеческой цивилизации. Мыслитель Жан-Жак Руссо говорил, что источником всех наших бедствий является переход от естественного, природного начала человека к социальному [Руссо, 1998]. Антропоцентризм философии эпохи Возрождения рассматривает человека как органическую часть природы. Он является действующим по естественным законам существом. Человек, постигая разумность действительности, познает смысл и цель собственной жизни. В эпоху Возрождения на первый план выдвинулась человеческая личность. На смену теоцентризму пришли антропоцентризм и гуманизм, человек начал освобождаться от религиозной догматики, культура стала приобретать светский характер. Началась эра Великих географических открытий. Открытия Галилея и Коперника перевернули представления людей о Вселенной. В эпоху Возрождения понимание человечеством своих отношений с природой вышло на качественно новый этап, в это время люди стали природу изучать, применяя для этого научные методы, сформулированные Ф. Бэконом [Ситаров, Пустовойтов, 2000, с. 56].

В идее о человеке как о совершенной и прекрасной индивидуальности, которую выражает антропоцентризм Возрождения, внимание акцентируется на том, что человек по природе своей не только существо совершенное, но и разумное, что определяет его совершенство. Это не порочное и не греховное существо. Принцип антропоцентризма предполагает, что люди как природные существа друг перед другом равны, каждый есть совершенная и гармоничная индивидуальность.

Так, в словаре философских терминов, дается следующее определение антропоцентризму: «Антропоцентризм (от греч. ανθρωπος — человек и лат.

centrum — центр) — воззрение, согласно которому человек является центром и высшей целью мироздания. Провозглашая существование надмирного целеполагающего начала, творящего человека и определяющего его место во Вселенной, А. органично вписывается в систему религиозного мышления. Наиболее полное развитие А. получил в иудаизме, христианстве и исламе. В этих религиях он оказывает влияние на космологические, эсхатологические, социальные, этические, правовые и другие концепции. Например, с А. напрямую была связана теория геоцентризма, которая доминировала на протяжении многих веков. Под воздействием христианского вероучения антропоцентристское воззрение получило широкое распространение в средневековой европейской философии. Его обосновывали крупнейшие представители патристики и схоластики. В философии Нового времени идеи А. перестали пользоваться популярностью, что было обусловлено развитием естественных наук. Появление новых фактов и теорий, казалось бы, преодолело телеологию и тезис о том, что человек занимает уникальное положение в Космосе. Однако в XX в. наблюдается оживление интереса к А. Отдельные его элементы присущи экзистенциализму, персонализму, философской антропологии, католическому эволюционизму и другим течениям философии» [Словарь философских терминов, 2007, с. 28]. Из филосовского определения можно понять, что с точки зрения антропоцентризма Вселенная создана исключительно для нас, а потому все на свете должно вращаться вокруг нас.

Мы можем сказать, что на сегодняшний день антропоцентризм относится к числу приоритетных научных направлений, где в углу теоретического рассуждения становится человек. Антропоцентризм на данный момент встречается в разных значениях, от антропоцентрического подхода в лингвистике до антропоцентризма в экологии. Хозяин природы-человек, и он имеет право получать из окружающего мира все, что ему необходимо – это наиболее распространенная трактовка атропоцентризма в экологии. А что касается антропоцентризма в лингвистике, то человек

предстает как активный субъект познания, обладающий индивидуальным и социальным опытом, системой знаний о мире, отраженной в его сознании картиной окружающей действительности.

В антропоцентристских концепциях подчёркивается самостоятельность индивида как субъекта свободного выбора и ответственного поступка.

Для рассмотрения антропоцентрической парадигмы в науке, необходим иной подход к осмыслению сущности человека. Для этого требуется введение понятия антропологическая константа. Данное понятие вводит Никишина Татьяня Геннадьевна в ее диссертационной работе. Рассмотрение сущности человека посредством парадигмы антропоцентризма состоит в том, что «человек является не только центром отношений человек и природа, но сам имеет собственный константный центр — антропологическую константу» [Никишина, 2008, с. 130].

В соответствии с пониманием места антропологической константы в парадигме антропоцентризма, человек является неким микрокосмом, оставаясь при этом также и центром культурного и природного бытия. Именно в человеке и через человека существует и функционирует культура. Человек, природа и культура — диалектическое единство противоположностей, которое не могут существовать друг без друга. Человек становится центральным воплощением природы и культуры в широком социальном контексте, во всем богатстве социокультурных отношений, и от него зависит сохранение гармоничности их отношений. Антропоцентрический аспект исследования, представленный методологией когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, открывает новые перспективы для ее решения.На сегодняшний день в современной лингвистике нет однозначного подхода к выделению парадигм, смена которых и составляет историю языкознания. Исследователи определяют различное количество научных парадигм на протяжении развития лингвистики. Так, Ю.Н. Караулов называет *историческую* (наука занималась вопросами происхождения языков, реконструкцией праязыка, установлением соотношения между родственными

языками и описанием их эволюции, создавались сравнительно-исторические грамматики и словари), *психологическую (*все явления языка нужно рассматривать с позиции психологии, с использования психологических терминов. Важная особенность данного подхода в изучении языка должны быть включены участники коммуникации (автор и реципиент)*, системно-структурную (*характеризуется познанием структуры языка, его организации) *и социальную парадигмы* (в рамках данной парадигмы выделяется целый ряд направлений: антропоцентрическое, социолингвистическое, когнитивное, психолингвистическое, лингвокультурологическое).

В.И. Постовалова выделяет *имманентно-семиологическую* (язык представлен «в самом себе и для себя» как система различных единиц), *антропологическую (*язык изучается в тесной связи с сознанием и мышлением человека, его духовным миром)*, теоантропокосмическую (трансцендентальную) парадигмы* (язык рассматривается в контексте «Язык-Бог-Человек»).

Е.С. Кубрякова говорит о четырех ведущих парадигмах: традиционной, генеративной, когнитивной и коммуникативной. Каждая из них сочетает – хотя и в разных соотношениях – элементы формального описания с функциональными объяснениями... Но каждая из них представляет особую модель описания языка и решения главных проблем в его организации и функционировании.

В более поздних своих работах Е.С. Кубрякова говорит о *когнитивно-дискурсивной парадигме* (познание языка в дискурсе) [Кубрякова, 2004, с. 144].

О когнитивной парадигме пишут также А.В. Кравченко, В.В. Лазарев, В. Поляков и другие современные исследователи.

Есть лингвисты, возводящие отдельные аспекты языка в ранг парадигм, например, А.А. Ворожбитова обнаруживает лингвориторическую парадигму, В.В. Шаховский – эмотивную и т.д.

Мы склонны видеть лишь три научные парадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и, наконец, антропоцентрическую. На наш взгляд, функциональный, коммуникативный, когнитивный, текстоцентрический и прочие подходы к языку так и не оформились в парадигмы, так как для парадигмы нужно, во-первых, чтобы она была общей для всякого гуманитарного знания (например, структурализм, который первоначально возник в биологии, а затем распространился на историю, лингвистику, литературоведение и другие гуманитарные и естественные науки, например, физику). А во-вторых, парадигма – это совокупность научных установок, которые предлагают ученому модель постановки проблемы и некоторый набор ее решений в совокупности с процедурами исследования. Ни одно из названных направлений не отвечает этим требованиям, хотя по первому параметру на звание парадигмы мог бы претендовать функциональный подход, ибо он является общим для целого ряда гуманитарных наук.

Рассмотрим кратко основные достижения каждой парадигмы. Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, а сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка, до которого использовались лишь общенаучные методы – наблюдение, описание и др. Именно появление специального метода превратило лингвистику в полноценную науку. Ведь чтобы быть полноценной наукой, нужно иметь не только свой объект и предмет исследования, но и свои методы анализа явлений. На протяжении всего XIX в. эта парадигма была главной, ведущей в лингвистике.

Еще задолго до XIX в. было замечено сходство ряда языков, однако объяснить эти факты ученые еще не умели. Толчком к возникновению метода стало открытие европейцами санскрита, древнего литературного языка Индии, который оказался удивительно похожим на многие европейские языки, и этому нужно было найти объяснение. У истоков сравнительного языкознания

стояли немецкие лингвисты Франц Бопп и Якоб Гримм, датский лингвист Расмус Христиан Раек.

XIX век был представлен новыми именами – Август Фридрих Потт, который стал основоположником этимологии; Август Шлейхер – создатель теории родословного древа и учения о языковых формах, в основе которых видел формальные признаки слова; Иоганн Шмидт, создавший “теорию волн”: индоевропейские языки – это не ветви, отходящие от единого ствола, как считал А. Шлейхер, а замкнутая цепь из звеньев. Если в каком-либо из родственных языков возникло нечто новое, то оно будет постепенно расходиться в разные стороны, как круги на воде. Вершиной сравнительно-исторического языкознания стали младограмматизм и неограмматизм, которые предшествовали появлению структурализма. Именно неограмматизм стал источником от сравнительно-исторического метода к структуральным методам XX века. Школы неограмматизма:

1. Казанская школа (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Уделял внимание фонемам и морфемам. Создал учение о фонеме, как идеальном образе звука. Учение о статике и динамике. Учение о механизмах языковых изменений. Учение о системности языка.

2. Московская лингвистическая школа (Ф.Ф. Фортунатов). Особое внимание уделялось формам слова и словосочетаниям.

Достижения:

- Признание языка не только психологическим, но и социальным явлением
- Разграничение внешнего и внутреннего законов развития языка
- Различение синхронических и диахронических методов
- Признание системности
- Учение о форме слова
- Интерес к живым языкам и системное описание народных говоров
- Установление дивергентно – конвергентной эволюции языка.

3. Женевская школа (учение Ф. де Соссюра).

Все школы уделяли особое внимание изучению грамматики языка, предмет изучения – структура языка. Признавали социальную природу языка, но не отрицали связь развития языка с психологическими процессами.

В чем же состояли главные заслуги представителей этой парадигмы? Только с возникновением сравнительно-исторического языкознания сравнение языков стало средством систематизации языкового материала, а исторический подход к языку – главным принципом исследования. Это значит, что ставилась цель исследования истории языков, а явления одного языка объяснялись фактами родственных ему языков. В рамках данной парадигмы были свои достижения: введено понятие родственных языков, доказано родство индоевропейских языков, созданы первые морфологические и генеалогические (по родству) классификации языков, исторические грамматики и фонетики различных языков и т.д. Но, главное, разработка сравнительно-исторического метода сделала лингвистику самостоятельной наукой, что позволило ей отделиться от философских и исторических рассуждений о языке, не опиравшихся на систематизированные и объясненные языковые факты.

Структурализм, породивший впоследствии структурную парадигму, сформировался не в лингвистике, а в биологии, физиологии, физике. Подчеркивая его глобальность, Л.С. Выготский в своей работе «Проблема развития в структурной психологии» писал: «Структурный принцип в познании является великим и незыблемым завоеванием теоретической мысли. С этим принципом связано объяснение начальных моментов всякого развития» [Выготский, 1934, с. 9-56.]

Структурная парадигма в языкознании – это фактически торжество системного подхода к исследованию языка, причем, вместо интереса к истории языка, возникает и культивируется интерес к современному его состоянию, синхронии. По мнению Ф. де Соссюра, одного из основоположников структурализма, внутренняя сущность языка познается

именно в синхронии, и синхронический аспект гораздо важнее диахронического, т.к. для говорящего человека только он – подлинная и единственная реальность. Поскольку язык – системное образование, то все его единицы связаны определенными отношениями (синтагматическими, парадигматическими, эпидигматическими), которые лежат в основе самой системы. Кроме того, язык самостоятельное явление, хотя и связанное с другими знаковыми системами в пределах семиотики (науки о знаках), ему присущи собственные законы, которые и следует изучать.

На основе идей Ф. де Соссюра возникло несколько школ структурализма (Пражская школа, Копенгагенская школа (глоссематика), американский структурализм (дескриптивная лингвистика)), общими для которых были следующие положения: 1) язык – это системно-структурное образование, в котором все единицы связаны универсальными отношениями – синтагматическими и парадигматическими; 2) язык – система знаков, соотносящаяся с другими знаковыми системами в пределах семиотики; 3) строго различались “язык” и “речь”; 4) язык можно было исследовать с двух точек зрения – синхронической и диахронической, но предпочтение отдавалось синхронической; статика и динамика признавались сосуществующими состояниями языка; 5) в исследовании языка нужно использовать точные методы, сближающие языкознание с естественными науками.

Идеи о знаковом характере языка, о его социальной сущности, о важности синхронии, о формировании строгих методов, сближающих лингвистику с естественными науками, и другие проблемы нашли отражение в учебном пособии Т.А. Амировой «Из истории лингвистики XX века. Структурно-функциональное языкознание (истоки, направления, школы)» [Амирова, 1999, с. 57].

В рамках структурной парадигмы родилась генеративная лингвистика, ставшая своего рода вершиной структурной лингвистики. Поскольку некоторые лингвисты, например, Е.С. Кубрякова, считают это направление

самостоятельной парадигмой, кратко остановимся на ее основных положениях.

Это новый поворот в развитии лингвистики, связанный с именем Наома Хомского, который создал порождающую модель языка (его работа «Структура предложения»), то есть выработал некоторый набор правил, способных породить все правильные предложения языка, и предложил для этого ряд трансформационных методик (отсюда название парадигмы, выделяемой Е.С. Кубряковой, – «трансформационно-генеративная»). Он утверждал, что грамматика – это не конструкт, изобретенный лингвистами, а формальный объект, обладающий психологической реальностью в жизни человека, и что все языки имеют одну и ту же внутреннюю структуру. С точки зрения генеративной лингвистики, порождение речи происходит от синтаксиса к фонологии (считалось, что наоборот). Важнейшее достижение Н. Хомского и его последователей в том, что они увидели новую цель лингвистической теории, ориентированной на решение проблем массовой коммуникации. В России его идеи дали толчок для возникновения и развития генеративной семантики – работы И.А. Мельчука, А.К. Жолковского, Ю.Д. Апресяна и других российских ученых, которые впервые отметили, что даже не синтаксис, а семантика определяет смысл предложения. Это был уже полный разрыв со структуралистами, которые вообще не учитывали семантику языковых единиц.

Таким образом, учение Н. Хомского и его последователей породило несколько новых областей знания: утвердился приоритет дедуктивного языкознания, началась разработка теории синтаксиса как независимой области лингвистических исследований, зародился семантический синтаксис, проявился интерес к внутренним, ментальным (ядерным) репрезентациям языкового знания. Впервые в область интересов лингвистики были включены когнитивные аспекты личности ребенка, работающие при усвоении им языка и т.д. Эти открытия создали прочную основу для возникновения когнитивной лингвистики в будущем.

Антропоцентрическая парадигма характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке. Взамен изучению системы и структуры языка выдвигается новое – изучать языковую способность, знания о мире, зафиксированные в языке, языковую компетенцию носителя языка. По словам И.А. Бодуэна де Куртенэ, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 71]. Человек осознается в нем «мерой всех вещей», то есть ставится в центр мирозданья и в центр языка соответственно. Он становится носителем общечеловеческих и специфических национально-культурных ценностей. Поэтому на первый план выходят проблемы культуры как универсального кода и коммуникации – фундаментального вида взаимодействия между людьми. Следовательно, философской основой такого подхода становятся антропоцентризм и теория речевой деятельности.

Если с позиций системно-структурной парадигмы было изучено и описано ядро языка, его центр, то теперь внимание переключается на его периферию, на стыки областей научных знаний, на стыки лингвистики с когнитологией, психологией, культурологией, этнографией и др.

Нет единства мнений относительно названия современной парадигмы изучения языка. Многие ученые – Е.С. Кубрякова, В.Н. Телия, Р.М. Фрумкина и др. – называют современную научную парадигму когнитивной. Едва ли с этим можно согласиться: когнитивная лингвистика – это только один из аспектов проблемы «человек в языке и язык в человеке». Термин «антропоцентрическая парадигма» представляется нам более удачным, ибо позволяет охватить не только когнитивную лингвистику, но и лингво-культурологию, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, в центре которых также стоит человек.

Идея антропоцентричности языка – ключевая в современной лингвистике. В наше время целью лингвистического анализа уже не может

считаться просто выявление различных характеристик языковой системы. Сейчас изучение языка не представляется возможным без модуса его существования – человека. А это и есть антропоцентризм. Как же формировалась данная парадигма? Антропоцентрически ориентированная лингвистика зародилась не на пустом месте. Еще В. Гумбольдт дал определение языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человек.

Тезис Э. Бенвениста о «присвоении языка говорящим» открыл те шлюзы, которые позволили «соположить человека и язык и раскрыть каналы «присвоения» человеком языка» [Ревзина, 1999, с. 25—33].

Как пишет П. Серио, «восстановление роли субъекта в лингвистике и есть новшество, введенное Бенвенистом» [Серио, 1993, с. 46].

Именно Э. Бенвенист одним из первых в системное описание языка ввел автора и адресата в качестве необходимых компонентов. Одну из частей своей «Общей лингвистики» он назвал «Человек в языке». Поскольку язык – сложнейшее явление, Э. Бенвенист писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики» [Бенвенист, 1974, с. 46].

Субъективность в языке есть способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения, отражающаяся в самом языке в виде особой черты его устройства: в том, что целые классы языковых элементов - местоимения первого лица, названные глаголы, и др. - имеют особую референтную соотнесенность, или, если пользоваться специальным термином, являются «аутореферентными». За субъективностью вскрывается, таким образом, еще более общее свойство языка: язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом. С присущей ему простотой Э. Бенвенист называет это свойство «человек в языке» и делает это названием целого

раздела своей книги. Иначе все эти черты лингвистической концепции можно назвать антропоцентрическим принципом.

В 70-е гг. лингвист Ю.С. Степанов, анализируя труды Э. Бенвениста, заявил об антропоцентризме как о главном принципе современной лингвистики: «...Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке, наукой гуманитарной, словом такой, какой мы ее находим в книге Бенвениста...» [Степанов, 1985, с. 15].

При данном подходе речь идет о человеке – не просто пассивном референте языковых выражений, а активном их интерпретаторе, не просто носителе языка, а – прежде и важнее всего – носителе определенной концептуальной системы, на основе которой он понимает язык, познает мир и осуществляет коммуникацию с другими носителями языка.

Тенденцию к антропоцентризму в 1980-е гг. выразил и В.А. Звегинцев: «Требование гуманизации не ограничивается рамками социолингвистики... Это требование в действительности также вписывается в общую тенденцию, которая становится все более ощутимой в современной лингвистике в целом» [Звегинцев, 1996, 254].

Победой антропоцентризма можно считать 1990-е гг., когда он был признан главным принципом лингвистики. Одной из первых работ в этой парадигме стала монография Б.А. Серебренникова «Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление» [Серебренников, 1988: 136], а также работы возглавляемого им сектора – «Человеческий фактор в языке...» [Кубрякова, Шахнарович, Сахарный, 1991: 51]. Антропоцентризм как научное явление заключается в том, что изучаемые объекты рассматриваются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. В антропоцентризме человек становится точкой отсчета в анализе тех или

иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели.

Антропоцентрический взгляд на язык привел к расширению области лингвистических исследований, это своего рода экспансионизм лингвистики, которая стремится к расширению своих горизонтов. Сформировалось несколько когнитивно ориентированных направлений в лингвистике, к которым можно отнести, кроме собственно когнитивной лингвистики, психолингвистику, этнолингвистику, лингвокультурологию и прагмалингвистику. То, что настанет пора обширного толкования лингвистики, предвидел еще И.А. Бодуэн де Куртенэ, который считал, что «языковые обобщения будут охватывать все более широкие круги и все более соединять языкознание с другими науками: с психологией, с антропологией, с социологией, с биологией» [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 18].

Одним из первых научных направлений в рамках новой парадигмы сформировалась психолингвистика, которая изучает процессы речеобразования (текстообразования) и их восприятие в соотнесенности с системой языка. Важнейшими направлениями отечественной психолингвистики являются: 1) разработка теоретических моделей порождения (Т.В. Ахутина, А. А. Леонтьев) и восприятия (И.А. Зимняя); 2) изучение вероятностной структуры речевых процессов (Р.М. Фрумкина); 3) изучение вербальных ассоциаций (А.А. Залевская, А.П. Клименко); 4) детская речь (А.М. Шахнарович); 5) психолингвистика текста (Т.М. Дризде) и др. Основным методом исследования в психолингвистике стал эксперимент. А наивысшим ее достижением – создание «Русского ассоциативного словаря» [Караулов, 1999], который очерчивает круг сочетаемости слов в живой речи носителей русского языка, а также наиболее типичных словосочетаний, грамматических конструкций и других элементов наивной языковой картины мира русского человека. Это фундаментальный труд, востребованный целым рядом направлений современной лингвистики, который имеет широкий диапазон прикладного использования: он является базой для обучения

русскому языку, средством оптимизации процессов речевого общения с компьютером и т.д. По проблемам психолингвистики русскими учеными создан целый ряд интереснейших работ (в том числе учебников для студентов), лучшими из которых, на наш взгляд, стали следующие: Леонтьев А.А. «Основы психолингвистики» [Леонтьев, 1997]; Тарасов Е.Ф. «Тенденции развития психолингвистики» [Тарасов, 1987]; Фрумкина Р.М. «Психолингвистика» [Фрумкина, 2001].

Идеи тесной взаимосвязи лингвистических знаний со знаниями о мире и отражении их в семантике языка, понятие языковой личности и ее структуры чрезвычайно плодотворны и перспективны в современной лингвистике. Не случайно одним из самых захватывающих исследовательских сюжетов в европейской гуманитарной мысли второй половины XX в. стала история «смерти» и «воскрешения» субъекта (или «автора»). Сам термин «образ автора» и его фундаментальная разработка принадлежали В.В.Виноградову, который писал: «Образ автора может быть обращен в разные стороны его восприятия и изучения... Этот образ является одновременно отпечатком творческого сознания его исследователя или поклонника и – вместе с тем – отражением объективных качеств художественных свойств, стиля и личности самого предмета изучения» [Виноградов, 1971, с. 118]. Из сказанного следует, что изучение образа автора важно для понимания и содержания текста, и его структуры.

Еще одна сторона данной проблемы – языковая личность, термин также введен В.В. Виноградовым, но теоретическую разработку получил в трудах Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова и в работах Волгоградской школы.

Характерно, что теоретизирование вокруг концепций субъекта («образа автора») завершилось тем, что субъект, объявлявшийся безличным «пересечением дискурсивных практик», оказался реабилитированным и вновь получил право занять свое законное авторское место в теории дискурса. Субъект как целостная и идентичная личность стал центральным,

смыслополагающим и организующим в высказывании, тексте, дискурсе, коммуникативной ситуации.

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленны языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека; например, в пространстве и времени человек ориентируется, соизмеряя их со своим телом: *под боком, под носом, под рукой, рукой подать* – где-то рядом'; метафоры типа: *метель разыгралась, метель укутала людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, идут года, ложится тень, объятый тоской* активно используются и в обыденном, и в поэтическом языке. Особенно воздействуют на носителя языка яркие поэтические образы, построенные на таких метафорах: *мир, пробудившись, встрепенулся; лениво дышит полдень; лазурь небесная смеется; свод небесный вяло глядит* (из произведений Ф.Тютчева).

Никакая абстрактная теория не сможет ответить на вопрос, почему можно думать о чувстве, как об огне и говорить о *пламени любви,* о *жаре сердец,* о *тепле дружбы* и т.д. Осознание себя «мерой всех вещей» придает человеку право творить в своем сознании антропометрический порядок вещей, исследовать который нужно на научном уровне. Этот порядок, существующий в голове, в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет, к которым у него проявляется наивысший уровень эмпатии.

В процессе формирования новой научной парадигмы был провозглашен тезис: «Мир есть совокупность фактов, а не вещей» [Витгенштейн, 1958, с. 31]. Язык был постепенно переориентирован на факт, событие, а в центре внимания стала личность носителя языка («языковая личность», по Ю.Н. Караулову), то есть формирование антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в языке, культуре, обществе. Существует даже предположение, что XXI в.

должен стать веком торжества гуманитарных наук, центральное место среди которых отводится лингвистике. Лингвистика, наука о языке, уже в наше время начинает занимать авангардные методологические позиции в системе всякого гуманитарного знания, и обойтись без ее помощи при изучении других гуманитарных наук невозможно. Примером тому может служить философия. Суть в том, что человек в своей деятельности имеет дело не с реальным миром, а с репрезентациями этого мира, с когнитивными картинами и моделями. Поэтому мир предстает сквозь призму языка народа, который видит этот мир. Вероятно, это и дает основание Ю.С.Степанову сказать, что язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль философов и других ученых.

Действительно, крупнейшие философы XX в. П. Флоренский, Л. Витгенштейн, Н. Бор, Р.Карнап создавали свои философские концепции, опираясь на язык. Так, Р. Карнап писал: «Логический анализ языка – единственная задача философии» [Карнап, 1993]. Возник термин «лингвистический поворот», который описывает ситуацию, сложившуюся в философии в 1920–30-е гг. Это своего рода языковая революция в философии: примером тому являются лингвистическая философия Л. Витгенштейна «Логико-философский трактат», феноменология Э. Гуссерля «Логические исследования», фундаментальная онтология Хайдеггера, неопозитивизм. Они рассматривали обыденный язык как источник заблуждений и философских проблем и противопоставляли ему язык, упорядоченный в соответствии с законами логики.

Выдающийся мыслитель нашего времени Х.Г. Гадамер прямо утверждал, что «язык – единственная надежда на освобождение» и писал, что философия «срослась с языком и только в языке имеет свое бытие» [Гадамер, 1991, с. 144].

М. Хайдеггер, отводя центральное место в своих концепциях языку, считал именно язык, а не природу или окружающий нас мир первосущностей «домом бытия» человека, ибо язык не только отражает, но и создает ту реальность, в которой живет человек. Мы знаем, что *дом* имеет ряд функций,

например, защиты, следовательно, *дом бытия* – защищенное бытие, то есть язык – защита бытия. М. Хайдеггер сказал, что язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека, то есть не люди говорят на языке, а язык «сам от себя говорит» [Хайдеггер, 1993, с.223] посредством людей. Отсюда следует, что защита – важная, но не единственная функция. Дом бывает тесным, то есть он ограничивает действия человека. Он имеет окна, позволяющие выглянуть. А значит, бытие человека в языке и посредством языка может иметь метафизическое измерение. Сегодня философы стремятся извлечь из словаря данные о мире. Через вселенную словаря языка они познают вселенную как реальность.

Таким образом, «языкознание имеет стратегическое значение для методологии общественных наук» [Вежбицкая, 1999, с. 263-305], а человек становится тем центром, на который ориентированы все основные ценности современной лингвистики.

Итак, антропоцентрическая парадигма ставит на первое место человека, а язык считается главной его конституирующей характеристикой, его важнейшей составляющей. Показательно, что введенный в 80-е гг. XX в. Ю.Н. Карауловым термин «языковая личность» за сравнительно короткий срок становится одним из самых употребительных в российской лингвистике.

Человеческий интеллект, как и сам человек, не мыслим вне языка и языковой способности как способности к порождению и восприятию речи. Саму идею антропоцентричности языка в настоящее время можно считать общепризнанной: человек предстает в качестве естественной точки отсчета в языковой картине мира и в ряде лингвистических концепций. И соответственно, антропоцентрическая парадигма в науке – это то, с чем нельзя не считаться, даже если исследователь работает в традиционной – системно-структурной парадигме.

Таким образом, в последние два десятилетия языкознание пережило целый ряд качественных изменений, которые можно охарактеризовать как научную революцию. На смену структурной парадигме в науке о языке

пришла антропоцентрическая, то есть интерес большинства ученых теперь привлекает не сам по себе язык в отрыве от его носителя и от реальной жизни, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего; как язык функционирует в процессе каждодневного общения; какую роль он играет в общественной жизни. А сам принцип антропоцентризма, по словам Е.С. Кубряковой, «заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова, 1995, с. 212].

Смена парадигмы вызвала к жизни целый ряд новых лингвистических дисциплин. Все эти дисциплины объединяет внимание к человеку, говорящему и тесная связь с другими науками о человеке. Это когнитивная лингвистика, лингвополитология, лингвокультурология, лингвистика текста, прагмалингвистика, коммуникативная лингвистика и др.; и, хотя некоторые из них существуют уже десятилетия, даже краткие сведения об этом не попали в вузовские учебники.

Итак, новая парадигма предполагает новые установки и цели исследования языка, новые ключевые понятия и методики. В антропоцентрической парадигме изменились способы построения предмета лингвистического исследования, преобразился сам подход к выбору общих принципов и методов исследования, появилось несколько конкурирующих метаязыков лингвистического описания. Однако данная парадигма не отменила предыдущие парадигмы, а лишь показала ограниченность сферы применения их подходов, хотя каждая из них имела свои преимущества и сослужила свою службу науке о языке. Как справедливо отметила Н.А.Лыкова, язык «настолько сложен и многоэлементен, что практически неисчерпаем в выборе различных параметров и сечений при его описании и

характеристике» [Лыкова, 1999, с. 54-62]. Поэтому современная ситуация в лингвистике определяется Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, Ю.С. Степановым и другими лингвистами как полипарадигмальная, что означает отказ от идеи исключительности того или иного подхода и призыв комбинировать различные методы и подходы.

Антропоцентрическая парадигма внесла существенный вклад в развитие науки о языке, вернув человеку ему подобающее место в лингвистическом мироздании, однако она не отменяет предыдущую парадигму, а лишь дополняет, обновляет ее.

Знания об окружающем мире, в котором находится этнос могут отождевствляться только при учете антропоцентрического подхода в языке. Точнее говоря, описание языка происходит в контексте культуры, где прецедентные феномены являются одной их важных ее частей.

1.4. Понятие прецедентности и интертекстуальности

Изучение языка со связи с культурой народа, а также познание языка через культуру народа приводит многих исследователей к понятию «прецедентности». По Д. Б. Гудкову прецеденты – это определенные модели поведения того, что нужно и не нужно делать [Гудков, 2003, с. 43-50]

Большую часть своих познаний о мире во всем многообразии его проявлений человек черпает не из непосредственно личного опыта, а из текстов различных типов. Состав текстов, входящих в когнитивную базу (совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингвокультурного сообщества), формирует лингвокультурные универсалии - прецедентные тексты.

Совокупность прецедентных текстов представляет собой определенный лингвистический и культурный пласт, называемый в научной литературе корпусом прецедентных текстов. Корпус прецедентных текстов отражает и формирует шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, модели социального поведения, которые в этом сообществе

поощряются либо осуждаются. Корпус прецедентных текстов принадлежит своего рода метауровню, к которому обращается при восприятии и порождении текста практически любой носитель культуры. Они во многом задают границы и основные векторы развития национального культурного пространства. Без знания этих текстов невозможно сколько-нибудь адекватное и полноценное понимание не только текстов той или иной культуры, обнаружение их интертекстуальных связей, но и понимание самой культуры [Захаренко, Красных Гудкова, 2003, 29]. Прецедентные тексты образуют общечеловеческую культуру (семиосферу), которая сама может рассматриваться как один большой текст.

В мировой культуре есть прецедентные тексты, составляющие «бессмертный» запас семиосферы? Обращение к таким текстам осуществляется в течение многих веков. Это, прежде всего текст Библии, Корана, произведения Данте, Сервантеса, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Айтматова, а также молитвы и фольклорные шедевры: мифы, народные песни, сказки, былины и др.

Тексты открыты диалогу, процесс коммуникации осуществляется постоянно, и явление прецедентности активизирует процесс общения и преемственности культурного опыта. Мы разделяем мнение Е.В. Сидорова, утверждающего, что коммуникативность «являет собой тот отличительный признак, который присущ только тексту и благодаря которому текст существенным образом выделяется из массы других объектов, в том числе и языковых» [Сидоров, 1978, с. 106-117], и отмечаем, что коммуникативность - интегральное, глобальное качество текста, характеризующее его как целостную речевую систему.

Категория интертекстуальности, представляющая собой многомерную связь текстов, включает тексты в сферу культуры и является одной из важнейших текстовых категорий, которая изучалась многими учеными: И.В. Арнольд, М.М. Бахтиным, Р. Бартом, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ю.М. Лотманом и др.

Расширенное понимание дискурса наблюдается и в семиотике, в конце 60-х годов, когда Ю. Кристева предложила понимать культуру как «всеобщий текст». Она вводит понятие «идеологемы» как интертекстовую функцию, придающей дискурсу определенные социальные и исторические координаты. В это же время она предлагает термин *интертекстуальности,* который служит для связи общего свойства текстов, ссылающихся друг на друга. Но следует сказать, что основы понятия *интертекстуальности* были заложены еще в 1920-е годы в трудах В.В.Виноградова, Ю.Н.Тынянова, В.М.Жирмунского, Б.М.Эйхенбаума, М.М.Бахтина и других ученых.

Мы можем утверждать, что интертекстуальность – это ничто иное, как текст, пребывающий в окружении предшествующих ему текстов. Основным маркером интертекстуальности и является прецедентный феномен. Например, герой поэмы «Москва – Петушки» Вениамина Ерофеева использует слова Баратынского (*Есть бытие, но именем каким его назвать, – ни сон оно, ни бденье*) для описания состояния крайнего опьянения. А строки А.Вознесенского из поэмы «Зодчие речи»*: «Я лесенкой лез – /позвоночником Речи»* рождаются как сумма строк о «флейте-позвоночнике» В.Маяковского и «*Я по лесенке приставной / Лез на всклоченный сеновал»* О. Мандельштама. Видение Авдия в «Плахе» Айтматова заимствован из видения Христа в Гефсиманском саду. Автор сопоставляет Авдия с Христом: *«И тогда тоже была пятница, и тот, кто мог спастись, тоже не догадался ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов»*. Далее Айтматов подводит нас к следующему: *«…А что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа?.. а что, если это и есть форма существования и способ торжества таких идей?»* [Айтматов, 1987, с. 151]. Слова — Авдия-это слова Иисуса. Почему же писатель использовал данный прецедентный текст в своем произведении? Легенда о Христе сопоставимой с видением Авдия в романе позволила писателю дать ретроспективное изображение реальности,

позволяет читателям без объяснения сопоставить Авдия Калистратова с Христом, поэтому и слова Авдия – это слова Христа.

Интертекстуальность тесно связана с понятием прецедентности и проявляется в использовании прецедентных текстов. Текстовая коммуникация осуществляется посредством цитирования, ссылки на текст-источник, употребления «чужих» слов в «своем» тексте. Прецедентные тексты — это смыслонесущие элементы дискурса как всей нации, так и отдельной социальной группы, вплоть до отдельной языковой личности. Взаимосвязь понятий прецедентности и интертекстуальности заключается в следующем: 1) понятие прецедентности связано с осознанием функционирования прецедентных текстов и вводит понятия цитаты, аллюзии и реминисценции в область этого определения; 2) отражает включенность прецедентных текстов в культурный фонд нации, выражающуюся в известности данного текста широкому окружению данной личности, включая современников и предшественников; 3) включает понятие «прецедентных текстов» в структуру языковой личности. Ю.Н. Караулов отмечает, что «…структуру языковой личности можно рассматривать как складывающуюся из трех уровней. Уровни эти таковы: 1) вербально-семантический, или лексикон личности; лексикон, понимаемый в широком смысле, включает, по нашим представлениям, и фонд грамматических знаний личности; 2) лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, в котором запечатлен «образ мира», или система знаний о мире; 3) мотивационный, или уровень деятельностно-коммуникативных потребностей, отражающий прагматикон личности, т.е. систему ее целей, мотивов, установок и интенциональностей» [Караулов, 1987, с. 238]. Прецедентные тексты — это единицы своеобразного культурного тезауруса личности.

Понятия «человек», «культура», «язык», «текст» взаимсвязаны и взаимодополняются в аспекте изучения прецедентности, так как связаны с общей совокупностью знаний и представлений некоторого культурного

сообщества и вариантами, и способами использования этой базы конкретными носителями языка.

Выводы

Современная лингвистика представляет собой динамичную и развивающуюся область знаний, где необходимы границы между гуманитарными и общественными науками. Это жесткое разграничение ведет к смене методологических ориентиров: меняются аспекты и содержание традиционных лингвистических дисциплин, расширяются их взаимоотношения со смежными дисциплинами, формируются новые лингвистические направления и новые парадигмы. Термин “парадигма” в современной науке получил широкое распространение и используется в разных значениях. Впервые методологическое пояснение термина “научная парадигма” дал в своей работе «Структура научных революций» американский ученый Т. Кун. По Т. Куну “парадигма” в науке – это научное достижение, которое через определенное время становясь моделью, имеет свои проблемы и пути их решения. Таким образом, термин “парадигма”, являясь универсальной, используется для определения многочисленных лингвистических направлений, концепций, школ, теорий и подходов. Современное состояние российской лингвистики Е. С. Кубрякова характеризует как парадигмальное, считая полипарадигматизм показателем зрелости науки. В полипарадигматизме все парадигмы так или иначе взаимодейтсвуют друг с другом и находятся между собой в определенной иерархии. В середине 80-х гг. прошлого века в лингвистике был весьма громко заявлен антропоцентрический подход. Антропоцентрический подход заключается в том, что наука изучается прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования.

Антропологическая переориентация языкознания свидетельствует о смене приоритетов, о переходе к лингвистике антропоцентрической, предполагающей исследование языка в непосредственной связи с

индивидуумом и социумом. Антропоцентрическая тенденция является одной из наиболее масштабных и влиятельных в научном пространстве, при этом совершенно очевидно, что сама по себе антропоцентрическая идея, будучи связанной с важнейшим для всех областей познания понятием человека, не могла зародиться только в XX столетии, она существовала в лингвистике (да и в науке вообще) с давних пор. Впервые обстоятельно принцип антропоцентризма был провозглашен в трудах В. фон Гумбольдта, согласно которому изучение языка без последовательного учета человеческого фактора является нецелесообразным. Тезис об имманентно присущей языку субъективности выдвинул и наполнил конкретным содержанием Э. Бенвенист.

Таким образом, в полипарадигмальном принципе в лингвистике, антропоцентрическая парадигма является лидирующей парадигмой. Антропоцентрическая парадигма, рассматривая язык в непосредственной связи человека с его культурой расширяет границы лингвистики. В рамках антропоцентризма мы можем рассматривать прецедентные феномены, архетипы, ментефакты, концепты, как одну группу знаний, образующую своеобразные коды, скрепы в сознании одного языкового коллектива. Также понятие «прецедентности» мы можем и связать с понятием «интертекстуальности», так как интертекст – это отсылка к известному тексту, которая может вызывать определённые ассоциации, ситуации, понятия и даже определенную модель поведения, которая отождествляется в прецедентных феноменах. Основным маркером интертекстуальности и является прецедентный феномен.

Рассматривая интертекстуальность как социокультурное явление, встречающееся в современной коммуникации, можем сказать, что оно является важной чертой русскогоязычного дискурса. Этот термин был введен Ю. Кристевой в 1967 году. Но о зарождении данного понятия говорится еше в начале XX века в работах В. В. Виноградова, Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина, В. М. Жирмунского.

Вот как характеризует интертекстуальность Ролан Барт: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний: она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Барт, 1989, с.322] .

Основным маркером интертекстуальности в дискурсе яляется прецедентность, так как интертекстуальность включает ряд ассоциаций, которые появляются у читателя при чтении произведения или у говорящего, который использует эти ассоциации в речи. Данные ассоциации порождаются прецедентными феноменами, которые обладают этнокультурным содержанием и образностью, служат маркерами национально-культурной идентичности индивидов, средством создания между ними интертекстуальных связей.

ГЛАВА II. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предмет исследования - культурно-языковая характеристика прецедентных феноменов русского и кыргызского языков, функционирующих в русскоязычном дискурсе.

Объектом исследования являются прецедентные феномены русского и кыргызского языков в русскоязычном дискурсе Кыргызстана

Материалом исследования послужили прецедентные феномены, извлеченные из СМИ Кыргызстана: 1) сети Интернет (новостные сайты: gezitter.org, vb.kg, delo.kg (онлайн версия газеты «Дело №»), kp.kg (онлайн версия газеты «Комсомольская Правда»), knews.kg; tushtuk.kg; 2) периодических изданий («Вечерний Бишкек», «Комсомольская Правда (Кыргызстан)», «Дело №», «Аргументы и Факты» за период с 2012 г. по 2019 г., а также из произведений известных кыргызских и русских писателей.

Обращение к данным источникам обусловлено тем, что язык СМИ наиболее «чувствителен» к изменениям, происходящим в обществе и является своеобразным «зеркалом», в котором отражаются общественно-политические, культурные, экономические процессы, происходящие в жизни кыргызстанцев, а художественные тексты, отображают национально-культурные особенности общественного сознания, что является эффективным средством формирования ментальности языковой личности.

Методологической базой исследования послужили идеи, положения, принципы, разработанные в мировой и отечественной лингвистике относительно прецедентных феноменов и когнитивной лингвистики (Д.В.Багаева, А.Вежбицка, Д.Б. Гудков, З.К. Дербишева, К.З.Зулпукаров, П.К.Кадырбекова, У.Дж.Камбаралиева, Ю.Н. Караулов, Ю.Кристева, В.Г. Костомаров, В.В. Красных, Дж. Лаккоф, М. В. Пименова, Г.Г. Слышкин, М.Дж. Тагаев и др.).

В настоящее время известно несколько подходов к изучению прецедентных феноменов. Первый из них совмещает в себе постулаты когнитивной лингвистики и теории языковой личности (Д. В. Багаева, Н. Д.

Бурвикова, Н. А. Голубева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, В. Л. Латышева, В. И. Макаров, Е. А. Нахимова, Н. В. Петрова Ю. Е. Прохоров). Другой подход прецедентные феномены помещает в контекст лингвокультурологии (Л. И. Гришаева, С. Л. Кушнерук, Г. Г. Слышкин). Третий подход изучает прецедентные имена как один из тропов в рамках теории интертекстуальности (А. Д. Васильев, А. А. Евтюгина, Н. В. Иноземцева, Н. А. Кузьмина, Н. М. Орлова, Г. Д. Распаева, А. Е. Супрун, С. С. Чистова, И. И. Яценко). Ученые отмечают, что «нельзя уверенно говорить о том, что данное явление всесторонне исследовано» (М. В. Золотарева, Р. З. Назарова).

Что же касается изучения функционирования прецедентных феноменов в сознании и дискурсе билингвальной языковой личности, то эта проблема еще даже не ставилась.

Методы исследования. В процессе исследования использовался комплекс методов:

1) структурирование концептуальных пространств и их последующая интерпретация. В данном исследовании под этим методом мы подразумеваем мыслительную среду, в которой происходит синтез нового знания на основе мотивированной или ассоциативной интеграции уже известных концептов или концептуальных смыслов. С помощью концептульных пространств русской и кыргызской лингвокультуры были составлены вопросы интервью и анкеты, которые использовались в экспериментальной части исследования.

2) сравнительно-сопоставительный анализ был применен в классификации прецедентных феноменов русского и кыргызского языков, а также для выявления функций прецедентных феноменов в дискурсе билингвальной личности.

3) фреймовое моделирование применено в третьей главе диссертационного исследования. На основе анализа учебников с позиций прецедентных феноменов были составлены фреймовые модели,

отображающие языковую картину мира школьников. Фреймовая структура представляет собой модель, ядро которой занимает имя фрейма, ближнюю периферию составляют первоначальные значения фрейма, а дальнюю - атрибуты, содержащие детальные и ассоциативные характеристики. Путем использования данной методики выявлены наиболее употребительные прецедентные феномены.

4) метод ассоциативного эксперимента использовался во второй части анкет. Так например, на такие вопросы

Русская часть	**Кыргызская часть**
Дополните сравнения Умный, как _____ Добрый, как _____ Богатый, как _____ Злой, как_____ Страшный, как _____ Жадный, как _____ Сильный, как _____	**Кыргызча аттарды жазгыла** _____ акылман _____ ак пейил _____ бай _____ каардуу, таш боор _____коркунучтуу, кебетеси суук _____ баатыр _____ ачкөз

респондентам предлагалось ответить сразу, с какими именами ассоциируются у вас предложенные сравнения.

5) анализ словарных статей кыргызско-русских и русско-кыргызских словарей использовался при составлении теоретической основы лингвокультурологического словаря прецедентных феноменов русского и кыргызского языков

6) статистический анализ практического материала исследования применяется после эксперимента. После опроса респондентов происходит анализ данных исследования, которые необходимо обработать, а именно упорядочить и проанализировать.

7) анкетирование проводилось на кыргызском и русском языках, с целью выявления фукнциониования прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов. Анкета имеет три формы. Вопросы анкеты даны в приложении.

8) интервью проводилось только на кыргызском языке со следующими вопросами:

Айтып бергилечи. Булар ким болгон?

1. Апенди ким болгон? Кандай адамды Апенди дейбиз?
2. Жээренче чечен ким болгон? Кандай адамды Жээренче чечен дейбиз?
3. Акыл Карачач ким болгон? Кандай адамды Акыл Карачач дейбиз?
4. Толубай сынчы ким болгон? Кандай адамды Толубай сынчы дейбиз?
5. Токтогул ырчы ким болгон? Кандай адамды Токтогул менен салыштырабыз?
6. Алдаркөсө ким болгон? Кандай адамды Алдаркөсө менен салыштырабыз?
7. Асан Кайгы ким болгон? Кандай адамды Асан Кайгы менен салыштырабыз?

ГЛАВА III. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ ЭТНОСА

3.1. Концепт как базовая единица когнитивной лингвистики

Всю познавательную деятельность человека (когницию) можно рассматривать, как развивающую умение ориентироваться в мире, а эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты: концепты возникают для обеспечения операций этого рода. Следовательно, формирование концептов связано с познанием мира, с формированием представлений о нем.

К концу XX века лингвисты поняли, что носитель языка — это носитель определенных концептуальных систем. Концепты - ментальные сущности. В каждом концепте сведены воедино принципиально важные для человека знания о мире и вместе с тем отброшены несущественные представления. Система концептов образует картину мира (мировидение, мировосприятие), в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир. Экспликация процесса концептуализации и содержания концепта доступна индивиду, который сам является носителем данного языка. Таким образом, на рубеже тысячелетий на первый план в лингвистике выходит проблема ментального, то есть концепты — ментальные сущности.

Термин концепт в лингвистике и старый и новый одновременно. С.А. Аскольдов-Алексеев еще в 1928 г. опубликовал статью «Концепт и слово», но до середины XX века понятие «концепт» не воспринималось как термин в научной литературе.

Сейчас в лингвистической науке можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт — это то, что называет содержание понятия, синоним смысла.

Первый подход, представителем которого является Ю.С. Степанов, при рассмотрении концепта большее внимание уделяет культурологическому

аспекту, когда вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Следовательно, концепт — это основная ячейка культуры в ментальном мире человека. Они занимают ядерное положение в коллективном языковом сознании, а потому их исследование становится чрезвычайно актуальным.

Второй подход привлечение в когнитивную лингвистику (Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев и др.) семантики языкового знака представляет единственным средством формирования содержания концепта. Концепт рассматривают как языковой знак.

Сторонниками третьего подхода являются Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова и др., которые считают, что концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения значения слова с личным и народным опытом человека, т.е. концепт является посредником между словами и действительностью. Концепт, согласно Е.С. Кубряковой, — это оперативная содержательная единица памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга (lingva mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике [Кубрякова, 2001, с. 90]. При анализе концепта она считает оправданным использование в когнитивной лингвистике понятий фона и фигуры, которые применяются в психологии при описании сенсорно-перцептивных процессов. По мнению Кубряковой, если язык отражает особое видение мира, то и отражение в нем позиции наблюдателя (или сознательное абстрагирование от нее) соответствует общей субъективности запечатленных и закрепленных в языке концептов. Вместе с тем синонимия — явление кажущееся, ибо за каждой альтернативной лексемой стоит индивидуальная концептуальная структура.

Определение значения через концептуальные структуры является, по мнению Е.С. Кубряковой, новым подходом к связыванию значения и знания.

Интересная теория концепта предложена Ю.Д. Апресяном, она основывается на следующих положениях:

1) каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира; выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов; своего рода коллективную философию, которая навязывается языком всем носителям;

2) свойственный языку способ концептуализации мира отчасти универсален, отчасти национально специфичен;

3) взгляд на мир (способ концептуализации) «наивен» в том смысле, что он отличается от научной картины мира, но это не примитивные представления [Апресян, 1995, с. 39].

Общим, для этих подходов является утверждение неоспоримой связи языка и культуры; расхождение обусловлено разным видением роли языка в формировании концепта. Объекты мира становятся «культурными объектами» лишь тогда, когда представления о них структурируются этноязыковым мышлением в виде определенных «квантов» знания **концептов.**

Этот термин до сих пор не имеет единого определения, хотя он прочно утвердился в современной лингвистике.

<u>концепт</u> — оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике;

<u>концепт</u> — культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму, единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [Воркачев, 2001, с. 47-48].

Таким образом, понятие концепта пришло из философии логики, но в последние 15 лет оно переживает период актуализации и переосмысления. Разные определения концепта позволяют выделить его следующие инвариантные признаки:

1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова и имеющая полевую структуру;

2) это основные единицы обработки, хранения и передачи знаний;

3) концепт имеет подвижные границы и конкретные функции;

4) концепт социален, его ассоциативное поле обусловливает его прагматику;

5) это основная ячейка культуры.

Следовательно, концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему, а знаки человеческого языка кодируют в слове содержание этой системы.

Мы можем сказать, концепт многомерен, в нем можно выделить как рациональное, так и эмоциональное, как абстрактное, так и конкретное, как универсальное, так этническое, как общенациональное, так и индивидуально-личностное.

Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации, а точнее, складываются из:

а) его непосредственного чувственного опыта — восприятия мира органами чувств;

б) предметной деятельности человека;

в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами;

г) из языкового знания (концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме);

д) путем сознательного познания языковых единиц [Демьянков, 1994, с. 40, 54].

В последнее время дискутируется вопрос о количестве концептов. Если А. Вежбицкая фундаментальными для русской культуры считала всего три концепта («Судьба», «Тоска» и «Воля»), то Ю.С. Степанов полагает, что их число достигает четырех-пяти десятков. Это «Вечность», «Закон»,

«Беззаконие», «Слово», «Любовь», «Вера» и др. Концептуальная система опирается на существование этих первичных концептов, из которых развиваются все остальные. Д.И. Кирнозе утверждает, что определение точного круга национальных концептов — задача неразрешимая.

Концепты могут классифицироваться по различным основаниям. С точки зрения тематики они образуют, например, эмоциональную, образовательную, текстовую и др. концептосферы. Классифицированные по своим носителям концепты образуют индивидуальные, микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие концептосферы. Могут выделяться концепты, функционирующие в том или ином виде дискурса: например, педагогическом, религиозном, политическом, медицинском и др. Сам дискурс может рассматриваться одновременно как совокупность апелляций к концептам и как концепт, существующий в сознании носителей языка [Маслова, 2004, с. 6-71].

Вслед за В.И. Карасиком отметим, что культурный концепт в языковом сознании — это многомерная сеть значений, которые выражаются лексическими, фразеологическими, паремиологическими единицами, прецедентными текстами, этикетными формулами, а также речеповеденческими тактиками, отражающими повторяющиеся фрагменты социальной жизни [Карасик, 2004, с. 142]. В связи с этим возникает необходимость дополнить собственно лингвистическое исследование культурных концептов данными других наук — истории, культурологии, этнографии, психологии, этики, социологии.

Концепты как интерпретаторы смыслов все время поддаются дальнейшему уточнению и модификациям. Они представляют собой реализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов и сами видоизменяются. Возьмем, например, такой признак, как «красный», который, с одной стороны, интерпретируется как признак цвета, а с другой стороны, дробится путем указания на его интенсивность (алый, пурпурный, багряный,

темно-красный...) и обогащается другими характеристиками. Да и сама возможность интерпретировать разные концепты в разных отношениях свидетельствует о том, что и число концептов, и объем содержания многих концептов беспрестанно подвергаются изменениям. «Так как люди постоянно познают новые вещи в этом мире и поскольку мир постоянно меняется, — пишет Л.В. Барсалоу, человеческое знание должно иметь форму, быстро приспосабливаемую к этим изменениям»; поэтому основная единица передачи и хранения такого знания должна быть тоже достаточно гибкой и подвижной.

Предметом поисков в когнитивной лингвистике являются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы концепты — те, которые организуют само концептуальное пространство и выступают как главные рубрики его членения [Арутюнова, 1999, с. 52, 57].

Вслед за мировым языкознанием и кыргызстанская лингвистика включается в разработку проблем антропоцентризма. Этот факт ускорил исследования проблем в области языка и мышления, начали появляться множество работ, посвященных национальной специфике языков, лингвокультурологии. Во всех этих направлениях, основным термином стал когнитивный термин «концепт».

Кыргызстанский лингвист М. Дж. Тагаев дает следующее определение концепту: «Концепт – принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности. Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету.

Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу» [Тагаев, 2015, с. 99].

Концепты влияют на нашу повседневную жизнь, они структурируют наши ощущения, поведение, наше отношение к другим людям. Таким образом, наша концептуальная система играет важную роль в определении реалий современной жизни. В повседневной жизни мы зачастую не осознаем концептуальную систему. Во многих случаях, о мелочах, которые мы делаем, не осознаем и делаем их автоматически, по определенным схемам. Что именно за схемы, мы этого не понимаем. Один из способов изучения этого – наблюдение функционирования языка. Так как коммуникативная деятельность человека также основывается на концептуальной системе, то язык является главным источником информации в этой системе.

Например, в русском контексте СМИ встречаются такие названия политических организаций: «Ар-Намыс», «Ата-Журт», «Ак-Шумкар», «Ата-Мекен» и др. Мы можем подобрать русские эквиваленты данных концептов: «справедливость», «достоинство», «честь», «белый сокол», «родина». Естественно, концепты, являющиеся принадлежностью кыргызской лингвокультуры связаны со специфическими понятийными, культурно-историческими, образными, ценностными, эмоциональными компонентами, которые плотно внедрены в сознание кыргызского народа и всегда ассоциировались с положительными образами. Например, эпитет «айкөл» употребляется в сочетании с именем героя кыргызского эпоса «Манас» (Манас Великодушный), как собирательного образа, символизирующего сосредоточие всех лучших качеств, которые ценятся в кыргызском обществе, наряду с такими качествами как ар-намыс (достоинство) и ата-журт (родина). Эти качества З.К. Дербишева относит к содержанию одного из ключевых концептов кыргызской лингвокультуры - «абийир, намыс» («совесть, достоинство») [Дербишева, 2012, с. 118].

Ак-Шумкар (белый сокол) — символ свободы, силы; верный сокол Манаса. Некоторые исследователи проводят такие параллели «Ак-Шумкар – птица Манаса – мечты Манаса» [Ураев, URL:http://www.eposmanas.ru/uraev/].

Почему эти и другие ключевые концепты кыргызской лингвокультуры

были положены в основу названий политических партий, объединений, движений? Как известно, среднестатистический избиратель определяет идеологическую направленность партии исходя из ее названия. Если, например, партия называется «СДПК» (Социально-демократическая партия Кыргызстана), то, очевидно, она имеет социально-демократическую направленность, если «Коммунистическая партия Кыргызстана», то «коммунистическую» направленность, как бы ненавязчиво вызывая положительные образы прошлых советских лет. Пропагандистские цели политических организаций успешно реализуются во многом благодаря «удачному» названию, которое оказывается созвучным социальным, культурным, религиозным представлениям большей части общества. Одним из постулатов когнитивной лингвистики является тезис о том, что человек воспринимает мир через призму родного языка. Кроме того, у любого народа существуют некие базовые представления о жизни, мироустройстве, времени, положительных и отрицательных качествах человека и т. д., которые неразрывно связаны с культурой нации. (Эту идею, применительно к русской культуре, развил Ю.С. Степанов в работе «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов, 2004], а применительно к кыргызской культуре З.К. Дербишева в работе «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» [Дербишева, 2012]. Эти базовые лингвокультурные концепты, используемые в названиях партий Кыргызстана, тесно переплетаются с глубинными, протипичными образами кыргызской культуры, вызывая положительные ассоциации и играют важную роль в формировании положительного образа политических объединений, которые зачастую не соответствует действительности. Если удачное название партии будет согласовываться с когнитивной базой того социума, в котором она будет функционировать, то, в таком случае она приобретет большую популярность и доверие избирателей. Так, например, в России существуют партии «Яблоко», «Медведь», а в Кыргызстане положительные ассоциации вызовут наименования «Ак-Шумкар» (белый сокол), «Ак жол» (светлый путь) и др.

В рамках когнитивной лингвистики наиболее активно стала развиваться теория метафорического моделирования действительности (теория концептуальной метафоры), которая рассматривает метафору как основную ментальную операцию, способ познания, структурирования и объяснения мира. Объединяя для более глубокого проникновения в суть понятия, в норме не связанные, метафоризация предстаёт как способ создания новых концептов с использованием знаков, уже имеющихся в данной семиотической системе. Когнитивные метафорические модели заложены в понятийной системе человеческого разума, это своего рода схемы, по которым человек думает и действует. Соответственно наблюдения за функционированием метафор признаются важным источником данных о функционировании человеческого разума.

Так, например, американский лингвист, профессор когнитивной лингвистики Джордж Лакофф выделял метафорам центральное место в жизни индивида. Дж. Лакофф утверждал то, что мы делаем каждый день и то, что мы узнаем из опыта, имеет прямое отношение к метафоре. «Мы есть существа, зависящие от нервной системы», — утверждает Дж. Лакофф, «Наш мозг получает данные от других частей нашего тела. То, как выглядят наши тела, и то, как они функционируют в окружающем мире, таким образом, определяет структуру концептов, которыми мы мыслим. Мы не можем думать что-нибудь — только то, что позволяет нам наш телесный ум» [Лакофф, 2004, с.26]. Дж. Лакофф объясняя меафоричность концепта, рассматривает понятие СПОР и концептуальную метафору СПОР – ЭТО ВОЙНА. На самом деле, говоря о споре, мы предполагем столкновение двух сторон, в котором кто-то побеждает, а кто-то проигрывает. В споре мы разрабатываем стратегии, мы атакуем позиции противника и защищаем свои. Множество вещей, которые мы совершаем в споре, структурированы концептом войны. Хотя нет реального сражения, а есть словесное противостояние. Структура спора в атаке, в защите и т.д. отражает это. В нашем сознании мы живем метафорой *спор – это война,* структирирующая наши действия в споре.

В Кыргызстане за последние годы появился ряд диссертационных исследований, посвященных анализу концептов: «Глаз/Көз», «Лицо/Бет» в языковой картине мира русского и киргизского языков [53] (научный руководитель– проф. М.Дж. Тагаев), «Бала» «ребенок» в кыргызском языке [Толокова, 2012], (рук. – проф. З.К. Дербишева), «Вода/Суу» в русском и кыргызском языке [Абыканова, 2012] (рук. – проф. Г.А. Куттубаева), «Жизнь» в русской и кыргызской языковой картине мира [Бутешова, 2012] (рук. – доц. У.Д. Камбаралиева), теологические концепты [Калмурзаева, 2013] (рук. – проф. К.З. Зулпукаров).

В монографическом исследовании У.Дж. Камбаралиевой были использованы и получили дальнейшее теоретическое развитие когнитивные методики исследования языка на материале концептов «Время/Убакыт» [Камбаралиева, 2013].

В работе рассматривается концептуальное сходство темпоральной сферы разных этносов, которое является универсальным свойством сознания народов, а восприятие темпоральности и темпоральных отношений, процессы их концептуализации и категоризации обусловлены этнокультурной спецификой народа.

М. Дж. Тагаев изучив данную монографию, приходит к такому обобщению: «Представляет интерес для когнитивной лингвистики вывод о том, что категория времени киргизского языка эксплицируется дробным обозначением, а в русском - обобщенно-совокупным обозначением времени и временных отношений; среди когнитивных признаков времени в русском языке доминирующим является квалитативный признак, а в киргизском – пространственный. Установлено, что когнитивные темпоральные признаки являются культурно детерминированными – если оседлый русский ценит настоящее, то для киргиза-кочевника и горца большое значение имеет прошлое, а образ настоящего воспринимается киргизом как временная остановка, отрезок для обработки информации прошлого для передачи в будущее. Киргиз делит время на определенные отрезки, исходя из результатов

наблюдений за окружающей природой, а русский человек такие отрезки рассматривает обобщенно, как совокупность, наполняя каждый отрезок событиями и фактами и оценивая каждый из них отдельно» [Тагаев, 2015, с.105].

Обобщив взгляды исследователей на понимание концепта, можно сделать вывод, что в рамках лингвокультурного подхода концепт — это многомерное ментальное образование, включающее в себя ценностный, понятийный и образный элементы. Принципиальное отличие культурного концепта от других, применяющихся в современной науке условных ментальных единиц, состоит в том, что для концепта, при всей его многомерности, характерен примат ценностного отношения к отображаемому объекту. Формирование концепта есть процесс обобщения результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотношения их с ранее усвоенными ценностными доминантами, выраженными в религии, идеологии, искусстве и т.д. Функционирование концепта - процесс выбора и использования конкретных языковых средств, которые, по мнению отправителя сообщения, способны активизировать этот концепт в сознании адресата. Таким образом, концепт существует в сознании, детерминируется культурой и опредмечивается в языке.

3.2. Лингвокультурные коды и архетипы

Культура и язык сосуществуют в едином семиотическом пространстве. С позиций культурологии под знаком культуры понимают «чувственно воспринимаемый материальный предмет, а его значение – продукт духовной деятельности людей» [Культурология, 2005, с.116].

С точки зрения лингвистики язык является средством вербализации культурной информации. На основе взаимодействия языка и культуры возникает новый знак – культурно-языковой.

В процессе межкультурной коммуникации во взаимодействие вступают «привычная» культура, то есть собственная и «непонятная», то есть чужая

культура. Таким образом, речь идет о взаимодействии разных вербальных и культурных кодов. Под лингвокультурным кодом мы понимаем систему символов, с одной общей тематикой, имеющих единую образную систему. Культурные коды формируют определенные фрагменты картины мира, представленными реалиями, относящихся к одному типу феноменов. Вербальный код в этом смысле служит словесным выражением национально-культурной информации. Следовательно, лингвокультурные коды аккумулируют и транслируют культурно значимую информацию. В современных исследованиях изучаются механизмы закрепления ценностей в культурных архетипах [Арнольдов, 1992, с.41].

Известно, что на основании культурных архетипов вырабатываются стереотипы. Стереотип вбирает в себя представления об окружающей действительности, аккумулирует исторический опыт нации, привычки предшествующих поколений, закрепляет это в схематическом образе своей этнической общности [Четверакова, 2007].

Архетипические представления отображаются в процессе функционирования языка.

Термин архетип введен К.Юнгом, возник в философии в значении прообраза, первоначального образа, идеи. В одной из своих работ Юнг приводит метафору, чтобы наглядно пояснить соотношение понятий архетип и архетипический образ: архетип подобен молекулярной кристаллической решётке, в некотором смысле идеальной и не существующей самостоятельно без наполняющей её материи. Конкретное же физическое проявление – кристаллы различной природы – есть архетипические образы, которые могут быть разнообразны, выражая один и тот же архетип.

Архетипы являются врожденными психическими структурами, находящимися в глубинах «коллективного бессознательного» и составляют основу общечеловеческой символики. Архетипы можно также понимать, как особые вневременные схемы или основания, согласно которым образуются мысли и чувства всего человечества [Лейбин, 1991, с.28].

В XX веке область использования термина «архетип» значительно расширилась, в том числе распространилась на лингвистические исследования. В сравнительно-историческом языкознании архетип – исходная для последующих образований языковая форма (фонема, морфема, лексема), реконструируемая на основе закономерных соответствий в родственных языках [Нерознак, 2000, с.47].

Архетип является тенденцией к образованию представлений, которые могут значительно колебаться в деталях, не теряя при этом своей базовой схемы. К примеру, существует множество представлений о враждебном существе, но сам по себе мотив всегда остаётся неизменным. Архетипы свидетельствуют о себе в сознании в виде архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные модели, которые появляются из коллективного бессознательного и являются основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. У отдельного человека архетипы проявляются в сновидениях, грёзах и фантазиях.

Архетип древнее, чем культура, следовательно, он не передаётся традицией, миграцией или речью. Он возникает спонтанным образом повсеместно. Архетип тесно связан со структурой мозга и передаётся индивиду по наследству вместе с мозговой структурой. Он – психическое выражение структуры мозга, вечная готовность к актуализации тех или иных психических форм. Встреча с архетипным образом всегда сопровождается сильным эмоциональным переживанием, сообщающим чувство надличностной энергии, некоей силы, явно превосходящей индивидуальное сознание. Но понимание архетипа невозможно без понимания коллективного бессознательного. Таким образом, неотъемлемой частью архетипов является мифологический мотив. Согласно Юнгу, мифы не представляли, а были психической жизнью первобытных. Он сделал вывод, что предпосылки мифообразования должны быть в самой психике. И содержатся они именно в коллективном бессознательном. Миф представляют собой истории

архетипических столкновений и оказываются метафорой для действий архетипов.

А.Ф.Лосев считает, что в основе мифа лежит дорефлективное биологически интуитивное взаимоотношение человеческого сознания и вещей. С.А.Токарев, Е.М. Мелетинский, аналогично Леви-Строссу, описывают бинарные оппозиции в мифе, а В.М. Мелетинский считает миф производной особого мифологического мышления. Я.Э.Голосовкер вслед за Леви-Строссом считает мифологию таким же средством познания мира, как и науку. Действительно, исходные мифологемы можно обнаружить очень во многих современных научных концепциях. Миф – идеальный вариант архаического мышления.

В первобытные времена миф, в общем, выполнял функцию регуляции жизни общества. Условия жизни исторически менялись, изменялись и формы проявления мифологем, менялись их функции. Современное общество также полно мифов, живущих и влияющих на нашу жизнь. Только наши мифы более скрыты за светской маской и трансформированы. Они отвечают запросам нашего общества, оставаясь, по сути, проявлениями тех же структурных образований психики, которые переживали наши предки в мифологическую эпоху. На наш взгляд, мифологемы проявляются в традиции проведения различного рода праздников. Это, например, празднование дня рождения или Нового года, Нооруза как символическое переживание нового рождения.

Книги и фильмы содержат ясно видные мифологемы. В настоящее время мы ясно видим, что наиболее кассовыми являются фильмы с непременным противостоянием добра и зла, героем и его тенью – антигероем. Практически везде неотъемлемая часть сценария – освобождение пленённой красавицы. Примеров можно приводить много: сенсационная идея «Матрицы», экранизация трилогии Толкина «Властелин колец», нашумевшая картина «Пираты Карибского моря» и т. п. Работают архетипы Героя, Злодея, Охотника, Принцессы. Кстати, сама популярность книги «Властелин колец» демонстрирует актуальность мифологии, так как во время чтения человек

погружается в описываемое время, переживает изображаемые события. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что многие фильмы, что называется, «делают актёры», уже широко известные зрителям и исполняющие главные (как положительные, так и отрицательные) роли. Образ актёра в данном случае, возможно, воспринимается как мифический герой, и этот архетип актуализируется каждый раз при виде данного образа, вызывая эмоциональную реакцию. В одном фильме актёр исполнил определённую социальную роль, и в остальных картинах он воспринимается зрителями в той же социальной роли. На наш взгляд, в данном случае работает архетип Персоны.

Что касается книг, наглядный пример – мировой бестселлер «Гарри Поттер». Эта книга пронизана мифологией магии, и её популярность наглядно показывает актуальность потребности переживания мифического опыта. Здесь могут присутствовать такие архетипы магического круга, как жрица, ведьма (колдунья), мудрый старец, трикстер (чёрный волшебник).

Также в качестве примера можно упомянуть, что в обществе принято почтительно относиться к старшим. На наш взгляд, эта традиция восходит к временам почитания старцев как мудрецов. Архетип Отца или Мудрого Старца. Также можно соотнести бытующее понятие «Родина-мать» с мифической Великой Матерью.

Архетипы находят в творчестве самых разных писателей. «Ю. Лотман выделяет ряд архетипов в произведениях Пушкина, например, архетипический мотив стихии, метели, дома, кладбища, статуи, а кроме того, оппозицию образов разбойника — покровителя или погубителя — спасите-ля. Особенно богато архетипическими мотивами творчество Гоголя и Достоевского. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» очевиден архетип ритуально-праздничного веселья, иначе называемый карнавальностью; в «Тарасе Бульбе» можно увидеть архетип поединка отца с сыном и почувствовать атмосферу эпического времени, а в петербургских повестях — архетипическую оппозицию Севера и Юга. В разных произведениях

Достоевского явно проступают архетипы двойника, космоса и хаоса, своего и чужого, героя и антигероя, добра и зла и т. д» [Эсалне, 2000, с.35].

Также множество архетипических образов можно найти и в произведениях Ч. Айтматова. В повести «Белый пароход» мифологические мотивы влияют на целостную концепцию произведения. Так, например, легенда о ветре Сан-Таш, предание о матери-оленихе. Все эти образы введены автором в текст через сказки. А в повести «Прощай, Гульсары!» фольклорные вставные конструкции вносят в текст особый эмоциональный заряд. Например, это древний кыргызский плач «Карагул ботом» из легенды о Коджожаше и плач Верблюдицы. Центральное место в творчестве Ч. Айтматова занимает архетип Матери. Образ богини-матери представлена именно в образах животных. В повести «Прощай, Гульсары!» это образ Серой козы (покровительница диких жвачных животных у кыргызов), в повести «Белый пароход» архетип Матери представлен образом Рогатой матери-оленихи, связанной с представлениями об Умай эне (женское божество, покровительница детей и рожениц). А в повести «Пегий пес, бегущий краем моря» архетип матери представлен образом Рыбы-женщины. Ч. Айтматов в этом образе хотел показать союз природы с человеком. Для тюркских народов важное значение имеет образ волка. В романе «Плаха» — это пара волков. Здесь архетип Матери защитницы представлен образом Акбары. Образ Акбары и Ташчайнара в повести «Плаха» очень яркий. Они беззащитные животные, бессильные перед людьми. Но когда наступает беда, они, поддерживая друг друга, создают идеальный образ семейной жизни. Ташчайнар своей лаской и нежностью заглушает боязнь Акбары.

В сфере когнитивной лингвистики используется введений В. Карасиком термин «архетипический концепт», в качестве примеров приводятся такие, как «сделка с дьяволом», «враждебный заговор». Это активно транслируемые, закрытые для модификации, не переводимые в иные формы выражения, не допускающие критического восприятия концепты [Карасик, 2003, с.43].

Концепт в лингвистике часто соотносят с архетипом. Соотношением этих понятий занимались Н. Д. Арутюнова, И. А. Богданова, А. Ю. Большакова, В. В. Колесов, А. Ф. Лосев, В. А. Маслова, В. И. Карасик, У. А. Савельева.

В диссертации У. А. Савельевой архетипический концепт рассматривается как сложное ментальное образование, признаками которого являются: 1) размытый оценочно-маркированный образ, проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; 2) ориентация на важнейшие ценности бытия, универсальность для человечества; 3) двойной оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде, положительной и отрицательной оценок [Савельева, 2008, с.4].

Архетипический концепт – концепт, которому присущи параметры архетипа: социальность, ценностность, духовность и др. [Гучепшокова, с.7]. «Архетипы, выступая основой формирования стереотипов, символов, образов той или иной культуры, реализуются в архетипических концептах как своеобразное единство коллективного и индивидуального элементов в осмыслении фрагментов окружающей действительности» [Савельева, 2008, с.8]. Таким образом, по мнению У. А. Савельевой, архетипический концепт является своего рода продуктом индивидуального восприятия мира через призму коллективного наследия опыта предыдущих поколений.

И.А.Богданова в своей диссертации утверждает, что главным носителем архетипического концепта в языке является слово, и выделяет в смысловом пространстве слова три уровня, которые «отличаются друг от друга степенью абстракции, проявленности и сложности. Низший, наиболее проявленный уровень образуют значения слов. На втором уровне находятся скрытые значения, которые описываются как коннотации. И третий уровень слова формируют архетипические смыслы, которые можно выделить путем анализа функционирования языковых средств, объективирующих концепт в языке» [Богданова, URL: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/3_bogdanova%20i.a..doc.htm].

Прецедентные феномены, выраженные в прецедентных текстах, прецедентных ситуациях, в прецедентных высказываниях и прецедентных именах окружают нас с рождения и до самой смерти. Прецедентные феномены мы черпаем из литературы, культуры, СМИ, истории, дискурса.

Эти феномены узнаваемы, не требуют объяснения для коммуникантов и включены в сознание человека как своеобразные бессознательные скрепы, как некие лингвокультурные коды и архетипы. Известный психолог, историк, экспериментатор, философ, доктор философских наук, профессор А. А. Брудный не раз писал об архетипах «Согласно радикальной психологии основным специфичным для человека психическим процессом является понимание, которое, однако, рассматривается как процесс, включающий бессознательные архетипические компоненты» [Социальная психология, 2005]. То есть, по мнению А. А. Брудного процесс понимания включает разнообразные архетипы, скрепы, стереотипы в голове человека.

На наш взгляд, архетип — это аккумулятор человеческого опыта, информация, которая возникает в голове человека бессознательно. Архетип всегда сохраняет значение и функции, продолжая существовать в сознании, видоизменяясь и проявляясь в образах, соответствующих окружающей действительности. Архетип - средство передачи опыта предков, является общим понятием, но имеет национальные и этнические границы. В каждой этнической ментальности есть свои архетипические образы, или же один образ может восприниматься разными народами совсем по-другому. Так и прецедентные феномены являются важной составляющей национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании. Прецедентные феномены — это своеобразные символы, коды и архетипы.

3.3. Состав прецедентных феноменов русского и кыргызского языков

Каждый человек принадлежит к определённой национальной культуре, включающей национальные традиции, язык, историю, литературу. Экономические, культурные и научные контакты стран и их народов делают актуальными темы, связанные с исследованием межкультурных коммуникаций, соотношения языков и культур, изучением языковой личности. Лингвистика как наука, изучающая общие процессы языка, вполне закономерно и традиционно обращается к вопросам культуры как вспомогательному материалу для более глубокого проникновения в суть языковых явлений. Все исследователи, изучающие взаимообусловленность языка и культуры, исходят из положения, что взаимоотношение языка и культуры представляется как фактор взаимного развития и существования.

В современных условиях параллельно с динамическими изменениями образа жизни людей меняется и языковые тенденции. И публицистика, и живая речь насыщены новыми словами, названиями, новым контекстом; значительно количество лексики с национально-культурной оценглочностью – пословицы, поговорки, фразеологизмы, крылатые слова и прецедентные феномены. Наше исследование обращено к прецедентным феноменам, поэтому обратимся к этому понятию подробно.

Прецедент (от лат. praecedens – идущий впереди, предшествующий) – 1) случай, имевший ранее место и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода; 2) юр. Решение суда или какого-либо другого органа, вынесенное по конкретному делу и обязательное при решении аналогичных дел в последующем [Ефремова, 200].

Прецедентные феномены (далее – ПФ) – феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверх личностный характер, т.е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и, наконец, такие,

обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Состав ПФ подвижен. Одни прецеденты устаревают и выпадают из употребления, другие приобретают дополнительные смыслы и таким образом способствуют появлению новых ПФ.

Развитие общества, смена моральных ценностей также влияют на изменения в составе прецедентов. Отметим, что раньше прецедентными становились имена, выражения, ситуации, связанные с учеными (Эйнштейн – прецедентное имя, «Эврика!» - прецедентное высказывание), художественными произведениями и историческими событиями (Титаник – прецедентное имя, «Биринчи мугалим» - прецедентный текст, актуализирующее прецедентную ситуацию, «Манасты унуткан Тазбаймат» - прецедентная ситуация).

Сегодня, с возросшей популярностью телевидения, прецедентными становятся скорее названия масштабных телевизионных проектов (герои комиксов корпорации «Marvel» - Человек-паук, Росомаха, Железный человек и т.д.), фильмов, заглавия книг, имена политиков (Путин, Жириновский, Трамп, Атамбаев) и общественных деятелей. Например, популярная во всем мире книга «Гарри Поттер», известные телевизионные шоу, имена политиков, ставшие прецедентными.

ПФ – хороший материал для медиа-текста. Они актуализируют фоновые знания читателя, вводят в оперативную память знаки культуры, интеллектуализируют изложение, но обращение к ним предполагает напряженную творческую работу создателя и редактора текста. Ведь эти знаки являются носителями эстетической информации, следовательно, они вправе рассчитывать и на их эстетическую обработку.

В настоящее время в лингвистике изучаются канонизированные и неканонизированные прецедентные феномены. К канонизированным мы относим такие прецедентные феномены, которые человек получает в результате целенаправленного обучения. Это своего рода хрестоматийные

знания человека. К ним относятся тексты из школьных программ, учебников и т.д. Неканонизированные прецедентные феномены употребляются носителями русского и кыргызского языков, как правило, в устной речи, в ситуациях бытового неофициального общения. Источниками неканонизированных прецедентных феноменов являются либо широко известные произведения искусства или литературы, не причисляемые традиционно к разряду классических, либо любые другие объекты культуры (анекдоты, пародии, рекламные тексты, выступления юмористов и сатириков, популярные теле- и радиопередачи и т.д.). Как правило, знание такого объекта культуры является приобретенным случайно, не целенаправленно, и его популярность кратковременна.

Национально-культурный компонент коммуникации формируется в процессе социализации личности. Он определяет особенности национального (языкового) сознания, особенности того, что хранится в сознании говорящего человека и проявляется в коммуникации. Данные особенности отражаются и проявляются в национальных прецедентных феноменах, национальных стереотипах, в фрейм-структурах сознания и - на поверхности – в ассоциациях, рождающихся у представителей национально-лингво-культурных сообществ в процессе коммуникации.

В голове человека хранятся разнообразные знания и представления об окружающем нас мире во всем многообразии его проявлений, о различных предметах и связей между ними. «Наборы» знаний и представлений в целом носят индивидуальный характер и могут значительно разниться. Но ядро таких наборов всегда носит надындивидуальный характер.

В данное «базовое ядро стереотипных знаний» и представлений входят знания и представления о феноменах, хорошо известных и не требующих каких-то объяснений, и комментариев. Например, не придется объяснять и расшифровывать, что он имел в виду, назвав его *Иудой.* Возможно, он объяснит, *почему* он его так назвал, но никак не *что*. Или: *«Тяжела ты шапка Мономаха»,* - вздыхает новоиспеченный начальник, вынужденный решать не

слишком приятные административные вопросы. Его приятель-собеседник, ничуть не удивившись отсутствием шапки на голове отвечает: «*В конце концов, тебя никто не заставлял».* Кыргызы говорят: *«Умай-эне колдосун»* (пусть хранит тебя Умай-эне – хранительница женщин, детей, рожениц) или «Курбум, *узун жолду кыскартып,* аңгемелешип отурбайлыбы» (Саатов) [Фразеологический словарь кыргызского языка, 2015]– это фразеологизм, используемый как прецедентная ситуация при дальней дороге, чтобы ее сократить, собеседники вступают в интересный разговор. Коммуниканты и в том, и в другом случае понимают друг друга, так как речь идет о вещах, хорошо знакомых и понятных им. Можно сказать, что эти явления относятся к национальной когнитивной базе. Такого рода феномены и называются прецедентными.

В литературе уже обсуждались такие феномены, как прецедентный текст (И. М. Михалева, Ю.Н. Караулов, Ю. А. Сорокин), прецедентное высказывание (Н. В. Бурвикова, И. В. Захаренко, В.Г. Костомаров), прецедентные текстовые реминисценции (Ю. Е. Прохоров), прецедентное имя (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных).

Основываясь на определение Ю. Н. Караулова скажем, что к числу *прецедентных* мы относим феномены:

1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества;

2) *актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане;* за прецедентным феноменом всегда стоит некое представление о нем, общее и обязательное для всех носителей национально-культурного менталитета;

3) *обращение (апелляция) к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества;* «возобновляемость» обращения к тому или иному прецедентному феномену может быть «потенциальной», т.е. апелляция к нему

может быть и не частотной, но собеседнику она будет понятна без какой-либо расшифровки и комментария.

Прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и не вербальными. К вербальным прецедентным феноменам относятся тексты как продукты речемыслительной деятельности, к невербальным – произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные произведения и т.д. К вербальным прецедентным феноменам мы можем отнести прецедентное имя и прецедентное высказывание, к вербализуемым (подающиеся вербализации) – прецедентную ситуацию и прецедентный текст.

Прецедентные феномены могут быть: 1) социумно-прецедентными; 2) национально-прецедентными; 3) универсально-прецедентными:

1. Социумно-прецедентные – феномены известные любому среднему представителю того или иного социума (социального, профессионального, конфессионального и т.д.) и входящее в коллективное когнитивное пространство, т.е. феномены, которые могут не зависеть от национальной культуры: общие, например, для всех мусульман (конфессиональный социум) или для врачей (профессиональный социум).

2. Национально-прецедентные – это феномены, известные любому среднему представителю того или иного национально-лингво-культурного сообщества и входящие в национальную когнитивную базу.

3. Универсально-прецедентные – феномены, известные любому среднему современному homo sapiens и входящие в «универсальное» когнитивное пространство.

При определении типов прецедентных феноменов мы опираемся на В.В. Красных, которая предлагает следующую их классификацию.

3.3.1. Прецедентный текст

Прецедентный текст (ПТ) – законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли) предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К числу

прецедентных текстов принадлежат произведения художественной литературы (например, «Евгений Онегин», «Война и мир», «Сынган кылыч», «Материнское поле»), тексты анекдотов, песен, рекламы, политические публицистические тексты и т.д. [Красных, 2002, с.68].

Прецедентные тексты – осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста [Костомаров, 1996]. Среди прецедентных текстов русской и кыргызской языковой личности:

- названия литературных и публицистических текстов, картин, фильмов и других произведений искусства («Горе от ума», «Что делать», «Неуловимые мстители», «Тупой, еще тупее», «Биринчи мугалим», «Манас», «Апенди» и др.);
- «крылатые слова» и разного рода цитаты из произведений художественной литературы и других известных текстов, фильмов, мультфильмов, оперных арий, песен, рекламы (Быть или не быть; Мой дядя самых честных правил; Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной; Птица Говорун отличается умом и сообразительностью; Присоединяйтесь, граф; Да сбережет нас дух Манаса);
- реальные высказывания исторических личностей или слова, приписываемые им (Вставайте граф, вас ждут великие дела; революция, о которой так долго говорили большевики, свершилась).

Значение ПТ, как правило, складывается из:

1) общеязыкового значения фразы;

2) контекстного смысла, унаследованного из текста-источника;

3) приобретенных смыслов, развивающихся в процессе функционирования данного выражения в речи.

Без знания прецедентных текстов невозможно полноценное общение в языковом коллективе. Например, следующий отрывок газетной статьи полностью построен на прецедентных текстах и без знания их не будет понят

адекватно: *Весна... Как много в этом звуке. Вы еще не почувствовали ее приход? Все признаки налицо. Звенят ручьи, кричат грачи, сердце тает, кто-то березкой стать мечтает, кто-то президентом всея Руси... А Генпрокурор трубит весеннюю тревогу. Ему захотелось большой и чистой любви. Забыл, бедняга, что в России до сих пор секса нет. Если же вдруг кто-то кое-где у нас порой... пиши пропало. Сразу по центральному телевидению покажут* [МК от 20.03.1999]. *По данному вопросу приведу один пример на языке Чингиза Айтматова. В произведениях Айтматов писал: «Они одеваются как вы, говорят как вы. Но совершают предательство к своему государству. Присоединяются к врагам своего народа, работают против своей нации». В эпосе «Манас» этого героя можно встретить и под именем Козкаман. Но нельзя путать Козкамана с манкуртом. Манкурт это бедолага, лишившийся ума, не знающий, что надо делать. А Козкаман это предатель, который делает дело, обо всем зная. Гюленовцы напоминают в точности этого Козкамана»,- сказал он, открыто давая понять «когда вы примете меры?»* [газета «Ачык саясат плюс» №46 от 14.12.2018/стр.2].

Прецедентные тексты, как и другие прецедентные феномены бывают не только общенациональными, но и групповыми. Так, знание некоторых прецедентных текстов характеризует говорящего как представителя русской или кыргызской лингвокультурной общности, а знание других - выделяет его из этой общности и включает его в круг языковых личностей определенного возраста, сферы интересов, кругозора. При этом говорящий может быть настолько уверен в известности, прецедентности текста или имени, что, когда он встречается с людьми, не знакомыми с этим ПТ, это вызывает у него недоумение: как, вы не знаете? Как же вы не понимаете?! Недоумение и непонимание возникает в этом случае и на другом конце коммуникации. Например, известное выражение у кыргызов *Токтогулдай ырчы бол, Толубайдай сынчы бол (Будь певцом как Токтогул, будь провидцем как Толубай)* может вызывать непонимание у людей, кто не знаком с кыргызской пословицей. Русскоязычный кыргызстанец может вполне понять этот

прецедентный текст, а русский из России может не понять и задуматься, кто такой Токтогул и Толубай. Таких примеров, характерной для определенной нации достаточное количество. У каждого народа есть свои герои, идеалы, авторитеты, речи которых знают только представители этой этнокультуры.

3.3.2. Прецедентное высказывание

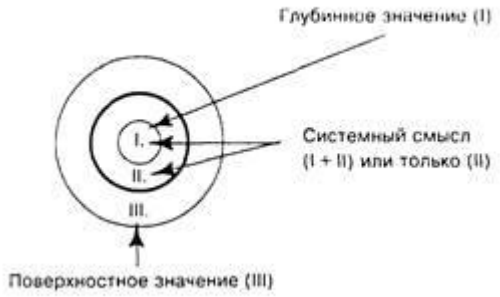
Прецедентное высказывание (ПВ) – «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: последний всегда «шире» простой суммы значений; в когнитивную базу входит само ПВ как таковое; ПВ неоднократно воспроизводится в речи носителей русского языка. К числу ПВ принадлежат цитаты из текстов различного характера (например, *не спится, няня! Кто виноват?* и *что делать?*) а также пословицы (например, *Тише едешь-дальше будешь*)» [Красных, 2002, с.100].

Прецедентное высказывание является одним из вербальных прецедентных феноменов. Оно отличается от других прецедентных феноменов тем, что часто воспроизводится в речи. С точки зрения формы (план выражения), ПВ может быть представлено либо (1) всем текстом-источником (например, небольшие детские стишки, скучные сказки), а текст, — единица дискурса, либо (2) некоторой единицей (словосочетанием, предложением, «фразой»), построенной по законам языка, но получившей статус прецедентного феномена, т. е. также принадлежащей дискурсу. Значит, не будучи отдельной единицей языка, ПВ действует как единица дискурса. За прецедентным высказыванием всегда стоит прецедентный феномен — прецедентный текст и/или прецедентная ситуация, играющие важную роль в формировании смысла высказывания [Багаева, Гудков, Захаренко, Красных, 1997, с. 62–85]. Сопоставим с мыслью А. Е. Супруна: «То или иное использование готового текста не только воспроизводит точную и привычную формулировку, напоминает уже имеющийся образ, но и устанавливает

определенное соотношение производимого текста с предшествующими, т. е. включает его в вертикальный контекст текстового универсума...» [Супрун, 1995, с. 17-29].

Как каждый вербальный феномен, ПВ может рассматриваться в системном и функциональном аспектах. Следовательно, с позиции системного аспекта, структура прецедентного высказывания имеет следующий вид : 1) поверхностное значение, которое равно сумме значений компонентов высказывания; 2) глубинное значение, которое не равно простой сумме значений компонентов высказывания, но представляет собой семантический результат сочетания компонентов ПВ, формирующих его лексико-грамматическую структуру; 3) системный смысл, представляющий собой «сумму» глубинного значения (при наличии такового) высказывания и знания прецедентного феномена (текста, ситуации) и связанных с последним коннотаций. В то время как смысл может присутствовать в системе: (а) имплицитно и проявляться лишь в функционировании в виде коннотаций: «В бой идут одни старики» (о правительстве Примакова) [МК, 1996] и (б) эксплицитно, т. е. оказывать важнейшее и первоочередное значение в формировании функционального смысла высказывания: «Муж заподозрил жену в неверности. Сначала застрелил предполагаемого любовника, а потом поджег дом, в котором спала благоверная. Новая вариация на тему: *молилась ли ты на ночь*?» [МК, отрывок из криминальной хроники]. В данном случае реальная ситуация соотносится с прецедентной ситуацией (из текста трагедии У. Шекспира), означающим которой и является приведенное ПВ; все это позволяет понять уместность данного высказывания в ситуации общения и в то же время оценить его «экспрессивность».

Схема 14. Структура ПВ



Среди ПВ, обладающих «дефектной» парадигмой, выделяются те, у которых есть только поверхностное значение (1), и те, которые, наоборот, поверхностного значения не имеют (2).

(1) Группа ПВ, имеющих только поверхностное значение. «К слову, говоря, в начале намеревалось провести обыски более чем в 30 точках. Не исключено, впрочем, что в скором времени *сказка станет былью*» [МК, 04.02.1999]. «*Волк, сколько его ни корми, все равно будет смотреть в лес.* А москвич, испорченный жилищным вопросом, будет решать его всеми доступными способами. — Короче, *Склифосовский* — Дайте закончить» [Андреев, 2002, с. 289]. Во всех этих примерах соположение с ПТ-источником необязательно, и если оно имеет место, то служит только одному— созданию комического эффекта.

(2) Группа ПВ, не имеют поверхностного значения. Данная группа, похоже, очень немногочисленна. «А темные силы тем временем шли в наступление, выставив в авангарде Генерального прокурора... Пепел Клауса стучал в сердце прокурора. Из головы не шел недавно состоявшийся разговор с этим новым знакомым» [МК, 27.03.1999].

При употреблении ПВ этой подгруппы соположение реальной ситуации общения или сообщения (т. е. реальной ситуации, в которой происходит общение или о которой сообщается) с прецедентной ситуацией оказывается невозможным или необязательным. Говоря иными словами, функциональный смысл ПВ при понимании глубинного значения высказывания понятен реципиенту и без описанной выше операции. Это означает, что в высказываниях такого типа системный смысл остается.

Интересно, что часто носители ментально-лингвального комплекса настолько не ощущают связь ПВ с породившим его источником, что возможны случаи контаминации разных феноменов. Приведем пример: «Зато, по словам автора «Ромео и Джульетты», *счастливые часов не наблюдают*» [МК, 15.05.2001]. «Тоолуктар *ат жалына казан аскан* эр жүрөк жоокер экенсиңер» (Бейшеналиев) (в данном прецедентном высказывании автор подчеркивает храбрость горцев и то, что кочевники делали перекус прямо на коне при дальней дороге) [Фразеологический словарь кыргызского языка, 2015]. Но при использовании таких прецедентных высказываний в коммуникации (так же, как и при употреблении ПВ первой группы) незнание самого ПВ может привести к непониманию реципиентом коннотаций, с ним связанных и обусловленных тем прецедентным феноменом, который за ним стоит.

Например, *народ безмолвствует* — это означает тот момент, когда все молчат. Но это поверхностное значение оказывается не очень точным, за ним стоит совсем другое (глубинное) значение — выражение покорности кого-/чего-либо кому-/ чему-либо, которое играет главную роль в формировании функционального смысла высказывания. В данном случае соположение с ситуацией из ПТ-источника («Борис Годунов») не является абсолютно обязательным. Однако, если такое расположение имеет место, появляются вспомогательные коннотации и элементы смысла, связанные с данной ПС.

Существуют такие прецедентные высказывания, которые сохранили тесную связь с текстом-источником (*Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел*). А также такие ПВ, которые (1) утратили связь с породившим их источником и приобрели (приобретают) статус автономных (*Я умываю руки; Он славно пишет, переводит, Суудан кургак чыгуу* и др.), (2) никогда не имели такой связи (в ряде случаев потому, что сами являлись полноценным текстом) (*Нельзя объять необъятное*).

За прецедентными высказываниями всегда стоит комплекс когнитивных структур, феноменологических (как и за любым прецедентным феноменом) и

лингвистических (как за прецедентным именем). При функционировании ПВ актуальными могут оказаться как лингвистические, так и феноменологические когнитивные структуры, либо активизируются только лингвистические (и с этим связаны разные типы ассоциаций, о которых мы будем подробно говорить позже). Применительно к прецедентным высказываниям можно предполагать, что на уровне поверхностного и глубинного значений «работают» лингвистические когнитивные структуры, лежащие в основе нашей языковой и речевой компетенции, для системного смысла высказывания оказываются релевантными феноменологические когнитивные структуры, формирующие нашу, в том числе, культурную компетенцию [Гудков, Красных, Захаренко, Багаева, 1997].

3.3.3. Прецедентная ситуация

Какие ситуации можно назвать прецедентными? Если ссылаться на определения ученых, то прецедентной будет такая ситуация, которая, во-первых, хорошо знакома носителям определенного ментально-лингвального комплекса, во-вторых, актуальна в когнитивном плане, т.е. имеет инвариант восприятия, в который входят определенные минимизированные и национально-детерминированные знания и представления о самой ситуации, включающие в себя коннотации, с данной ситуацией связанные, и, в-третьих, апелляции к которой частотны в коммуникации представителей данного национально-лингво-культурного сообщества.

Прецедентная ситуация (ПС) – «некая «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим ПС могут быть прецедентное высказывание и прецедентное имя (*Смутное время*) или не прецедентный феномен (*яблоко, познание, изгнание* – как атрибуты одной ситуации)» [Красных, 2002, с.60].

Инвариант восприятия ПС возникает не неожиданно: ситуация оценивается определенным образом и вписывается в уже существующую

систему координат. Отсюда следует что, прецедентная ситуация аккумулирует не только знания о данной конкретной ситуации, но и весь предшествующий опыт конкретного национально-лингво-культурного сообщества, представленный в виде уже существующих знаний и представлений, и определенной системы оценок.

Возможны случаи апелляции к ПС, описанной в прецедентном тексте, через имя одного из персонажей этого текста: *Котенок в руках подвыпившей пожилой бабы был жалкий и дрожащий. — Бери, а то я его в Муму превращу, — пригрозила баба* [Андреев, 2003, с.20]. Прецедентное имя Муму вызывает прецедентную ситуацию с утоплением из произведения Тургенева «Муму».

Так, например, прецедентная ситуация *«Поминки по Кокетею»* составляет как бы отдельную поэму из эпоса «Манас». Кокетей, один из старших соратников героя, завещает своему сыну устроить по себе поминки («аш»). Эти поминки проходят так масштабно, на широкую ногу с соблюдением всех правил и традиций, что он равносилен тою. Часто в речи кыргызов мы можем услышать *«Көкөтөйдүн ашындай эле болду»* (Было все как поминки по Кокетею), то есть сравнивают с поминками из эпоса «Манас».

3.3.4. Прецедентное имя

Прецедентное имя (ПИ) – «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Теркин, Печорин, Алмамбет, Асанкайгы*) или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин, Конурбай*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату (референту), а к набору дифференциальных признаков данного ПИ; может состоять из одного (например, Ломоносов) или более элементов (например, Куликово поле, «Летучий голландец»), обозначая при этом одно понятие» [Красных, 2002, с.79].

Прецедентное имя обладает определенной структурой, ядро инварианта восприятия ПИ составляют дифференциальные признаки, а его периферию –

атрибуты. *Дифференциальные признаки* ПИ могут включать характеристику предмета по внешности, или по чертам характера, или актуализироваться через прецедентную ситуацию. Приведем пример характеристики по внешности. Сравнивая кого-либо с *Кощеем Бессмертным,* автор, прежде всего, имеет внешнее сходство со сказочным персонажем: очень худой и тощий. Например, в статье «СЭС спит – ей кошки снятся», говоря о заинтересованности хозяев животных в привлекательном внешнем виде их питомцев, автор пишет: *«…породистая кошка ни в коем случае не должна выглядеть Кощеем, иначе на выставке награды ей не видать*» [МК от 06.06.97]. Приведем примеры по чертам характера. Называя кого-либо *Наполеоном*, автор характеризует этого «некто» как человека с большими амбициями *(«Мы все глядим в Наполеоны»)*. Пилотажный опрос французской аудитории показал, что для француза Наполеон связан в первую очередь с подвигами на любовном поприще. Представьте себе, как француз воспримет фразу: *«У меня наполеоновские планы».* Хотя на периферии ПИ *Наполеон* в русской лингвокультуре любвеобильность тоже есть. Третий вариант - актуализация ПИ через прецедентную ситуацию. Например, приблизительно в 1995-1996 гг. реклама компании «Европа» неизменно сопровождалась фигурой *Петра I*, вызывая устойчивую ассоциацию с *«окном в Европу»*, которое и «прорубил» указанный правитель.

Атрибутами называют некие элементы, тесно связанные с означаемым ПИ, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например, кепка *Ленина*, маленький рост *Наполеона*, бакенбарды *Пушкина,* сила *Кожомкула*. В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежать денотату и по которым его можно «идентифицировать», «узнать». На этом приеме основаны многие анекдоты, карикатуры, он широко используется в кинематографии. Приведем примеры, доказывающие тезис о том, что детали внешности действительно могут выступать в роли атрибутов ПИ. Например, фильм «Бакенбарды»: персонажи, подражавшие Пушкину, использовали определенные атрибуты

образа поэта – бакенбарды, черный цилиндр, черный плащ на белой шелковой подкладке, тяжелая трость с большим наболдашником. Те же персонажи, начав подражать Маяковскому, обрились налысо, надели старые мешковатые штаны, то есть начали эксплуатировать атрибуты образа другого великого поэта – «глашатая и бунтаря».

Необходимо обратиться к функциональному аспекту прецедентного имени. Анализ употребления ПИ в речевом общении показал, что именно структурное устройство прецедентного имени определяет особенности его функционирования в речи. Прежде всего, ПИ, как и другое собственное имя способно именовать предмет, указывая непосредственно на денотат. В таком случае дифференциальные признаки прецедентного имени оказываются не релевантны, как бы «игнорируются», однако связь данного имени с «породившим» его текстом может сохраняться, например, «*Обломов – герой романа Гончарова*», *«Сайкал» - героиня эпоса «Кыз Сайкал».*

Отличительной особенностью функционирования ПИ является его способность употребляться в качестве «сложного знака», обладающего помимо простого набора значений, некоторым инвариантом восприятия стоящего за именем «предмета». В этом случае имеет место апелляция к дифференциальным признакам ПИ, составляющим ядро инварианта его восприятия. При таком функционировании ПИ не требуются какие-либо комментарии, или расшифровка, как самого имени, так и ситуации, в которой оно употребляется, само ПИ оказывается «самодостаточным», чтобы выразить нечто большее, чем очевидное и непосредственное значение знака, например, *Как же! Жди! Он же шага лишнего не сделает, Обломов несчастный!*

Использование же прецедентного имени в качестве имени-символа является одним из возможных вариантов функционирования самого ПИ в коммуникации. ПИ выполняет функцию символа в том случае, когда необходима апелляция к прецедентному тексту или к прецедентной ситуации. Например, ПИ *Хлестаков* может быть использовано для актуализации как самого прецедентного текста «Ревизор», так и для апелляции к какой-либо

прецедентной ситуации, описанной в данном ПТ. В таком случае ПИ *Хлестаков* функционирует как имя-символ прецедентного текста или ситуации. В других случаях, когда кто-либо характеризуется как человек хвастливый, данное имя используется как собственно прецедентное, но не как символ. Также и ПИ *Апенди* актуализирует и ПТ сказок об Апенди, и ПС, в котором Апенди выступает как человек очень находчивый и умный, способный выполнять все задания хана, благодаря своей смекалке.

При исследовании проблемы символа по отношению к прецедентным феноменам, на наш взгляд, символ ПФ следует рассматривать с точки зрения разных аспектов, соединяя в нем, по крайней мере, три стороны:

(а) семантический аспект: символ есть означающее некоторого

смысла, он всегда «больше знака», отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания;

(б) когнитивный аспект, что диктуется самой природой прецедентных феноменов, а именно, «хранением» в когнитивной базе в виде когнитивных структур инварианта восприятия прецедентного имени и системного смысла прецедентного высказывания, которые не эксплицируются в коммуникации. Символ соотносится с определенными феноменологическими когнитивными структурами, являясь их вербальным отражением, «потенциальное значение, заключенное в символах... конвертируется в дифференциальное когнитивное содержание» [Титоне, 1984, с. 341].

(в) функциональный аспект, имея в виду, что прецедентное высказывание и прецедентное имя становятся символами именно при использовании их в коммуникации. Смысл символа как означающего некоего

смысла, порождаемого экстралингвистическими факторами, актуализируется именно в коммуникации (что позволяет нам причислять символ прецедентного феномена к единицам дискурса) и именно актуализация некоторого смысла в коммуникации позволяет считать данную единицу символом.

Мы пришли к выводу, что не всякое прецедентное имя и не любое прецедентное высказывание может быть символом другого прецедентного феномена. В заключение лишь добавим, что, если вербальный ПФ функционирует как символ, происходит усиление семантико-когнитивного фона и употребление данного ПФ является «сокращенным» приемом, «простейшим» способом указать на аналогию ситуаций (реальной и прецедентной) и эксплицировать оценку первой. Если прецедентное имя или прецедентное высказывание функционируют не как символы ПФ, их употребление похоже на орнаментальное украшение речи и является эмоциональной, дополнительной аргументацией в пользу занимаемой позиции автора.

3.4. Культурно-языковая характеристика прецедентных феноменов русского и кыргызского языков и их роль в организации дискурса

Одним из компонентов дискурса являются прецедентные феномены, которые несут в себе высокий заряд историко - и этнокультурной семантики. Они представляют собой своеобразные маркеры, позволяющие развести участников дискурса по различным сторонам оппозиции «свой – чужой» по отношению к тому или иному языковому коллективу. Кроме того, выражая определенную стереотипную ситуацию, ассоциируясь с какими-то процессами, свойствами и отношениями национально-культурного характера, они облегчают процесс коммуникации.

К прецедентным именам В.В.Красных относит индивидуальные имена, связанные или с широко известным текстом [Красных, 2002, с.48] (например, *Теркин, Печорин, Толгонай, Дуйшен*), или с прецедентной ситуацией (например, *Кожожаш, Иван Сусанин*).

В лингвистической литературе Е. А. Нахимова [Нахимова, URL: http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm.] прецедентным феноменам приписывает следующие функции: аксиологическая, моделирующая, прагматическая, эстетическая и парольная функции.

Аксиологическая функция заключается в том, что прецедентные имена заключают в себе национально-культурную оценку, а использование их позволяет автору выразить субъективное отношение. Например, оценивая чьи-либо поступки, русские могут сказать о ком-либо: *«Явилась Василиса Прекрасная»,* а кыргызы могут сказать: *«Сен эмне Алымкан болуп калдыңбы? Бир күн оору, бир күн соо. Эмне сабакка келбейсиң?*».

Моделирующая функция помогает формированию языковой картины мира в форме модели. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определенные качества, эталонным носителем которых выступают прецедентные феномены. Например, *«Аида – жөн эле Акылкарачач. Аида у нас – настоящая Акылкарачач».* В представлении кыргызов *Акылкарачач* – длинноволосая красавица, добрая, простая, большая опора мужу, хранительница семейного очага, аккуратная, хорошо воспитанная девушка.

Прагматическая функция заключается в использовании возможности воздействия на адресата. Например, *«Стоит только женщине прийти в политику, так она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Бабу-Ягу»* [МК,1996], *«Да и без Толубая сынчы наш народ издревле пестовал каждое слово. "Споткнувшийся в ногах – поднимется, но не поднимется ошибившийся в словах", - говорил народ»* [Focus.kg., 2017]. *Толубай сынчы* в стародавние времена отличался тем, что был отличным знатоком лошадей, с точностью определял, кто из них будет быстрым скакуном, умел мастерски их взращивать.

Парольная функция заключается в том, что читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится как бы "своим", "посвященным". Так, например, из интервью Мурата Мусабаева, системного аналитика, публициста: *«Посмотрите на эпос «Эр-Тоштук». Когда дети Эламана рассыпались и превратились в манкуртов, Эр-Тоштук собирал их. Сегодня дети кыргызов рассыпались по России, Казахстану, Европе, превращаются в манкуртов»* [gezitter.org]. В представлении билингвов *манкурт* — это тот

человек, который обнулил свое человеческое сознание, обезличенный человек, не помнящий, не почитающий своего прошлого, истории, родины. А прецедентный феномен *Эр-Төштук* состоит из следующих когнитивных признаков: эпический герой, объединитель. Когнитивные схемы данных феноменов сидят в культурном сознании человека и актуализируются в дискурсе.

Прецедентные феномены используются как способ эстетической оценки мира, они воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Такую функцию можно назвать эстетической. Например, в «Белом пароходе» Ч. Айтматова: «На то мы, бугинцы, и в родстве от самой прародительницы нашей - *Рогатой матери-оленихи.* Чтили Рогатую *мать-олениху* бугинцы как святыню». Ч. Айтматов использует в своем произведении известную легенду о матери-оленихе, о прародительнице кыргызского рода. Таким образом автор может заинтересовать читателя и послужить неким рычагом, дающим толчок для прочтения другого произведения, так как прецедентные феномены обладая этнокультурным содержанием и образностью, служат маркерами национально-культурной идентичности индивидов, средством создания между ними интертекстуальных отношений.

Важно отметить, что все названные функции прецедентных феноменов реализуются в комплексе, хотя в тех или иных контекстах возможно преобладание каких-либо функций. При определении этих функций важно учитывать не только содержание текста, но соотношение данного текста с дискурсом: прецедентные феномены выполняют свои функции не просто в тексте, а в его дискурсе.

Объектом нашего рассмотрения являются русские и кыргызские прецедентные феномены. Сопоставимыми эпическими богатырями в русском и кыргызском дискурсе являются такие имена, как Илья Муромец и Манас. *Илья Муромец* – наиболее популярный герой киевского цикла былин (русских эпических народных песен); выступает как стереотипный образ; может

употребляться для характеристики человека. Илья Муромец – богатырь, наделенный могучей силой, защищающий Русь вместе с другими богатырями русскую землю от ее врагов (Соловья Разбойника, Идолища поганого, Калина-царя и др.). В образе Ильи Муромца воплощается народный идеал героя-воина.

В представлении русского человека Илья Муромец - богатырь, наделенный огромной физической силой, добрый и справедливый, борющийся за правду, защищающий родную землю. В дискурсе русской речи довольно редко прибегают к этому образу при характеристике человека. Известны случаи, когда этим именем называли военные самолеты, ледоколы, бронепоезд, чтобы подчеркнуть их мощь. Современные транспортные средства предпочитают называть именами из древнегреческой мифологии: «Антей», «Руслан» и др. Гигантский военно-транспортный самолёт Ан-22 получил название «Антей» в честь непобедимого великана из греческой мифологии — Антея. Антей был сыном богини земли Геи и мог бесконечно получать новые силы от соприкосновения землёй и, поэтому, никогда не уставал.

Манас, как герой одноименного эпоса, известен не столько своей физической силой, сколько как воин и государственный деятель, объединивший сорок киргизских родов в единый народ, как человек, обладающий незаурядными нравственными качествами.

Вот что говорится о его характере в эпосе «Манас» в главе 1:

Спина сильна и крепка, ровен характер,
приятен нрав, но гнев его всемогущ,
а ярость - безмерна.
Мощью своей он подобен слону.
Тигриная шея, крепкие мышцы, широкие плечи, сердце-скала, змеиные веки, глаза, как звезды, волчьи уши, словом, во всем подобен он тигру.

Не случайно одним из его частых эпитетов является выражение *Айкөл Манас* (Манас Великодушный). Сочетание героических и высоких

человеческих качеств в эпосе «Манас» сделало этот образ привлекательным и создало почву для широкого использования этого образа в киргизской речи. *«Манастын арбагы колдосун»* (Да защитит и благословит вас дух Манаса) - с таким напутствием отправляли на фронт родители своих детей. Это напутственное слово, благословение киргизского народа, когда кто-то из родственников и ближних уезжал далеко или покидал родные земли. А крылатое выражение *«**Манастан** Чубак кем бекен»* («Чем хуже Чубак Манаса»), которое широко употребляется и в наши дни характеризует ментальность кыргызского народа - стремление к соперничеству, амбиции, проявляемые внутри единого народа, во взаимоотношениях между собой, кыргызами. В народе даже поговаривают ***Манастай** баатыр бол* (реч.) («Будь богатырем как Манас»). *«Жоону чапса эл чапты, аты калды **Манаска**»* («врага разили витязи, слава досталась Манасу»).

Если в восприятии русских Илья Муромец воспринимается как герой былинного сказания, отстраненный от реальности, живущий в другом, фольклорном измерении, и не имеющий непосредственного отношения к современной жизни, то Манас - это часть крови и плоти современного кыргыза, он входит в число эталонных признаков кыргызской ментальности, определяет нормы поведения человека. Не случайно кыргызская национальная идея и идеология, своеобразный моральный кодекс кыргызстанца строились на семи заповедях Манаса.

Манас - герой одноименного эпоса, объединивший всех кыргызов, является символом единства кыргызского народа.

Прецедентное имя Манас также часто используется в политическом дискурсе. Так, например, бывший президент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев в одном из обращений народу говорит: «*Мы, нынешнее поколение кыргызстанцев, должны быть достойными наших предков. И мы обязаны выполнить главный завет **Манаса** – сохранить единство и дружбу многонационального народа Кыргызстана! Сохранить свою*

государственность! Стать сильной, независимой и развитой страной!» [URL:http://www.president.kg./ru/news/3169_prezident_almazbek_].

11 июня в г. Ош Алмазбек Атамбаев принял участие в церемонии открытия памятника Айкол Манас, где выступил с речью. Из текста выступления А. Атамбаева: «*Бывали времена, когда мы забывали о наследии Манаса, увлекались формальностями, не вникали в глубинный смысл. Чтобы люди задумались о роли, которую сыграл* ***Манас Великодушный*** *в развитии народа Кыргызстана, одно из его изречений теперь высечено на камне у памятника в Бишкеке: Кулаалы таптап куш кылдым, курама жыйып журт кылдым (Из простой птицы я воспитал сильного беркута, из лоскутков собрал единый народ).* ***Манас*** *Ата особо ценил значение единства: Курама темир курч болот (Сплав металлов крепок).*

Поэтому мы не должны забывать слова ***Манас*** *Ата: Бөлүнбө кыргыз, бөлүнбө! Бөлүнсөң бөрү жеп кетет. Бөлүнүп калды кыргыз деп, бөтөн элге кеп кетет! (Не разделяйся кыргызский народ, не разделяйся! Не будешь един - станешь легкой добычей врага. И тогда пойдет по миру слух, что нет больше единства среди кыргызов!)*» [URL: http://kg.mirtv.ru/news/5063381].

Выступление А. Атамбаева на церемонии инаугурации также не может обойтись без упоминания Манаса, ведь Манас и кыргызский народ неразрывно связаны друг с другом и составляют одно единое целое. Приведем пример из текста выступления: «*Наш Манас* ***Великодушный*** *посвятил свою жизнь народу и родной земле. Сегодня я тоже хочу сказать: «Я готов пожертвовать жизнью ради своего народа, своей страны!» Пусть покровительствует Всевышний нашему мужественному, терпеливому и мудрому народу! С нами дух* ***Манаса Великодушного****!*» [URL: http://www.knews.kg/politics/7044/].

Использование имени Манас в речи кыргызских политиков великое множество. Но мы не можем представить ситуацию, когда российские политики в речи используют так часто имя Ильи Муромца. Все это потому, что Илья Муромец - сказочный, былинный персонаж и связать его в

жизненные ситуации нельзя, а Манас и сама его жизнь может быть прецедентной для кыргызского народа. Образ Манаса для кыргызов живее, реальнее, чем образ Ильи Муромца для русских. Факт существования Манаса подтверждает и опросы на сайте http://www.eposmanas.ru/. На вопрос: «Кем на самом деле был Манас?» 59.02% (7719) респондентов считают Манаса реальной исторической личностью, 30.01% (3925) вымышленным героем и 10.87% (1422) этим вопросом не интересуются. Всего проголосовавших по данному вопросу: 13078.

По сравнению с Ильей Муромцем Манас для кыргызов выходит за рамки эпического творчества. Эпос «Манас» выполняет не только художественную и эстетическую функцию, но и идеологическую функцию. «Манас» - часть кыргызской ментальности. Имя Манас широко используется в дискурсе кыргызской речи как мерило, определяющее нормы нашего поведения. Поэтому использование этого имени в рекламе, в названии заведений является весьма актуальным. Например, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» назван в честь легендарного кыргызского героя — Манаса. Аэропорт «Манас» назван именем героя кыргызского эпоса по инициативе писателя Чингиза Айтматова. Есть также классический элитный коньяк под названием «Манас», выпускаемый концерном «Кыргыз коньягы». Один из больших кинотеатров, расположенный в Бишкеке также носит название «Манас». Кинотеатр Манас был открыт в 1966 году как самый большой в СССР широкоформатный кинотеатр. Именем Манаса в Кыргызстане названы многие учреждения, организации, улицы, одна из первых кыргызских опер, написанная Абдыласом Малдыбаевым, астероид, открытый астрономом Николаем Черных в 1979 году. Также в честь эпического героя названа высшая награда Кыргызстана. В Китае находится озеро, названное в честь Манаса. В 2012 году в Москве открыт памятник Манасу, который находится в парке Дружбы, работа принадлежит творческой группе Жоомарта Кадыралиева.

Образ *Добрыни Никитича, Алеши Поповича и Алмамбета, Чубака, Сыргака, Эр-Тоштюка, Кюльчоро* также относятся к этому ряду прецедентных имен. Это фольклорные собирательные образы богатырей в русском (былинном) и киргизском эпосах. Богатыри умны, образованны, сильны, отличаются разнообразием дарований: они ловки, отлично стреляют, плавают, играют в тавлеи, поют, играют на гуслях (Добрыня Никитич). Современные кыргызы и русские обращаются к этим прецедентным именам при описании человека сильного или ситуации, связанные с героическим поступком. Например: «*Айбаттанып күркүрөп, кезене чапты* ***Алмамбет***» («разъярившись Алмамбет яростно ринулся прямо»), *«бедерин салса* ***Төштүгүң****, бейпайга салбай өзүңдү, күтүп алчу эр эмес»* («Тоштюк не из тех героев, которые встречают тебя, не приведя внушительным видом в смятение»), *«Он своим видом и благородством напоминает мне* ***Добрыню Никитича*** *из былины»* (реч.).

Иван – Дурак <Иванушка - Дурачок> - положительный герой русских народных сказок. Иван – Дурак предстает в народной культуре в двух основных образах: (1) Иван – Дурак – герой волшебных сказок, который относится к ироническим удачникам: его поступки и решения часто противоречат здравому смыслу и воспринимаются как алогичные и странные, но, в конечном счете, приводят героя к успеху, славе и богатству.

(2) Иван – Дурак – герой бытовых сказок, который выступает как неудачник, шут, «дурень». Он оказывается объектом для издевок и смеха, так как все, что он делает, заведомо бессмысленно и бесполезно.

В кыргызских народных сказках Ивану – Дураку соответствует *Алдаркосе* больше в (1) образе, так как он тоже создает смешной образ и в конце его поступки приводят к славе, богатству, уважению. Алдаркосе в сказках хитрый, веселый и находчивый человек. Ивану – Дураку соотносителен еще один образ – Апенди – это собирательный образ умного, не без лукавства человека из народа. Апенди, несмотря на свою внешнюю простодушность, всегда на высоте положения. В его образе мы видим человека

сильного, изобретательного, умеющего найти выход из любых ситуаций. Вот Апенди, кажется, до крайности наивным, угощая свой чапан байской пищей. Но сколько в этой нарочитой наивности сарказма, едкой сатиры. Ведь бай принимает Апенди радушно только потому, что на нем богатый чапан. Также, как и Иван – Дурак, Апенди относится к ироническим удачникам. Современные киргизы могут обращаться к имени Апенди, когда хотят указать на смешное поведение человека: «*Ой,* ***Апенди*** *десе*» («Ну ты Апенди») или используется в дискурсе с некоторым ироническим оттенком. Например, *Баягы* ***Апенди*** *дагы келди* (Пришел тот самый Апенди), *ий* ***Апендим*** (в качестве обращения, любя). Современные русские могут называть Иваном-дураком недотепу, простака, поступки которого кажутся говорящему странными и нелепыми с точки зрения здравого смысла или принятых норм поведения: *Муж у нее – настоящий* ***Иванушка-дурачок****. Чудаковатый какой-то да непутевый. Весь дом на ней держится* [С. Максимова, Двое].

Змей Горыныч – один из наиболее известных восточнославянских мифологических персонажей, может употребляться для характеристики человека. Дракон из киргизских народных сказок – *Ажыдаар* соответствует Змею Горынычу. Если обратиться к языковой звукосимволике образа «Ажыдаар», то понимается, что первая часть слова соотносится к слову «ажылдаган», то есть человек, который говорит что-то злое и вторая часть слова близок по значению к слову «заар» - гневный, противный, ужасный. Это фольклорный персонаж, который олицетворяет собой злое начало, силы разрушения и хаоса. Крылатый змей, покрытый чешуей, способный летать по воздуху, дракон с несколькими головами, извергающий огонь. Змей Горыныч - Ажыдаар – огромный огнедышащий дракон с тремя головами, летающий по воздуху. Современные киргизы и русские могут обращаться к этому образу в своей речи: - *У этого магнитофона три головки. – Зачем мне такой* ***Змей Горыныч****?* (реч.). *Оозунан оту чыккан, мурдунан буу чыккан* ***Ажыдаар*** *учуп келе жатты* (из киргизской народной сказки «сын раба и птица Зымырык»).

Баба Яга – один из древнейших мифологических сказочных персонажей, выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека. Из кыргызских народных сказок Бабе Яге соотносителен образ *Жезкемпир* (дословный перевод: Жез-медь**,** т.е. медная старуха). Также может встречаться в сказках в этом образе албарсты. В сказках *Баба-Яга* и *Жезкемпир* **-** лесная старуха-волшебница (ведьма). Баба Яга живет в отдаленных местах, в лесу. В сказках она встречается с Иваном-царевичем в ее избушке на курьих ножках. Причем Баба-Яга может быть не только воплощением зла, но она также может и помогать, давая различные задания героям сказки. Жезкемпир же напротив, она всегда является воплощением зла. Современные кыргызы и русские могут обращаться к этому образу для характеристики: очень некрасивой, уродливой женщины (девушки); при этом может предполагаться, что эта женщина (девушка) отличается недобрым характером, злая: - *Иди сам разговаривай с этой* ***Бабой Ягой****: мало того, что страшна, так еще и слова доброго не скажет* (реч.). *Она с кряхтением стала взбираться обратно на печь и…отозвалась оттуда о себе: - Ох, свежий человек поглядел бы: и правду* ***баба-яга****, ни кожи, ни рожи!* (В.Распутин, Прощание с Матерой.). *…перед Чолпон предстала уродливая старуха* ***(Жезкемпир)*** *– прихрамывающая, с седыми спутавшимися волосами, горящим, недобрым взглядом и большим крючковатым носом* (из киргизской народной сказки «Чолпон»).

Василиса Премудрая/ Прекрасная **–** положительная героиня русских народных сказок, помощница положительного героя. Образ *Василисы Премудрой/ Прекрасной*_предстает как обобщение разных «идеальных» женских сказочных образов – например: *Марьи Моревны* (сказка «Марья Моревна»), *Елены Прекрасной* (сказка «Иван – царевич и Серый Волк»), *Марьюшки* (сказка «Финист – ясный сокол»). Образу *Василисы Премудрой/ Прекрасной* соответствует *Акылкарачач* **–** разумной, умной, красивой, мудрой. Образ *Олончач, Айчурек, Каныкей* также относятся к этому ряду прецедентных имен. Все эти имена выступают как собирательный идеализированный женский образ, включающий специфические национальные представления о

женщине как таковой. Это образ рукодельницы и искусницы, у которой получается все, за что она ни возьмется. Они обладают необыкновенной красотой, которая гармонично сочетается с ее душевными качествами: добротой, кротостью, верностью, постоянством. В представлении русских у Василисы Премудрой/ Прекрасной плавная, статная походка; у нее длинная русая коса; она одета в традиционный русский наряд – длинный сарафан, на голове у нее кокошник – старинный женский головной убор. В представлении у кыргызов ***Акылкарачач*** – длинноволосая красавица, добрая, простая, большая опора мужу, хранительница семейного очага, аккуратная, хорошо воспитанная девушка. Современные кыргызы и русские могут называть Василисой Прекрасной /Акылкарачач: девушку, которая очень красива; при этом может подразумеваться, что она сочетает красоту с умом: стоит *только женщине прийти в политику, как она тут же из* ***Василисы Прекрасной*** *превращается в бабу Ягу*. *Ал кишинин кызы* ***Акылкарачачтай*** *акылдуу жана сулуу экен* (реч.) (Дочь этого человека красива как Акылкарачач). Из интервью Мара Байджиева: «***Василиса Прекрасная*** - наш Кыргызстан, очи ее сияют энергетикой Нарынских ГЭС, тело теплое как ТЭЦ, в утробе у нее - золото Кумтора, под мышкой - Путеводитель по историческому музею. Облапошенный *Иванушка* — это руководство КР» [«Фабула пресс» №49 от 10.07.2018 / стр. 10) URL:https://www.gezitter.org/interviews/71506_nash_kyirgyizstan__vasilisa_prekrasnaya/].

Ойсулата – покровитель всех верблюдов. Настоящее имя этого человека – святой Султан Вайс Харани. Вначале этот человек держал сам верблюдов. Слабых, болеющих верблюдов он мгновенно же исцелял и отправлял в караваны. Священное место, место паломничества встречается во многих местах. Говорят, что могила, где молятся к духу Ойсулата, находится в Кулже, Белужстане, Сейстане. Имя «Ойсулата» встречается в фольклоре народов Средней Азии, в том числе и кыргызов, и выражает мифологическое и религиозное понятие.

О благополучии верблюдов неусыпно пекутся их небесные покровители: у древних арабов этим озабочен мудрый Нахи, у йемецев бог предок Зу-Самави, у узбеков - Султанбобо, у туркмен - Вейселькара, у казахов - Ойсылкара и у кыргызов – Ойсулата.

У калмыков Небесный верблюд, мечущий громы и молнии, добровольно взвалил на свои горбы все обязанности громовержца. В иранской Авесте и каббалистическом трактате «Зохар» неоднократно упоминается некий летающий верблюд, имевший стартовую площадку в одном из укромных уголков райского сада. Необыкновенные животные верой и правдой служат многим эпическим героям. Киргизский чудо богатырь Манас, например, гордился своим быстроногим другом по кличке Джелмаян.

В христианстве верблюд терпеливое, довольствующееся малым животное, благочестивый символ смирения, умеренности и воздержания. Многие отшельники первых веков христианства, начиная с самого Иоанна Крестителя, носили на голом теле грубую власяницу из верблюжьей шерсти в знак терпения и самоотречения. Святой Августин сделал верблюда, смиренно влачащего тяжкую ношу, эмблемой Христа, безропотно несущего свой тяжелый крест, а сам Христос использовал образ верблюда в известной метафоре: «*Легче верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие*». Но в славянской культуре, в частности русской, такого понятия как бога верблюдов не было.

Современные кыргызы могут обращаться к этому имени при пожелании напутственных слов, поговаривая: «***Ойсулата*** *колдосун*!».

Камбарата– покровитель лошадей. В легендах говорится, что у хана Камбары (с арабского - Гамбар) Али был человек, который пас и смотрел его лошадей. Его прозвали Камбар. Но настоящее его имя Дулдул. Говорят, что Камбар играл на домбре и комузе. Например, туркмены считают Камбара покровителем и музыки, и лошадей. А киргизское выражение «күүнүн башы Камбаркан» появилось наверняка тоже неспроста. Также кыргызская мелодия носит название «Камбаркан».

А вот на Руси покровителями лошадей считались *Флор и Лавр***.** Флор и Лавр (II век) — раннехристианские мученики, пострадавшие в Иллирике. Известны только по житийной литературе. Почитаются Православной (память 18(31) августа) и Католической (память 18 августа) церквами.

Согласно житию, Флор и Лавр были родными братьями, с юности уверовавшими во Христа. Их, как известных каменщиков, правитель Иллирика направил к правителю соседней области для построения нового языческого храма. Братья отдавали полученную плату бедным и проповедовали им Христа. Успеху их проповеди способствовали чудеса, самым известным из которых стало исцеление сына языческого жреца, после чего исцелённый и его отец стали христианами. В новопостроенном храме, в который ещё не были внесены идолы, Флор и Лавр вместе с обращёнными ими христианами совершили совместную молитву, а после этого уничтожили идолов, предназначенных для перенесения сюда.

Все участники этих событий были схвачены и сожжены, а Флор и Лавр были отправлены обратно в Иллирик. Флор и Лавр исповедали себя христианами перед правителем, после чего были брошены в колодец и засыпаны землёй. Впоследствии их мощи были обретены нетленными и перенесены в Константинополь, где их видели русские паломники Антоний и Стефан в 1200 и 1350 годах соответственно.

Предание утверждает, что сразу после обретения мощей Флора и Лавра прекратился падеж скота. В связи с этим, на Руси эти святые почитались как покровители лошадей. В древних русских иконописных подлинниках указывается, что на иконах святые Флор и Лавр должны быть написаны с лошадьми [URL:http://blog.wikimedia.org/2014/05/07/launching-a-privacy-policy-built-the-wiki-way/.].

Современные русские к образу, имени Флор и Лавр обращаются только в художественной литературе. Например, В «Войне и мире» Флор и Лавр упоминаются в простодушной молитве Платона Каратаева:

Помолчав несколько времени, Платон встал.

— Что ж, я чай, спать хочешь? — сказал он и быстро начал креститься, приговаривая:

— Господи, Иисус Христос, Никола-угодник, Фрола и Лавра, господи Иисус Христос, Никола-угодник! Фрола и Лавра, господи Иисус Христос — помилуй и спаси нас! — заключил он, поклонился в землю, встал и, вздохнув, сел на свою солому. — Вот так-то. Положи, боже, камушком, подними калачиком, — проговорил он и лег, натягивая на себя шинель.

— Какую это ты молитву читал? — спросил Пьер.

— Ась? — проговорил Платон (он уже было заснул). — Читал что? Богу молился. А ты рази не молишься?

«— Нет, и я молюсь», — сказал Пьер. — Но что ты говорил: Фрола и Лавра?

1. *— А как же, — быстро отвечал Платон, — лошадиный праздник* [«Война и мир», т. 4, гл. 12].

Современные кыргызы имя «Камбарата» используют как в художественной литературе, так и в дискурсе. Часто это имя мы можем услышать от уст старшего поколения, где в качестве напутствия они говорят: «***Камбарата*** *колдосун*!» («Да благословит тебя дух Камбараты!»), имея в виду, чтобы у человека было много лошадей, и чтобы лошади не болели и не умирали.

Колобок – герой русской народной сказки, может употребляться для характеристики человека. Для киргизских народных сказок есть свой Колобок – *Көмөч нан* (Токоч). И Колобок, и - Көмөч нан (Токоч) – хлеб круглой формы, который ожил и убежал от своих хозяев. По дороге он встретил Зайца, Волка и медведя, которые пытались его съесть, но ему удалось обмануть их и убежать. Когда же он встретился с Лисой, она обманула Колобка (Көмөч нан) и съела его. Но у кыргызского народа сказка про Көмөч нан более позднего периода, чем сказка о русском Колобке. Это говорит о том, что текст перевели на кыргызский язык, внесли малейшие изменения. Произошло взаимодействие двух культур. Современные кыргызы и русские могут обращаться к этому

образу для характеристики: полного человека невысокого роста: *полковник Виктор Алексеевич Гордеев был наделен подчиненными прозвищем* ***Колобок*** (А.Маринина, Смерть ради смерти). *Ал кыздын бети* ***Көмөч нандай*** *эле бар* (реч.).

Бакай - один из главных героев эпоса «Манас». Выступает в качестве советчика, старца, мудреца во всех трилогиях «Манаса». Он один из ближних родственников Манаса среди его сорока дружин. Отец Бакая Бай и отец Манаса Джакып родные братья. В эпосе Бакай Манасу советчик не только во внешних делах, но и в личной жизни. Именно по его инициативе Манас женится на Каныкей. В варианте Саякбая Каралаева Бакай говорит Манасу, что он, женившись только на Каныкей, поистине будет счастлив. Он сам договаривается с ханом Бухары Темирханом, отцом Каныкей и сватает ее. Только Бакай остается верен Манасу и после его смерти. Академик В. М. Жирмунский говорил: «Бакай напоминает аналогичные фигуры старых витязей, мудрых советников эпического властителя, таких, как седовласый Нестор в «Илиаде», герцог Нэм Баварский в средневековом французском эпосе, Алтан Цежи в «Джангариаде» или старший родич армянских богатырей, дядюшка Кери-Торос, в «Давиде Сасунском» [Жирмунский, 1974, с.72].

Имя «Бакай» символизируется с преданностью, дружбой, умом, наставничеством, поддержкой. Современные киргизы называют детей этим именем, чтобы они выросли умными, преданными и храбрыми. В народе говорят: *«айтылуу* ***Бакай*** *келиптир»* (прибыл славный Бакай»).

В русской же культуре нет яркого сопоставления образу Бакая. В русских сказках, былинах говорится о неком человеке, у которого нет собственного имени, а именуется лишь старцем, мудрецом, провидцем, Большинство из этих значений сложилось в контексте широкой фольклорной традиции и духовно-религиозной литературы под сильным влиянием византийского богословия и популярной греческой философии.

«Көкөтөйдүн ашы» (поминки по Кокетею – эпическому богатырю) – самый яркий и важный эпизод эпоса «Манас» назван в честь богатого, уважаемого человека и долгожителя среди кыргызов. Говоря о поминках по Кокетею, современные киргизы имеют в виду роскошный пир, лукулловский пир (от имени Луции Лицшши Лукулл (ок. 106—56 до н. э.) - консул и полководец Древнего Рима имел обыкновение устраивать роскошные пиры и праздники, о которых потом говорил весь Рим). В русском языке, чтобы сказать о празднестве с размахом говорят *Пир на весь мир, Пир горой.* Например: *Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошёл* ***пир на весь мир****; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мёд, шампанское* (Державин. Записки…). *С утра до ночи в приваловских палатах стоял* ***пир горой****, и в этом разливном море угощались званый и незваный* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). Современные киргизы, чтобы отметить богатство, авторитет умершего человека, говорят: *«Анын баласы* ***Көкөтөйдүн ашындай*** *эле аш берди»* («Его сын сделал поминки, как у Кокетея»).

Застолье с чрезвычайно обильным угощением и (обычно) большим количеством присутствующих у кыргызов выражается через прецедентное имя ***Кокетей***, а у русских через фразеологизмы ***пир на весь мир, пир горой.***

Конь как боевой товарищ и главный помощник богатыря в соответствии с реальными условиями воинской жизни играет в киргизском эпосе не менее важную роль.

В богатырских сказках тюркских и монгольских народов, в обстановке кочевого быта, коню как волшебному помощнику отводится особенно значительное место. Конь может менять свой вид, превращаясь в звезду, птицу или муху; встряхнувшись, он оборачивается паршивым маленьким жеребенком, «коньком-горбунком», согласно эстетическому канону народной. Он нарекает имя герою, чудесным образом создает для него «народ и скот», указывает суженую ему невесту, предупреждает о сказочных препятствиях на пути к ней и научает, как преодолеть эти препятствия,

переносит героя через безбрежные водные рубежи, на край света, «где небо и земля сходятся». Он воскрешает убитого героя живой водой или вытягивает его из подземной темницы, опуская в семидесятисаженную яму один волосок своего хвоста [Бакиева, 1995].

Так, например, кони богатырей Манаса и Ильи Муромца – *Аккула и Бурушка-Косматушка.* Аккула – в эпосе конь Манаса, который всегда рядом, и только с ним, он идет в военные походы. А в русских былинах Илья Муромец редко зовет своего коня по имени. Лишь иногда ласково обращается к ней: «Бурушка-Косматушка».

Конь предназначен герою и сам узнает в нем своего будущего хозяина. Он связан с богатырем симпатической связью, родился с ним в один день, иногда от того же волшебного яблока, которое было подарено отцу героя его волшебным покровителем; кожура или сердцевина этого яблока достается кобыле, от которой родится богатырский конь. Например, в эпосе «Манас» богатырю говорят: «*Аккуладан айрылсан, сенин айлаң не болот?*» (фольк.), что в переводе означает «*если лишишься Светло-Саврасого (коня), что ты будешь делать (какой у тебя будет выход)?*».

В эпосе конь Манаса не идеализирован, он не обладает человеческой речью, как описываются кони богатырей других народов. Аккула больше напоминает скакуна.

К этому ряду прецедентных имен также относятся имя коня богатыря Конурбая – *Алгара.* Например, в эпосе встречается много высказываний об Алгаре: «Коңурбайдын ***Алгара*** *– букадай мойну бултулдайт*», что в переводе означает «Алгара Конурбая – шея у него, как у быка, напружилась». А высказывание: «*Чок-Табылгы жайлоодо,* ***Алгара*** *тулпар байлоодо*» (на летнем пастбище Чок-Табылгы привязан скакун Алгара) подчеркивает породистость коня и его скорость.

По своей энергетической насыщенности в фольклоре образ собаки близок к образу коня. Собака - и еще мифологический, сказочный и культовый персонаж.

Особое отношение к собаке – тема почти всех культур и народов. Собака – это неизменный спутник и друг человека, она помогает ему охотиться, сторожить скот, при этом проявляет преданность, на которую способен не каждый человек. "Собака так преданна, что даже не веришь в то, что человек заслуживает такой любви», - писал И. Ильф.

Так и в кыргызской культуре. *Кумайык* – преданная и верная собака Манаса стала прецедентным именем для всего киргизского народа. Например, высказывание: «*атасы кандын* ***Кумайык*** *оозун ачып аңылдап, аза күтүп заңкылдап*», что в переводе «Кумайык открыв пасть, выла, громко визжала, оплакивая (хозяина)» говорит о преданности и любви собаки к своему хозяину - Манасу. Очень часто современные киргизы называют собак Кумайык.

Собака и на Руси с древнейших времен играла важную роль. Это не просто домашнее животное, а компаньон и постоянный спутник человека, незаменимый помощник и беззаветно преданный и верный его товарищ в любых областях человеческой жизни - в поле и в доме, на промыслах и на охоте, на службе и в дороге.

Мотив собаки-предсказательницы встречается в русских сказках довольно часто. В таких историях, как «Морозко», «Дочь и падчерица», «Девушка в колодце», где сюжет обыгрывает незаслуженное отношение мачехи к падчерице и ее попытки самым жестоким образом избавиться от последней, собака всегда принимает сторону обиженной девушки и предсказывает неизбежное торжество справедливости (она точно знает, какая из девушек вернется из лесу с подарками, а какая без оных). И никакими взятками в виде пирогов и блинов, никакими уговорами, угрозами и побоями не заставить ее изменить свое собачье мнение («Старикову дочь в злате-серебре везут, а старухину замуж не берут»).

Еще один важный, имеющий глубокие корни мотив – способность собаки, в силу своей тонкой организации, видеть нечистую силу и охранять от нее хозяина. К примеру, собака охотника из сказки «Леший» за версту учуяла нечистую силу, «шерстью ощетинилась» и вовремя предупредила хозяина об

этом. Такова и собака Двоеглазка (черная и с двумя белыми пятнами под глазами), которая всюду высматривает разную нечисть, где бы она не схоронилась. Таков и сказочный пес Ярчук с волчьим зубом в пасти и в компании с двумя гадюками, яростный гонитель чертей и ведьм.

В огромнейшем количестве русских сказок собаки выступают как помощники и защитники главного героя. Например, в сказке про Кощея Бессмертного собака со щенятами, встреченная Иваном-царевичем, помогает ему добыть иглу с кощеевой смертью – ловит волшебного зайца. Два пса, подаренных главному герою невестой – Тяжелый и Легкий – верой и правдой служат ему и оберегают от опасностей («Притворная болезнь»). Бездольному из сказки «Пойди туда – не знаю, куда» тоже помогает собака – показывает дорогу в недосягаемый город Ничто. А вот Иван - старухин сын, персонаж «Хитрой науки», чтобы спастись от козней страшного старика Оха, сам оборачивается собакой.

Преданность собаки и готовность принести себя в жертву прекрасно иллюстрирует сказка «Незнайка» и ее многочисленные вариации, пес Ивана - купеческого сына первым переступает заколдованный порог, чтобы спасти хозяина от неминуемой смерти, и умирает сам, разорванный на клочки.

Сказка «Волк и собака» (в других вариантах вместо волка выступает медведь) демонстрирует нам, каким благодарным существом она является, как всегда, платит добром за добро. Волк помогает собаке вернуть расположение хозяина, а собака, в свою очередь, зовет волка на свадьбу и щедро угощает его.

Ну и, наконец, ценность собаки как незаменимого помощника в хозяйстве тоже довольно часто и разнообразно обыгрывается в различных сказках. Например, в сказке «Барин и собака» довольно забавно и с истинно народным юмором повествуется о том, как мужик, случайно убивший посохом чужую собаку, вынужден был занять ее место и исполнять ее службу – стеречь дом от воров.

Если просуммировать все изложенное выше, то можно с легкостью сделать очевидный вывод: собака в качестве сказочного персонажа русской фольклорной традиции выступает существом в высшей степени высоконравственным. Безыскусный и ясный образ этого замечательного животного, наделенного многими добродетелями и положительными чертами, вопреки всему поднимается выше многих религиозных и культурных условностей, которые в течение долгих веков прививались русскому народу. Но в русской культуре имена собак не стали прецедентными, как Кумайык в киргизском языке. В киргизском языке есть пословица: «*Ит ээсин тартпаса, арам өлөт*» («Любая собака похожа на своего хозяина»), которая на наш взгляд напрямую связана с эпосом «Манас». В русском языке, есть еще одно имя собаки – Шарик, но он используется для общего обозначения собак-дворняг, Кумайык же собака конкретного человека, а именно богатыря, который символизирует преданность, дружбу и любовь к хозяину.

В кыргызском эпосе *Коджоджаш* известен как герой самостоятельной сказочно-бытовой поэмы об искусном охотнике, истребителе горных коз, которого серая коза (по-видимому, связанная с мифологическим покровителем горных жвачных животных Каип-эреном) заманивает в непроходимые горы, где он находит себе смерть. Коджоджаш — «самый скорый скороход, первый верховой ездок и самый меткий стрелок».

Тематика эпоса «Коджоджаш» отражает, в основном, интересы родового коллектива, главным героем является герой-одиночка, преследующий цель сохранения семьи, противостоящий представителям мира природы. Выражения из фольклорного текста: «*Атаң сенин* ***Кожожаш****, адис болгон киши эле, мергендиги келишкен*» («Отец твой Коджоджаш был человек искусный, стрельба его была совершенной»), *«аркалуу мерген* ***Кожожаш*** *анык келип калыптыр»* («сильный стрелок Коджоджаш в самом деле прибыл») закрепились в кыргызском сознании. Образ охотника становится узнаваемым, прецедентным за именем Коджоджаш.

У многих народов существовали мифологические образы культурных героев, связанные с охотой. В русских былинах и сказках сохранились мифологические по происхождению образы охотника, пахаря, кузнеца.

В славянской мифологии важнейшей женской инициацией (от лат. initiatio — "совершение таинств, посвящение") было посвящение девушек в матери рода, мужской — посвящение юношей в охотники (позже — в воины). Охота также занимала огромное значение и в русской культуре, но в фольклоре у охотника не было собственного имени, и поэтому в русском сознании не закрепился образ охотника, выраженный собственным именем, который мог бы стать прецедентным.

Многие имена, географические названия, предметы быта, обычаи и даже целые реплики героев с эпоса «Манас» стали прецедентными. Это лишний раз подчеркивает, что в сознании всех кыргызов, вне зависимости владеют они кыргызским языком или нет, есть своя картина мира, свое представление о мире, и она связана с эпосом «Манас». «Манас» воплотил культурные «абсолюты» национального духа, поэтому исследования самосознания кыргызской культуры, ее художественных компонентов связаны с эпосом «Манас» [Бакиева, 1997, с. 170-173]. Для кыргызов собака это Кумайык, богатырь – это Манас, если конь, то Аккула, если охотник, то Коджоджаш.

Кыргызские прецедентные феномены по сравнению с русскими персонифицированы (представление природных явлений, предметов, человеческих свойств, отвлеченных понятий в образе человека). В кыргызских эпосах, сказках, очень часто происходит наделение животных и растений, отвлеченных понятий, неодушевленных предметов и явлений природы человеческими свойствами, представление их в лицах. Так, например, собака, ружье, конь персонифицированы, и связаны с образом Манаса. Эти понятия в кыргызском языке не только персонифицировались, но и получили свое имя, став прецедентными и узнаваемыми для всех кыргызов. Использование прецедентных феноменов в дискурсе является одной из языковых

универсалий, так как почти в каждом языке мы можем найти факты их использования для организации образной и эффективной коммуникации.

Выводы

Система концептов образует картину мира, в которой отражается понимание человеком реальности, ее особый концептуальный «рисунок», на основе которого человек мыслит мир. Понятие «концепта» изучалось многими учеными: Н.Д. Арутюнова [1999], Ю.Д. Апресян [1995], В. И. Карасик [2003, 2004], Е.С. Кубрякова [2004], Ю.С. Степанов [2004] и др. Вслед за мировым языкознанием и кыргызстанская лингвистика включается в разработку проблем антропоцентризма, где основным когнитивным термином стал термин «концепт». Кыргызстанские лингвисты (У.Д.Камбаралиева [2013], М. Дж. Тагаев [2015], Ы. А. Темиркулова [2010] и др.) определяют концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету. Упорядоченная совокупность концептов в сознании человека образует его концептосферу. Таким образом, концепт существует в сознании, детерминируется культурой и опредмечивается в языке.

Концепт в лингвистике часто соотносят с архетипом. Соотношением этих понятий занимались И. А. Богданова [2006], В. А. Маслова [2004], У. А. Савельева [2008] и др.

Прецедентные феномены, узнаваемы, не требуют объяснения для коммуникантов и включены в сознание человека как своеобразные бессознательные скрепы, как некие лингвокультурные коды и архетипы.

В этой главе мы рассмотрели типы прецедентных феноменов: прецедентное имя (ПИ), прецедентная ситуация (ПС), прецедентный текст (ПТ) и прецедентное высказывание (ПВ) согласно В. В. Красных. Следует

сказать.что любой один из феноменов актуализируются в другой, например ПИ может отсылать коммуниканта и в ПТ, ПС или в ПВ. Так ПИ Раймалы и Бегимай отсылают собеседников и в ПТ произведения Ч. Айтматова “И дольше века длится день”, и в ПС, где речь идет о возлюбленной паре. Например кыргызы говорят на тое пожелание молодым: “*Силерге Раймалы менен Бегимайдыкындай бакыт каалайм”* (реч.)

Прецедентным феноменам приписываются следующие функции: аксиологическая, моделирующая, прагматическая, эстетическая и парольная функции.

Использование прецедентных феноменов в дискурсе является одной из языковых универсалий, так как почти в каждом языке мы можем найти факты их использования для организации образной и эффективной коммуникации.

В дискурсе кыргызской речи нам следует выяснить образ формирования прецедентных феноменов, какое влияние оказывают эти прецедентные феномены на формирование этнической ментальности, и в какой степени прецедентные феномены включаются в дискурс кыргызов как средство убеждения, интертекстуальности, для привлечения внимания (включением в текст, речь имен, вызывающих определенные ассоциации), для усиления комического или сатирического эффекта.

ГЛАВА IV. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ (на материале функционирования русского языка в Кыргызстане)

4.1. Анализ учебников по русскому языку и литературе с 1-11 класс с позиций прецедентных феноменов

Детское языковое сознание формируется из колыбельных песен, сказок и в школьном возрасте из учебников. Термин «языковое сознание», прежде всего, относится к двум наукам: к психологии и лингвистике. Сближение этих наук позволяет делать нам исследования в русле когнитивизма. В самом деле, язык и его речевое проявление используются людьми для выражения смысла, отражения состояния сознания, проявления психологического содержания внутреннего мира человека. Сознание людей постоянно и на каждом шагу подвергается словесным воздействиям. Это происходит в каждодневном быту, учебном и воспитательном процессе, на ученых форумах, в политических дискуссиях и обсуждениях. Е.Ф. Тарасов, опираясь на современную методологическую базу в исследовании сознания, приходит к выводу, что языковое сознание – «совокупность образов сознания, овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов, ассоциативных полей» [Тарасов, 2004, с.34-47].

На наш взгляд, языковое сознание – это информация о мире, которая хранится в виде фреймов в голове человека. Фрейм – это один из главных понятий когнитивной лингвистики. Цель фреймов – это определить когнитивную функцию языка. Н.Н. Болдырев писал о фрейме:«структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Болдырев, 2004, с. 18-36]. Мы думаем, что фреймы – это своеобразные феномены, схемы, скрепы, сценарии, закрепленные в языковом сознании человека. Фреймовый анализ позволит нам выявить, какие прецедентные феномены закладываются в

сознании школьника, какие из них наиболее употребительны и какие ассоциации, и знания стоят за определенным прецедентным феноменом.

Проведен анализ ряда школьных учебников по русскому языку и литературному чтению для русской и кыргызской школ с 1-11 классы. Обращение к этому материалу вызвано тем, что школьные учебники закладывают основы языкового и мифологического сознания личности, благодаря чему создается национальная картина мира в форме прецедентных феноменов, схем, скрепов, сценариев, представлений и образов. Фреймовый анализ позволил нам выявить, какие типы прецедентных феноменов закладываются в сознании школьника, какие из них наиболее употребительны, какие знания несут и какие ассоциации они вызывают. Объектом лингвокогнитивного анализа явился материал учебников следующих авторов (Т.К. Акматов, С. Е. Бархударов, М. Т. Баранов, Н. П. Задорожная, Л. А. Калюжная, В.Г. Каменецкая, Т. А. Ладыженская, Т. Г. Рамзаева, О. Г. Симонова, А. Е. Супрун, М.Дж. Тагаев, Л.А. Шейман и др.).

Средства подачи прецедентных феноменов в учебниках разные: через текст, через картинки с заданиями, через упражнения. Подробнее рассмотрим примеры из учебников:

1. Через картинки с заданиями. Например, в учебниках 1-ого класса для русской школы [Русская азбука, 2004] содержатся картинки с заданием угадать героев сказки или название сказки, или составить по картинкам знакомую сказку. Как мы уже говорили ранее, фреймы хранятся в сознании людей в виде определенных сценариев, схем. Так, школьник может без труда по увиденным картинкам героев может составить сам сказку, потому что в голове у него есть сценарий. Учебник предлагает составить по картинкам сказку всем известную *«Репка».* Также даются картинки всех героев в одном рисунке с заданием сказать имена героев сказок. Так в этом учебнике изображены следующие герои: *кот в сапогах, царевна лягушка, Баба-яга* и т.д. То есть, увидев этих героев, школьник понимает, что речь идет о героях русских народных сказок.

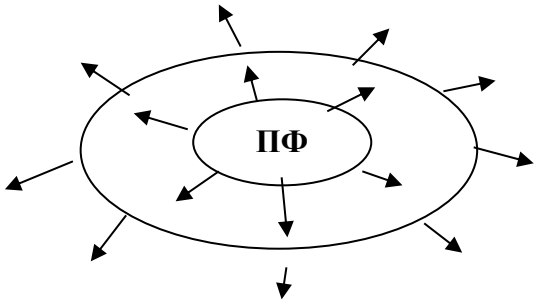
В учебнике для 4-ого класса с русским языком обучения данный вид работы представлен заданиями по картине «Три богатыря» Васнецова [103]. Формулировка задания из учебника: рассмотрите картину и ответьте на вопросы:

1) Кто и что изображено на картине?
2) Кто из богатырей привлекает ваше внимание?
3) Опишите внешний вид *Ильи Муромца*, выражение его лица.
4) Опишите вооружение, одежду, коня воина.
5) Опишите внешний вид *Добрыни Никитича*.
6) Опишите внешний вид *Алеши Поповича*.
7) Что вы видите за спинами богатырей?
8) Какие краски использовал художник, чтобы показать степи и холмы?

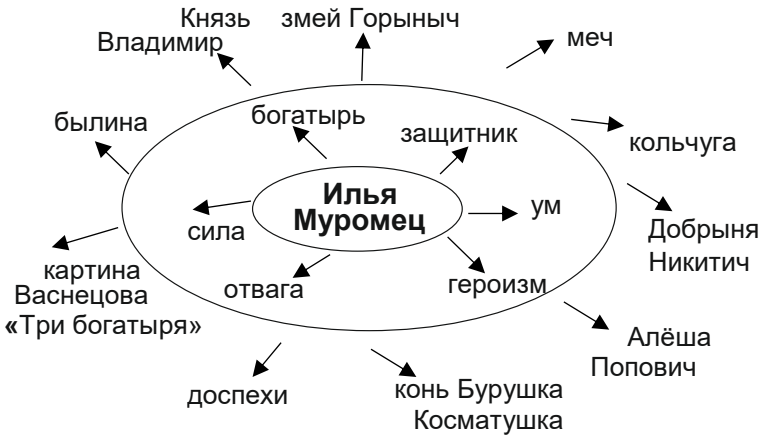
Эта же картина представлена в учебнике по чтению для 4-ого класса [Озмитель, Власова, 2015, с.19] в сопоставительном аспекте с Манасом, так как ребята ранее читали о Манасе. Также представлена картина Васнецова “Три богатыря” и ниже вопросы, связанные с былиной об Илье Муромце:

1) Как описывается в былине Илья Муромец? Что общего у Манаса и Ильи Муромца?
2) Как ты думаешь, кто может скрываться за образом Соловья-разбойника?
3) Как относится к Илье князь Владимир? Из каких слов это видно?
4) А как народ относится к Илье, какие стороны характера подчеркивает?
5) Вспомните, что говорит Илья, когда убивает разбойника. О чем это свидетельствует?
6) Сделай “Богатырский словарик”: выпиши из эпических сказаний слова, описывающие богатырское снаряжение, объясни значение этих слов.
7) Рассмотри картину В. Васнецова “Три богатыря”. Опиши богатырей, используя строчки из былины.

На основе анализа прецедентных феноменов в учебниках русского языка и литературы в русской и кыргызской школах были составлены фреймовые модели прецедентных феноменов, отображающих комплекс знаний, которые воспроизводят языковую картину мира школьников. Они представлены в виде модели, центр которой занимает имя фрейма, ближнюю периферию составляют слоты, отображающие первоначальные значения фрейма, а дальнюю - атрибуты, содержащие детальные и ассоциативные характеристики. Путем использования данной методики выявлены наиболее употребительные прецедентные феномены и описаны их фреймовые модели. Схематически это выглядит так:



При чтении русских былин школьники вспоминают все атрибуты, особенности, сценарии, связанные с богатырями, а именно с Ильей Муромцем. Фреймовая модель для прецедентного имени Илья Муромец состоит из следующих когнитивных признаков:

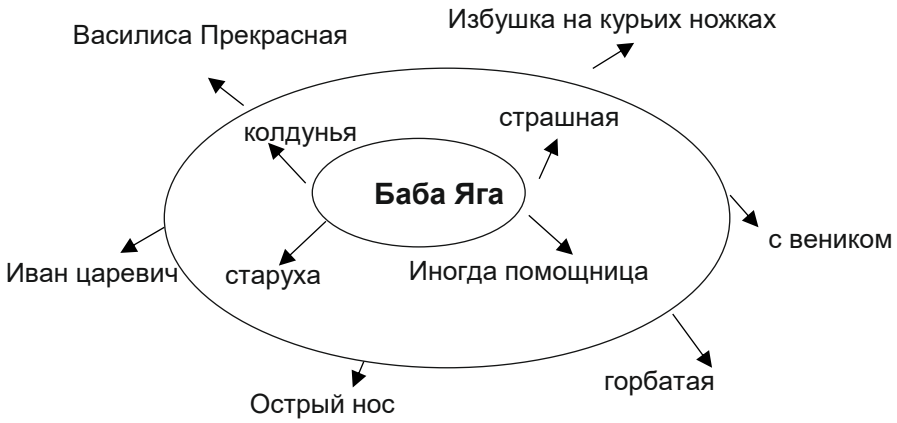


В сознании школьника первостепенно закладываются знания о том, что Илья Муромец – *защитник, богатырь*, который отличается *силой, отвагой, умом, героизмом*. В дальней периферии отображаются атрибуты богатыря: *меч, кольчуга, доспехи*, его *конь – Бурушка-Косматушка*, друзья богатыри – *Алеша Попович, Добрыня Никитич*, его противник – *змей Горыныч*, человек, у которого Илья находился на службе – *князь Владимир*, фольклорный жанр, где мы читаем о богатыре – *былина* и картина *В. М. Васнецова «Три богатыря»*. Совокупность когнитивных признаков определяют характер и течение дискурса, благодаря которому вскрываются глубинные структуры знания, связанные с прецедентным именем.

Множество картин в учебниках посвящены *Бабе-Яге и ее избушке на курьих ножках*.

Так в учебнике для 4-ого класса с кыргызским языком обучения даны картинки избушки и рядом вопросы: 1. Вспомните из какой сказки картинки? 2. Кто живет в *избушке?* [Задорожная, 2015, с.120].

Особое место среди прецедентных имен занимает образ *Бабы-Яги* и ее избушки на курьих ножках, который входит в языковое сознание школьников через прецедентные тексты сказок, иллюстраций к ним. Фреймовая модель этого образа имеет полевый характер и в сознании школьника складывается из следующих признаков:



Баба-Яга на страницах учебников предстает *страшной, старухой, колдуньей*, но иногда она и *помощница* по сценарию русских народных сказок. Дальняя периферия содержит информацию о внешнем виде Бабы Яги: *острый нос, горбатая;* об атрибутах: *с веником, избушка на курьих ножках;* о связи с текстом сказки: *Василиса Прекрасная, Иван царевич.* У *Жезкемпир* в отличие от Бабы-Яги всегда отрицательный образ. В учебниках русского языка *Жезкемпир* не встречается, но если смотреть из кыргызских народных сказок, то это медная старуха (ее еще называют Жез тумшук), которая обладает нечистой силой, она порой даже страшная и ее боятся все герои сказки.

2. Через упражнение. Уже в 1-ом классе ученикам русского класса [Русская азбука, 2004] предлагают вставить слова в известную пословицу (прецедентный текст). Например: Какие слова пропущены в пословице? *Без труда не вынешь и рыбки из …*

Есть такое интересное упражнение для 3-его русского класса [Рамзаева, 2004] с прецедентным именем *Дюймовочка*: Прочитай. В каком столбике слова составляют предложение? Докажи.

жить., *Дюймовочка*, лето, лес	Все лето *Дюймовочка* прожила в лесу.

Даже в самых распространенных упражнениях, где нужно вставить подходящую букву, есть прецедентные имена. Например, из учебника русского языка для 5-х классов русской школы [Русский язык: учеб. для 5 кл., 2004 с. 195]: «*Избушка, избушка*, п.вернись мне лицом!» - п.просил *Иванушка*». Еще один пример из таких упражнений, с использованием прецедентного имени *Манас* в учебнике для 7-х русских классов [Русский язык: Учеб.для 7 кл., 2012, с. 21, 60]: «Скалы ст.ят плечом к плечу, как воины *Манаса*, как щит и меч, защищающие древний народ». В этом же учебнике, в другом упражнении даны прецедентные имена *Токтогул, Манас, Камбаркан* в одном упражнении: «…Великий кыргызский комузист и акын *Токтогул* пел в своей песни, пр.славляющие комуз…По народному преданию он был

изобретен *Камбарканом*. В эпосе *«Манас»* подробно описано, как был изготовлен главный музыкал.ный инструмент кыргызов».

В упражнениях раскрыть скобки и написать слово в нужной форме также используются прецедентные имена. Так в учебнике для 7-ого класса русской школы [Русский язык: Учеб.для 7 кл., 2012, с. 60, 109]: «*Чичиков* (не) заметил, как в(?) ехал в середину обширного села с множеством изб и улиц». Зачастую в книгах появляются новые прецедентные имена. Так, например, *медведь Тедди* из этого же учебника для 7-ого класса: «Медведь *Тедди*, (не) обращая внимания на открытую дверцу, жадно ел картошку и овсянку… *Тедди* было дико, (не) привычно в лесу»

Упражнения на составление предложения с выделенными словами содержат также прецедентные имена. Так в учебнике для 7-ого русского класса [Русский язык: Учеб.для 7 кл., 2012, с.72]: «Что ты, *Иван – царевич* такой **печальный**? *Василиса Премудрая* хитрее и **мудрее** своего отца уродилась».

Прецедентное имя *Каштанка* также встречается во многих текстах и упражнениях в книгах по русскому языку. Так в учебнике для 9-ого класса русской школы [Русский язык: Учеб.для 9 кл., 1997, с.29] такое упражнение: «*Каштанка* помнила, что по дороге, она вела себя крайне (не) прилично». Или, например, из учебника 8-9-х классов для кыргызской школы [Супрун, 2012, с.96]: «Каштанка сьела (колбаса) и улеглась на полу».

В учебниках по русскому языку для 8-9-х классов кыргызской школы [Супрун, 2012, с. 48, 81, 98] герой кыргызского народа *Манас*, встречается в упражнениях с разными эпитетами: «Непобедимый *Манас* не боялся любого (враг)». Также есть упражнение, где из указанных слов нужно составить предложение. Например: «Храбрый*, Манас,* победить, свои, враги». И такой эпитет есть в книгах: «Зазвенели струны комузов, и аксакалы начали по очереди петь и рассказывать эпизоды из жизни *знаменитого Манаса*».

Прецедентное имя *Манас* представлен и на страницах книг по литературе. В учебнике для 2-ого класса кыргызской школы [Омурбаева, 2013]

есть текст, где употреблены несколько прецедентных имен: «Из сынов нашего народа вышли такие воины, как *Манас* и *Курманбек*, из дочерей – *Сайкал* и *Джаныл*. Есть тексты о Манасе и в книге по чтению для 3-его класса русской школы [Озмитель, Власова, 2015, с. 18, 20, 21] «Имя Манаса», кыргызская легенда «Манас дает названия аилам», «Горы Манаса», «Сан-Таш Манаса». В книге для чтения в 4 –ом классе русской школы [Озмитель, Власова, 2015, с.3] есть текст «Сказание о Манасе». В этом же учебнике, есть стихотворение Токтосуна Самудинова «Отчий край», где использовано имя *Манас*:

«Здесь дух *Манаса* и его батыров

Я вместе с ветром родины впитал».

В учебнике чтения для 6-ого класса кыргызской школы [Симоноа, 2016, с.84] в разделе «Устное народное творчество» упоминаются имена богатырей: «У каждого народа есть свои богатыри. В русском народном творчестве – это *Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич*, и в кыргызском – *Манас*». Также в данном учебнике есть текст А. Токомбаева «Сказание о Манасе». К этому прецедентному имени была составлена следующая фреймовая модель:

В ближней периферии модели содержится информация о том, что Манас, как герой одноименного эпоса, известен школьнику не столько своей физической *силой, смелостью и храбростью*, сколько как воин (*баатыр*) и государственный деятель, объединивший сорок кыргызских родов в единый народ (*народный герой*), как человек, обладающий незаурядными нравственными качествами. Не случайно одним из его частых эпитетов

является выражение *Айкөл Манас* (*Манас Великодушный*). Характеристика Манаса как Великодушного, является одним из его главных когнитивных признаков. Манас — это часть крови и плоти современного кыргыза, он входит в число эталонных признаков кыргызской ментальности, определяет нормы поведения человека. Дальняя периферия отображает физические данные богатыря: *большой рост, большая голова, тигриная шея, широкие плечи,* его близких друзей и соратников: *Бакай, 40 сподвижников,* его врага: *Конурбай,* его коня – *Ак кула*, собаку – *Кумайык*. Кыргызская национальная идея и идеология, своеобразный моральный кодекс кыргызстанца строились на *семи заповедях Манаса* – эта информация также содержится в дальней периферии модели.

3. Из текста (через контекст). Так, например, в учебнике для 4-ого класса русской школы [Калюжная, Качигулова, 2015] дан отрывок из произведения А. С. Пушкина «Руслан и Людьмила», где есть прецедентные имена *Баба-Яга*, *Русалка, Кащей, леший*. Этот же отрывок в кыргызских классах ребята читают в 7-ом классе [Мейманалиев, 2009, с.38]:

Там чудеса: там *леший* бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с *Бабою Ягой*
Идёт, бредёт сама собой,
Там царь *Кащей* над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью
пахнет!

Известная всем сказка «Курочка Ряба» стала не только прецедентным именем, но и прецедентным текстом, сценарий которой известен нам с

детского сада. Поэтому и употребление ее в текстах учебников по русскому языку для 1-ого класса кыргызской школы [99] неслучайно: «...Жили-были дед и баба. И была у них *курочка Ряба*…». Еще один пример с данным прецедентным феноменом, только из учебника для 2-ого кыргызского класса [Омурбаева, 2013, с.66]: «…Наташа жила в селе. Она любила ухаживать за птицами. Больше всех она любила курочку *Рябу*…».

Прецедентное имя *Буратино* герой всего учебника 2-ого кыргызского класса: «Болот дома. Он пишет буквы. Это буква П. А это буква Б. А *Буратино* ничего не пишет. Он ест банан», «…В комнате Болот и *Буратино*. Они играют…» [Омурбаева, 2013, с. 17], «…Сейчас *Буратино* и Аман украшают елку. Елка красивая и нарядная …» [Омурбаева, 2013, с. 84].

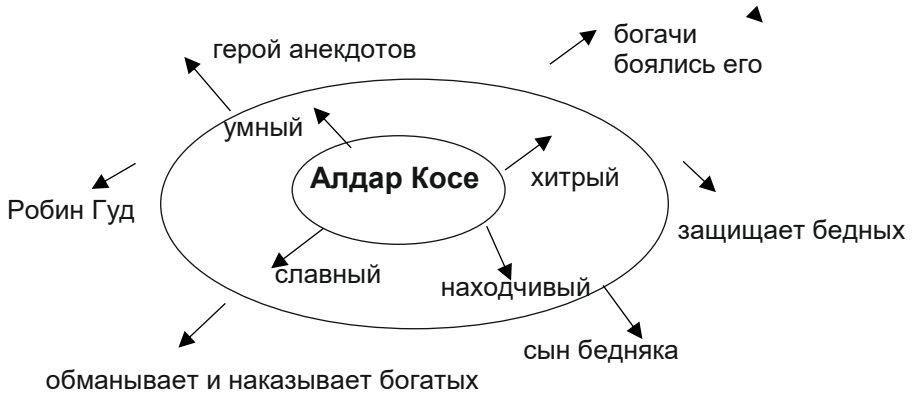
Прецедентное имя *Алдар Косе* также часто присутствует в текстах учебника русского языка для кыргызских и русских школ. Так, например, в учебнике для 2-ого класса кыргызской школы: «…У бая был той. На той пришел *Алдар Косе* ...», из учебника для 4-ого кыргызского класса [Задорожная, 2015, с.52]: «…Много славных дел совершил *Алдар Косе*. Жадные и несправедливые богачи боялись даже его имени…», еще один пример из учебника для 7-ого русского класса [Русский язык: Учеб.для 7 кл., 2012, с.72]: «Как-то *Алдар Косе* встретил Кенжебая – советника хана. …Он сказал:

–А уж если ты и впрямь такой умный, так перехитри меня»

Прецедентное имя *Алдар Косе* встречается в учебниках по русскому языку и чтению во втором и четвертом классах. Так, например, в учебнике по чтению для 4-ого класса с русским языком обучения есть узбекская народная сказка «Алдар Куса и купец» [Калюжная, Качигулова, 2015, с.30]. Из содержания учебников складывается следующая фреймовая модель этого прецедентного имени, содержание которого становится основой для формирования этого образа в сознании школьника нашей республики.

В ближней периферии модели содежится характеристика Алдара Косе: он *умный, славный, хитрый и находчивый.* Дальняя периферия говорит о том,

что он *герой анекдотов, наказывает и обманывает богатых, сын бедняка, защищает бедных*, и его сравнивают с *Робин Гудом.*



В учебниках для 4 класса по литературе как в кыргызской, так и в русской школе используется прецедентное имя *Мать-Олениха*, приведем пример из учебника русского языка для кыргызской школы [Задорожная, 2015, с.58]: «...*Мать-олениха* вырастила детей и привела их на родину…». Также сказки и легенды о *Матери оленихе* есть и в книгах по чтению для 4 –ого русской школы [Калюжная, Качигулова, 2015, с.75]. Фреймовая модель для этого образа состоит из следующих атрибутов:

Из модели видно, что образ Матери оленихи в сознании кыргызстанского школьника состоит из следуюших когнитивных признаков: *кормилица, мать кыргызского рода, спасительница.* Дальняя периферия

показывает внешность образа: *рогатая и большие, грустные глаза*; также школьники связывают с этим образом *легенду*, в которой читали о ней, *реку Энесай, род Бугу,* и произведение Ч. Т. Айтматова *«Белый пароход»*, в котором она *спасла кыргызский род*. Эти и другие фреймовые модели показывают, какая культурно-эстетическая информация и мифологическая картина мира может и должна быть заложена в языковом сознании выпускников школ.

Пословицы в качестве прецедентных текстов используются в заголовках текстов. Так, например, в учебнике для 2-ого кыргызского класса [Омурбаева, 2013, с.73] есть текст «*Хлеб - всему голова»*.

Прецедентное имя *Юлий Цезарь и его известное высказывание*, символизирующее полководческие таланты, также встречается на страницах учебника для 5-ого русского класса [Русский язык: учеб. для 5 кл., 2006, с.8]: «Расхвастался как-то Глагол перед Существительным:

- Я у самого *Юлия Цезаря* в почете был! *«Пришел, увидел, победил!»*

В учебнике для 7-ого русского класса [Русский язык: Учеб.для 7 кл., 2012, с.35] встречается много прецедентных текстов из произведений устного народного творчества кыргызов: «…Чудесные поэмы дошли до нас с древних времен. Это прекрасные поэмы *«Манас», «Курманбек», «Джаныл-Мырза»* и др.

В учебнике для 8-9-х классов по русскому языку для кыргызских школ [Супрун, 2012, с. 30, 169] в одном тексте «Патриот» встречается множество прецедентных имен и русских, и кыргызских. Например: «Великими патриотами был *Пушкин* и *Тыныстанов*, *Маяковский* и *Токтогул*. …Рядом с именем *Матросова* записано имя *Чолпонбая Тулебердиева*». Прецедентное имя *Токтогул* для кыргызского народа как символ справедливости, гуманности и честности также встречается довольно часто: «Взяв в руки комуз *Токтогул* запел. Он пел о многом: о свободе, о светлой мечте, о счастье». Еще пример из учебника для 10-ого кыргызского класса [Кундузакова, Васильев, Янцен, 2003, с.38]: «С детских лет *Токтогул Сатылганов* ненавидел баев и манапов. Отец его был очень бедным. Мальчику пришлось пасти байские

стада. *Токтогул вырос*. Он ходил из аила в аил и пел свои песни. Народ полюбил акына».

Чыпалак (мальчик – с пальчик) – Персонаж народных сказок — крошечный мальчик, действующий весьма умно и с большой находчивостью также став прецедентным, используется в книгах. Приведем пример из учебника для 8—х классов кыргызской школы [Супрун, 2012, с.36]: « Сначала он рассказал мне сказку про маленького *Чыпалака. Чыпалак* победил глупого волка. …Но самая любимая моя сказка – *про Рогатую мать-олениху*».

Кожомкул — кыргызский силач, богатырь (баатыр). Кыргызы ассоциируют Кожомкула с легендарным Манасом. О его силе, доблести и заслуге также указаны в текстах книги за 10 кыргызсий класс [Кундузакова, Васильев, Янцен, 2003, с.160]:

«Богатырская сила *Кожомкула* проявилась рано. По преданиям, в 15-летнем возрасте он переборол 45-летнего знаменитого силача. В молодости *Кожомкул* вытащил из проруби быка весом около полтонны. В 22 года он поднял камень высотой 164 см, толщиной 1 м 89 см и, пронеся 100 м, с силой воткнул в землю. Этот камень и по сей день стоит в Суусамырской долине и называется «Кожомкулдун ташы» – *«Камень Кожомкула»*.

В учебниках по чтению и литературе мы также встречаем множество кыргызских и русских прецедентных феноменов. Так в учебнике для 5-ого русского класса [Русский язык: учеб. для 5 кл., 2006, с.34] есть сказка *о Царевне-лягушке*. Данная русская народная сказка есть и в учебнике по чтению для 7-ого кыргызского класса [Мейманалиев, 2009, с.31].

Прецедентные имена *Акылкарачач и Жээренче чечен* встречается в текстах кыргызских сказок на русском языке. Так, например, из учебника для 7-ого кыргызского класса [Мейманалиев, 2009, с. 23, 26]: «В давние времена жил по имени человек *Жэйрен-чечен*. Чечен — значит «красноречивый». Так прозвали его за ум и находчивость. …Нарядил он своего сына Телмырзу и приехал с ним сватать Карачач. *Мудрый Жэйрен* от души вознаградил своих сватов за то, что они воспитали *умную и учтивую* дочь:

- Пусть ее имя отныне будет *Акылкарачач – умница Карачач*, и пусть она будет счастлива».

Рассмотрев все прецедентные феномены из учебников русского языка для русской и кыргызской школы, можно сказать, что наиболее употребительные прецедентные имена следующие: Пушкин, Василиса Прекрасная, Илья Муромец, Баба-Яга, Колобок, Русалка, Каштанка, Курочка Ряба, Иванушка, Буратино, Репка, Манас, Токтогул, Алдар Косе, Апенди, Кожомкул, Мать-олениха, Акылкарачач. Анализ также показал, что книги по русскому языку для кыргызских классов насыщены прецедентными именами, как русскими, так и кыргызскими. В учебниках последних изданий присутствуют и современные прецедентные имена из фильмов и мультфильмов. Это говорит о том, что со временем когнитивная база индивида будет пополняться новыми современными прецедентными феноменами, что будет показана в экспериментальной части диссертационного исследования.

4.2. Характеристика прецедентных феноменов русского языка и теоретические основы составления сопоставительного лингвокультурологического словаря

В российской науке первые попытки лексикографического описания культурного пространства были предприняты в рамках такого направления, как лингвострановедение, связанного, прежде всего с именами Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова. Начали появляться лингвострановедческие словари, активно исследовались национально-культурная составляющая семантики языковых единиц, были выявлены «зоны» языка, в наибольшей степени насыщенные культурной информацией, провоцирующие неудачи при межкультурной коммуникации, разрабатывались конкретные лингводидактические приемы презентации подобной информации инофонам. В настоящее время внимание наиболее видных представителей лингвострановедения направлено на изучение национальных социокультурных стереотипов речевого общения и таких единиц, как

логоэпистемы. Под логоэпистемами понимаются языковые единицы с национально-культурной оценкой, «логоэпистемами можно назвать сигналы, заставляющие вспомнить некоторое фоновое знание, некоторый текст» [Костомаров, 1996, с.70].

Теоретической основой для составления сопоставительного словаря нам послужил лингвокультурологический словарь русских прецедентных феноменов [Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Выпуск первый / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. - М.: Гнозис, 2004.]

Авторы рассматривают лингвокультурологический словарь как словарь фиксирующего типа и пытаются описать не то, что «следует знать», а то, что реально «знает» практически любой социализированный представитель русского национально-лингво-культурного сообщества, и при этом не ставят перед собой никаких воспитательных задач. Таким образом, словарь призван выполнять фиксирующую и ориентирующую функцию, что отличает его от лингвострановедческих словарей и «Словаря культурной грамотности», которые могут быть названы словарями нормативного типа, выполняя при этом социально-регулятивную функцию [Верещагин, Костомаров, 1993, с.11].

В отличие от авторов указанных словарей авторы лингвокультурологического словаря стремились максимально снизить уровень субъективности при отборе материала и опирались не только на интроспекцию, но и на данные проведённых экспериментов в форме анкетирования, а также исследования текстов СМИ и массовой литературы. Эти тексты, по мнению авторов, отражают реальное состояние дискурса русского национально-лингво-культурного сообщества и представляют собой экстериоризированное воплощение русского языкового и культурного сознания, которые и являются основными объектами изучения и описания словаря.

В данный словарь включены феномены, которые являются репрезентантами русского культурного пространства. Первый вопрос,

который может сразу возникнуть, - что есть национальное культурное пространство?

Национально-культурное пространство – это форма существования культуры в сознании человека, это культура, отображенная сознанием, это, если угодно, бытие культуры в сознании ее носителей. И если так, то говоря о национальном культурном пространстве, мы имеем дело с сознанием, и в первую очередь – с массовым сознанием представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества. По своей природе – национальное культурное пространство – это информационно-эмоциональное поле, виртуальное и в тоже время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится «ощутимым» при столкновении с явлениями иной культуры. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингво-культурного сообщества.

«Ядром» культурного пространства является национальная когнитивная база (КБ), понимаемая как определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимые для всех представителей данного национально-лингво-культурного сообщества. Русская когнитивная база проецируется на русское культурное пространство и входит в него как неотъемлемая часть. Вместе с тем и само русское культурное пространство «отражается» в русской когнитивной базе в редуцированном, минимизированном виде. Однако это не просто «эффект бинокля» (ближе/дальше; больше/меньше), поскольку русское культурное пространство – это все многообразие знаний и представлений носителей русского ментально-лингвального [Красных, 2002] комплекса, в то время как русская когнитивная база – это не просто сокращенный вариант некоторого списка феноменов. Минимизация осуществляется не путем уменьшения «объема», но через «качественное редуцирование», через создание инварианта восприятия

того или иного культурного предмета. Владение русской когнитивной базой и – как минимум – «центральной», «ядерной» частью русского культурного пространства во многом предопределяет адекватность общения на русском языке его носителей.

Чтобы стать личностью и членом того или иного национально-лингво-культурного сообщества, человек должен пройти процесс социализации, или «путь врастания ребенка в цивилизацию». Сутью этого процесса и его целью является трансляция культуры. Процесс социализации начинается если не до рождения, то с момента рождения человека. Основным каналом трансляции культуры является язык, и на начальном этапе социализации культура транслируется, в том числе в виде фольклорных текстов, детской литературы (например, сказок, песен, игр, стихов). Этим диктуется выбор единиц, которые оказались включенными в словарь, и того иллюстративного материала, который приводится в словаре. Но что же конкретно транслируется в процессе социализации? Приобщение к чему, освоение и усвоение чего делают, в конце концов, человека личностью и представителем той или иной культуры? Очевидно, в первую очередь следует говорить о тех единицах, которые входят в когнитивную базу и «ядро» культурного пространства и которые могут быть определены как ментефакты.

Чтобы определить суть ментефакта, необходимо остановиться на том, как мы понимаем сознание и действительность и как эти феномены между собой соотносятся.

Сознание есть специфически человеческая форма отражения действительности и высший тип психики [Красных, 2002, с.11]. Действительность – это все сущее, материальное и идеальное, реально существующее и воображаемое (в виде, например, воспоминаний о прошлом, мечтаний о будущем, плодов воображения и фантазий), принадлежащее сознанию и лежащее вне его (материальный мир, который может восприниматься по каналам пяти чувств). *Соотношение сознания и действительности* может быть определено следующим образом: сознание

входит в действительность. Если само сознание – отражение действительности, то «содержание» сознания – идеальная сторона действительности. Рассмотрим следующую аналогию: аквариум, в которой плавают рыбки. Рыбки могут жить без воды? Нет. Рыбки и вода – одно и то же? Нет. Так вот, аквариум – это сознание, вода – идеальная сторона действительности, а рыбки – это ментефакты. ***Ментефакты*** *суть элементы «содержания» сознания.*

Ментефакты могут классифицироваться и систематизироваться на разных основаниях. Например, по признаку «информативность – образность» выделяются три типа феноменов: знания – концепты – представления [Красных, 2002]. В данный словарь включены те ментефакты, которые составляют группу «представлений» в широком понимании этого термина. Для представлений оказываются важными образность, функциональная компенсаторность, эмоциональная окрашенность и оценочность.

Феномены, включенные в рассматриваемый словарь, разделены в словаре на 4 группы, каждая из которых составляет отдельный раздел словаря: «Имена», «Зооморфные образы», «Прецедентные тексты», «Прецедентные высказывания».

Прецедентные имена, как и другие прецедентные феномены определяют шкалу ценностных ориентаций национально-лингво-культурного сообщества, формируют набор «героев» и «злодеев», предлагая деятельность первых в качестве примера для подражания, а поступки вторых – образца того, что делать ни в коем случае нельзя, иными словами, отражают и одновременно задают определенную парадигму поведения. Та функция, которую выполняют прецедентные феномены в целом, близка функции мифа в традиционном обществе. Представление, стоящее за ПИ, по сути, и является «свернутым» мифом.

В разделе «Зоонимы» рассматриваются те зоонимы, которые в русском НЛКС регулярно употребляются в качестве зооморфной характеристик человека. Семантика и функционирование этих имен и ПИ оказываются во

многом близки, но при этом отличаются и собственной спецификой. Например, **Мышь** – входит в число типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека или его поведения (3).

Как и ПИ, рассматриваемые зоонимы в словаре, являются особыми единицами дискурса и относятся к числу тех его составляющих, национально-культурная обусловленность семантики которых выражена особенно ярко. Следует отметить, что при экстенсиональном употреблении зоонима реализуется его «обыденное» значение, когда же это слово употребляется интенсионально (для прямой или косвенной характеристики, кого- или чего-либо), актуализируется стереотипное представление, связанное с «мифологическом» значением имени, но не исчерпывающее его.

«Мифологическое» значение и стереотипное представление оказываются национально детерминированными. *Заяц* - животное одинаков для русского и американца, *заяц* – характеристика человека – трус для русского и быстро делающий что-либо человек для американца, *свинья* – физически или нравственно нечистоплотный человек для русского и толстый человек для японца и т.д. и т.п.

Анализируя тот или иной образ, следует учитывать не только ту информацию, которую можно найти в словарях и энциклопедиях, но и те представления, которые актуальны для носителей национальной культуры, которые «всплывают» из сознания при обращении к образу и к которым они апеллируют в своей речи. Подходы к такому лексикографическому представлению материала можно найти в этом словаре.

Авторы, работая над этим словарем, опирались в первую очередь на современную городскую культуру и на массовое сознание современных городских жителей. Это во многом предопределило: 1) отбор теоретического материала, включаемого в словарную статью, источники, из которых черпались примеры народных представлений, фольклорных образов; 2) описываемая «конфигурация» стереотипного образа, представления,

инварианта восприятия, который стоит за описываемым феноменом; 3) тот иллюстративный материал, который наглядно демонстрирует функционирование описываемой единицы в дискурсе, те конкретные значения, которые она выражает, те идиомы, которые содержат описываемую единицу и связаны с указанным представлением.

При представлении материала в словаре авторы исходили из того, что считали необходимым дать оптимально полную и максимально адекватную картину описываемого фрагмента русского культурного пространства, конкретного ментефакта. Данным соображением объясняется вид, структура словарной статьи, способ и последовательность представления материала.

Во введении к словарю содержатся сведения о том, как пользоваться словарем.

В алфавитный указатель включены все единицы, так или иначе вошедшие в словарь**.** Жирным шрифтом выделены те единицы, которые имеют в словаре самостоятельные статьи. *Курсивом* отмечены единицы, которые только упоминаются в той или иной словарной статье. Разреженным шрифтом показаны единицы, которые помещены в ту или иную словарную статью после основного текста.

Материалы словаря построены в виде гипертекста: если в тексте какой-либо статьи встречается единица, представленная в словаре как полноценная статья, то она выделяется ***жирным курсивом***.

Простым *курсивом* в тексте даются названия произведений и цитаты, не ставшие предметом отдельного описания. Этим же шрифтом выделяются и отдельные языковые выражения, которые связаны с тем или иным элементом значения, обусловленным конкретным случаем употребления единицы.

Разреженный шрифт использован для единиц, которые предъявляются коротко и представляются после основного текста статьи.

Жирным шрифтом выделены слова и устойчивые выражения, в которых нашли отражение черты рассмотренного образа. Данные языковые единицы также приводятся после основного текста статьи. Они снабжены

толкованием и указанием на условия их употребления, а также примерами, наглядно иллюстрирующими случаи их использования в речи.

Структура словарной статьи.

Каждая статья раздела «Имена» открывается кратким вступлением, у котором указывается место данного ментефакта (прецедентного имени, духа, артефакта) в «археологии культуры» (В. Н. Телия), его отношение к миру мифологических образов и перечисляются те «роли», которые данный ментефакт выполняет: является ли он персонажем фольклора, выступает ли как стереотипный образ, может ли употребляться для характеристики кого-либо, чего-либо (человека, его характера, его деятельности, предмета, ситуации и т.д.).

После этого первым «пунктом» предъявляется та информация, которую можно было бы назвать «фольклорно-энциклопедической», то есть то, что можно найти в словарях, энциклопедиях, справочниках и специальных публикациях по русскому фольклору и народной культуре. Иначе говоря, здесь представляется бытование единицы в русском фольклоре и – минимально – в литературе.

Следующим «пунктом» в статье описывается некоторый «стереотипный образ», стоящий за данный единицей. Так, при описании прецедентных имен основное внимание авторы словаря уделяли инварианту восприятия ПИ, при описании духов – инвариантному образу, стоящему за тем или иным именем, при описании артефактов – тому представлению о предмете, которое бытует в современном массовом сознании заметим, что инвариант восприятия ПИ, инвариантный образ духа и представление об артефакте в некотором смысле сближаются с собственно стереотипами по способу хранения и функционирования, но отличаются от последних по первооснове и, так сказать, контексту собственного бытия. При работе над данной частью словарной статьи авторы использовали метод тренированной интроспекции, опирались на обработку современных текстов, в которых единица

функционирует, и – по возможности – на результаты ассоциативных экспериментов, проводили пилотажные опросы носителей русского языка.

В третьем «пункте» словарной статьи описываются условия, при которых возможна апелляция к данному образу, а также вычленяются и представляются значения, которые данная единица может выражать. Здесь же указываются случаи употребления соответствующей вербальной единицы речи. В конце предъявляются устойчивые, идиоматические выражения, образ которых мотивирован народными поверьями, фольклорными традициями, стереотипным представлением, восходит к какому-либо конкретному источнику. Это часть содержит иллюстративный материал, призванный на конкретных примерах продемонстрировать функционирование той или иной единицы в дискурсе.

Словарная статья в разделе о прецедентных именах начинается с краткой, максимально сжатой информации, дающей самое общее представление о той единице, которая описывается в статье.

В статье содержится информация:

(1) о месте персонажа или предмета в мифологическом пантеоне (относится или не относится к числу мифологических образов),

(2) о его «культурном смысле» и роли, которую он играет (выступает в качестве стереотипного образа),

(3) о функциях, которые он выполняет в дискурсе (может употребляться для характеристики того или иного феномена).

Если в силу специфики описываемой единицы какие-либо из этих трех обязательных «фрагментов» объединяются в один блок, то это показывается сразу же; например, могут объединяться «энциклопедическая» информация (1) и выполняемая роль (2). Например,

Золотая рыбка – персонаж сказки А.С.Пушкина «**Сказка о рыбаке и рыбке**» (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики человека (3).

Далее в соответствии с указанными «пунктами» описывается сама единица. Под цифрой (1) дается очень краткая «энциклопедическая» информация о бытовании феномена в традиционной народной культуре; об упоминаниях его в Библейских текстах; о событиях, связанных с персонажем. Например,

1. В сказке Золотая рыбка, наделенная волшебной силой, выполняет желания старого рыбака в благодарность за то, что он, поймав ее, отпустил обратно в море. Старику ничего не надо для себя, но просит то, что требует его старуха: богатства, славы, власти. Наконец старуха пожелала стать владычицей морскою, чтобы Золотая рыбка была у нее в услужении. Золотая рыбка наказала старуху, лишив ее всего того, что дала ей раньше.

Под цифрой (2) описывается стереотипный образ, инвариант восприятия прецедентного имени или представление, связанное с артефактом. Например,

2. Золотая рыбка– волшебница, наделенная даром исполнить любое желание.

Под цифрой (3) описываются условия употребления единицы в дискурсе и приводится иллюстративный материал. Например,

3. Современные русские могут называть Золотой Рыбкой или обращаться к образу Золотой рыбки для характеристики:

- человека, способного или обещающего выполнять самые невероятные желания: «Президент не мог себе позволить выглядеть незрелым в глазах Ширака. Пришлось изображать из себя зрелого: наступать на горло собственной песне и притворяться *золотой рыбкой*. Стоило ему вынырнуть из морской пучины, а лидеры депутатских фракций уже тут как тут. Примчались в Кремль, уселись там за стол и принялись загибать пальцы, перечисляя, чего кому надо [МК, 1997].

- ситуации, в которой удача и / или счастье пришли неожиданным образом: «Военная фортуна оказалась переменчива – из *золотой рыбки* обратилась в колючего ерша и ушла в пучину, до крови ободрав ладони» [Б.Акунин, 1998]. «И он сказал себе, что если у Миши с Ириной что-то не сложится, вот тогда…

А коль так, то напрасно Мишка самонадеянно считает, что поймал *золотую рыбку* раз и навсегда» [А.Маринина, 2008, с.157].

Данный словарь может стать теоретико-методологической основой для составления «Лингвокультурологического словаря кыргызского языка». На наш взгляд, создание такого словаря позволит глубоко отразить мышление, ментальность, картину мира современных кыргызов, речевой дискурс которых максимально использует образы эпических героев и прецедентные ситуации из легенд и эпосов кыргызского народа.

Этот лингвокультурологический словарь составлен теми учеными, которые хотели показать русскую культуру в сознании человека. Они проделали очень большую работу. Вообще человеку приходится очень трудно, когда он должен объяснить смысл прецедентных феноменов русского или кыргызского языка. Этот человек должен быть билингвом, а также знать все обычаи и традиции этого народа. Прецедентные феномены очень тесно связаны друг с другом. В прецедентных текстах можно найти прецедентные имена и высказывания, которые остаются в сознании народа как неотъемлемая часть культуры народа.

4.3. Экспериментальное изучение функционирования прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов

Сознание – это внутренний мир человека, представляющий способ отношения к объективной действительности [Психологический словарь, 1993, с. 347]. Как высшая форма психики, сознание представляет собой объект изучения психологии. Психологический подход к его изучению основывается на положении Л.С. Выготского, суть которого А.Р. Лурия излагает следующим образом: искать источники сознательной деятельности не в глубинах мозга и не в глубинах духа, а во внешних условиях жизни, и в первую очередь во внешних условиях общественной жизни [Лурия, 1979, с.23]. «Смысл мира должен находиться вне мира», – утверждал Л. Витгенштейн [Витгенштейн, 1994, с.70]. Поэтому сознание в самом себе не может быть изучено; изучать

его можно по внешним проявлениям, одним из которых является речевая деятельность человека.

Языковое сознание индивида, владеющим одним языком сопоставляется с формами значения одного языка. Если же индивид владеет двумя языками, то языковое сознание мы называем билингвальным. Типы билингвизма охарактеризовал Л.В. Щерба, выделяя чистое и смешанное двуязычие [Щерба, 1974, с. 314]. В терминах когнитивной лингвистики в языковом сознании представителей чистого двуязычия присутствуют две автономные концептосферы, которые не пересекаются, и каждое из них коррелирует со своей языковой системой.

По этому вопросу, М.Дж. Тагаев пишет: «В Кыргызстане к этой группе можно отнести большинство кыргызов, окончивших русские школы и обучающихся в них. Как правило, у носителей чистого двуязычия концептосферы языкового сознания не равнозначны и не конгруэнтны. В той связи, что представители чистого двуязычия получают образование на русском языке, вплетены в русскоязычную культурную среду, а русский язык является основным средством общения, концептосфера, объективируемая языковыми формами русского языка, намного обширнее и богаче, чем концептосфера этнического языка.

Другой тип языкового сознания представляют носители смешанного двуязычия. К ним можно отнести, например, кыргызов, которые воспитывались в условиях природной культурно-языковой среды, получили образование на родном языке. Концептосфера русского языка для них вторична; она накладывается на языковое сознание, сформировавшееся в смыслах и категориях родного языка» [Тагаев, 2015, с.96]. В связи с тем, что русский язык активно используется в сферах жизнедеятельности индивида, он становится престижным, а владение русским языком необходимостью в жизни. Выбор языка в построении дискурса определяется бессознательным стремлением билингва к комфортной коммуникации.

Экспериментальное изучение прецедентных феноменов в данной диссертации проведена на русском и кыргызском языках.

Цель настоящего эксперимента: изучить функционирование прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов.

Гипотеза исследования:

1. У кыргызов-билингвов от 35 и старше, которые учились в советскую эпоху прецедентные феномены занимают достаточное место. Они легко оперируют в речевом дискурсе на русском и кыргызском языках этими феноменами, то есть русские феномены понимаются, но менее употребительны в речи.

2. Билингвы от 16 лет, получившие образование и воспитание в эпоху суверенного развития Кыргызской Республики в меньшей степени или плохо знакомы с прецедентными феноменами русской культуры.

Исследование проведено с учетом 2 критериев: возраста, языка обучения (русская или кыргызская школа)

В анкетировании и интервью принимали участие лица от 16 лет и старше мужского и женского пола в количестве 500 человек.

Респондентам были предложены 4 формы анкет (Приложение 2.)

Результаты исследования показаны на таблице:

Окончившие кыргызский класс			
Форма 1 (Часть Многие респонденты, окончившие кыргызский класс думают, что если девушка скромно себя ведет, то ее можно сравнить с	**Форма 2** – это перевод формы 3 на русском языке. Респонденты, окончившие кыргызскую школу	**Форма 3** (Часть 1). Практически все респонденты, окончившие кыргызский класс, смогли дополнить	**Форма 4** представлена в форме интервью на кыргызском языке на знание кыргызских прецедентных имен. Те, кто окончил кыргызскую школу разумеется знают о

Золушкой. Если человек не работает 3 года, то кыргызы думают, что это *Чацкий.* Маленький, толстый, хитрый и ловкий, он найдет выход из любого положения. От бабушки ушел, от дедушки ушел… Вот уж действительно: *Колобок* – правильный ответ. Но есть и варианты ответа, что это *мальчик с пальчик.* Человека стойкого, мужественного многие ответили *Добрыня Никитич*, хотя правильный ответ *Оловянный солдатик*. Практически все	заполняли данную форму как на русском языке, так и на кыргызском. Содержание анкеты отражает знание/ незнание кыргызских прецедентных имен и текстов. Респондентам, окончившим кыргызскую школу знание кыргызских прецедентных имен не составляло труда.	предложения прецедентыми кыргызскими именами. Разнятся ответы в 7-м предложении: *Акыл десе акылы, кебете десе кебетеси дал келишкен кызды ... деп койсок жаңылбайбыз (Девушку у которой соответствует ум и красота можем назвать...)*. Ответили как *Каныкей, Акыл Карачач, Айчурок.* (Часть 2) В этой части анкетирова-ния	данных именах, могут обьяснить кто эти люди и когда мы употребляем предложенные прецедентные имена. В этой части респондентам, окончившим кыргызский класс предлагалось интервью. Многие респонденты затруднялись с ответами или вовсе не отвечали на вопросы. **1. Апенди ким болгон? Кандай адамды Апенди дейбиз? (Кто такой Апенди и кого мы называем Апенди?)** Акылсыз адам, мээсине жетпейт, бирок акылы бар, өзүнүн оюн ишке ашырган адам, адамдарды күлдүргөн, куудул

кыргызы знают *Бабу – Ягу, Гадкого утенка, Иванушку-Дурачка, Буратино, Кикимору.* Часть 2. Не все респонденты справились с этим заданием. Посмотрим как ответила наибольшая часть кыргызов: Умный, как *Ломоносов,Пушкин, Чацкий, Эйнштейн, Менделеев, Стив Джобс, Айтматов, Путин, Ленин, Ньютон.* Добрый, как *Добрыня Никитич, Винни-Пух, Алеша Попович, Мать Тереза, Папа*		предлагалось респондентам дополнить сравнения. Рассмотрим ответы. Акылман: *Чынгыз Айтматов, Каныкей, Акыл Карачач, Алыкул, Бакай, Акаев, Курманжан датка, Айчүрөк, Чыйырды, Кощой* Ак пейил: *Бугу-эне, Каныкей, Бакай, Токтогул, Алмамбет, Атамбаев, Асан-Кайгы, Жамийла* Бай: *Бабанов, Жакып,*	**2. Жээренче чечен ким болгон? Кандай адамды Жээренче чечен дейбиз? (Кто такой жээренче чечен и кого мы называем им?)** Акылман, чечен, сөзмөр, сөзгө бай, бардыгын түшүнгөн адам, оратор, тилинен бал тамган адам,кыргыз жомокторунун каарманы, адамдар менен бат тил табыша алган адам, Токтогулду, Женижокту салыштырсак болот **3.Акыл Карачач ким болгон? Кандай адамды Акыл Карачач дейбиз? (Кто такая Акыл Карарчач?)**

Карло, Буратино, Айболит, Герда, Дед Мороз. Богатый, как *Стив Джобс, Абрамович, Билл Гейтс, Трамп, Буратино, Путин, Бабанов, Мистер Скрудж.* Злой, как *Кикимора, Баба-Яга, Сталин, Бармалей, Карабас-Барабас, Жириновский.* Страшный, как *Баба-Яга, Кащей, Тугарин,Гоблин, Леший, Кинг-Конг, Змей Горыныч.* Жадный, как *Плюшкин,кот Базилио, Папа Карло.* Сильный, как *Манас, Иван-Царевич,Илья*		*Жээнбеков, Алманбет* Каардуу, таш боор: *Конурбай, Бакиев, Кошой, Амир-Темир, Мусулманкул, Кудаяр хан* Коркунучтуу, кебетеси суук: *Желмогуз, Жез кемпир, Чубак, Макгрегор, Жезтумшук* Баатыр: *Манас, Байтик, Атаке,Тайлак, Шабдан, Семетей* Ач көз: *Алдаркөсө, Жакып, Бакиев,Сары-Бай*	Каныкейдей, акылдуу, сулуу, чачы кара, токтоо кызды айтабыз, тарбиялуу кыз, ыймандуу, өз ордун билген **4.Толубай сынчы ким болгон? Кандай адамды Толубай сынчы дейбиз? (Кто такой Толубай сынчы?)** Акылман, ойчул, сынчы, бай адамдарды сындап ырдайт, чынчыл **5. Токтогул ырчы ким болгон? Кандай адамды Токтогул менен салыштырабыз? (Кто такой Токтогул? Какого человека мы сравниваем с ним?)** Кыйын төкмө акын, ырчы, драматург, комузчу, манасчы, Токтогулду

Муромец, Тугарин змей, Алеша Попович, Путин, Добрыня Никитич, Кожомкул, Шрек, Халк. Те, кто даже и окончил кыргызскую школу смогли заполнить анкету на русском языке. Более того, они прекрасно знают русские прецедентные имена.			Тоголок Молдого салыштырсак болот, ырлары менен ачык оюн айткан **6.Алдаркөсө ким болгон? Кандай адамды Алдаркөсө менен салыштырабыз? (Кто такой Алдаркосе?)** Тамашалуу персонаж, акылман, амалкөй, тапкыч адам, куу, алдамчы, түлкү адам, билимдүү **7.Асан Кайгы ким болгон? Кандай адамды Асан Кайгы менен салыштырабыз? (Кто такой Асан Кайгы?)** Көп кайгырган адам, поэт, философ, бүт баарына кайгыра берген, боорукер, баардык тирүү жанжы,

			өсүмдүктөргө дагы кам көргөн боорукер адам, ар бирөөго кайдыгер карабаган адам, баарына кам көргөн, ар бир жандууга да, жансызга да жан тарткан адам
Окончившие русский класс			
Форма 1. **Форма 2** Все респонденты, окончившие русский класс, справились с заданиями в части 1. Ответили многие правильно. Рассмотрим 2 часть анкеты. Умный, как *Обломов, Путин, Ньютон, Менделеев, Эйнштейн,Аристотель, Ленин*	**Форма 3** Многие респонденты, окончившие русский класс, затруднялись ответить. Некоторая часть и вовсе не ответила. Здесь респонедентам предлагалось заполнить пропуски и сравнения кыргызскими прецедентными феноменами. 1 часть задания, где предлагалось вместо пропусков вписать имя по характеристике не было заполнено. Исходя из всех ответов, которые заполнили, можно сказать, что респонденты ,окончившие русский класс, хорошо знают		**Форма 4** представлена в форме интервью на кыргызском языке на знание кыргызских прецедентных имен. Те, кто окончил кыргызскую школу разумеется знают о данных именах, могут обьяснить кто эти люди и когда мы употребляем предложенные прецедентные имена. Данная форма была на кыргызском языке, поэтому малая часть респондентов,

Добрый, как *Золушка, Человек-пук, Добрыня, Дед Мороз, Мать Тереза, Айболит* Богатый, как *Марья-царевна, Скрудж, Абрамович, Билл Гейтс,Стив Джобс* Злой, как *Баба-Яга, Джокер, Словей-разбойник,Жириновский,* Страшный, как *Кикимора,Фредди Крюгер*, *Вий, Кинг-Конг,Леший, Баба-Яга* Жадный, как *Соловей-разбойник,Папа Карло, Карабас, Плюшкин, Кащей,* Сильный, как *Алеша Попович,*	*Умай-эне, Жаныл-Мырзу и Жезкемпир.* Во второй части задания со сравнениями тоже не заполнили многие русские респонденты. Если рассмотреть общие заполненные анкеты этой части, то можно сказать , что русские респонденты сравнивают умного с *Токтогулом*, а доброго с *А. Атамбаевым*.	окончивших , русскую школу все же взялись ответить на вопросы интервью. Анализ интервью респондентов показал, что есть представления у респондентов о предложенных кыргызских прецедентных именах, которые встречались им из текстов кыргызской литературы.

Халк, Путин, Илья Муромец		
Возрастной критерий		
Билингвы, получившие образование и воспитание в эпоху суверенного развития Кыргызской Республики неплохо справились с первой частью анкеты. А вот во второй части молодые люди упоминали прецедентные имена из современных фильмов, мультфильмов, имена известных лиц сегодняшего времени. Так например,	В кыргызской части анкетирования молодые люди сравнивают богатых с *Бакиевым*, О. *Бабановым,* умных с *Бакаем*, *Кошоем*, сильного с *Манасом, Атамбаевым*, злую с *Жезкемпир*, красивую с *Айчурок, Каныкей.*	Лица от 16-35 лет, участвовавшие в интервью не все ответили полностью на вопросы. Некоторые молодые респонденты не знают кто такой *Толубай сынчы* или *Жээренчэ чечен.* А в остальных вопросах все ответили правильно и смогли дать характеристику этим личностям.

Скрудж, Шрек, Халк, Стив Джобс, Абрамович, Джокер, Жириновский, Трамп.		
Лица от 35 и старше в сравнениях упоминают личностей из советского союза: или из художественных произведений и фольклора, так например, *Сталин, Ленин, Илья Муромец, Марья Маревна, Плюшкин, Баба-Яга. Алеша Попович, Добрыня Никитич, Пушкин.*	В кыргызской анкете респонденты от 35 лет и старше написали в своих сравнениях *Токтогула, Курманджан датку, Манаса, Бакая, Каныкей, Айчурок, Чыйырды, Семетея, Кошоя, баатыров: Атаке, Байтик, Тайлак.*	В интервью все респонденты без затруднений ответили полным текстом кто такой *Апенди, Жээренче чечен, Акыл Карачач, Токтогул, Толубай, Алдаркосе, Асанкайгы.* Респонденты не только знают кто они, но и знают в каком веке жили и кто их современники.

В ответах респонденты указали, что если речь идет о большом празднике, тое, то вспоминают прецедентную *ситуацию Поминки по Кокетею (Көкөтөйдүн ашы): Наши соседи сделали большой той. Словно поминки по Кокетею (Биздин коңшулар чоң той беришти. Жөн эле Көкөтөйдүн ашы*

болуп кетти). Когнитивная схема, отражающая женское начало, покровительницу рожениц и детей выражается в использовании прецедентного имени Умай эне. Так в ответах респонденты в высказывании *Балаң оорубай сакайып кетсин. Умай эненин батасы тийсин (Пусть сын быстрее выздоравливает. Да хранит его Умай эне) употребили это имя.* Когнитивные признаки Колобка позволили респондентам без труда вспомнить прецедентный текст о нем: *Маленький, толстый, хитрый и ловкий, он найдет выход из любого положения. От бабушки ушел, от дедушки ушел… Вот уж действительно Колобок.* Так же респондентам была предложена когнитивная схема, выражающая посильность работы, актуализирующееся через прецедентное высказывание: *Бул иш сенин колуңан келет. Эмне? Манастан Чубак кем бекен (Это дело тебе по плечу! А что? Чем хуже Манас Чубака).*

Из ответов респондентов можно заметить, что за годы суверенного развития Кыргызстана в сознании молодого поколения произошел определенный культурный сдвиг, заключающийся в том, что появляются новые, нехрестоматийные прецедентные имена: Богатый как Стив Джобс, Скрудж, Абрамович, О. Бабанов, Трамп, сильный как Человек-паук, Халк, злой как Жириновский, страшный как Макгрегор. Стив Джобс - американский предприниматель, изобретатель и промышленный дизайнер, один из основателей корпорации Apple. Скрудж - персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», а также многочисленных фильмов, поставленных по этому литературному произведению. Один из самых больших скупердяев в истории мировой литературы. Человек-паук - персонаж, супергерой, появляющийся в комиксах издательства Marvel Comics, созданный Стэном Ли и Стивом Дитко. Халк- вымышленный персонаж, супергерой комиксов издательства Marvel Comics. Абрамович - российский предприниматель и государственный деятель, один из богатейших людей мира. О. Бабанов - кыргызский политический и государственный деятель. Является самым богатым человеком в Кыргызстане с состоянием 1,5 млрд. долларов США. Трамп - американский государственный деятель, политик,

предприниматель, действующий президент Соединённых Штатов Америки с 20 января 2017 года. Жириновский - российский политик. Политическая деятельность Жириновского характеризуется крайне яркими и скандальными высказываниями. Макгрегор - ирландский боец смешанных боевых искусств, выступавший также в профессиональном боксе. Данные прецедентные имена обладают яркой эстетической, социологической, культурологической, социальной, идеологической маркировкой в языковой картине мира билингва.

Выводы

Фреймовый анализ учебников позволил нам выявить, какие типы прецедентных феноменов закладываются в сознании школьника, какие из них наиболее употребительны, какие знания несут и какие ассоциации они вызывают.

Объектом лингвокогнитивного анализа явился материал учебников следующих авторов (Т.К. Акматов [2012], С. Е. Бархударов [1997], М. Т. Баранов [2006], Н. П. Задорожная [2015], Л. А. Калюжная [2015] и др.).

Лингвокультурологический словарь русского языка может стать теоретико-методологической основой для составления «Лингвокультурологического словаря кыргызского языка». На наш взгляд, создание такого словаря позволит глубоко отразить мышление, ментальность, картину мира современных кыргызов, речевой дискурс которых апеллирует к образам эпических героев кыргызского народа.

В результате проведенного исследования в экспериментальной части диссертации мы пришли к следующим выводам:

1. В сознании кыргызов-билингвов от 35 и старше, которые учились, жили и сформировались в личностном отношении в советскую эпоху, прецедентные феномены русского языка занимают значительное место. Они достаточно свободно оперируют ими в речевом дискурсе на русском и кыргызском языках, нередко такие концепты включаются в дискурс как формах русского языка, так и кыргызского, получая при этом своеобразное

представление. Таким образом, прецедентные феномены русского языка составляют часть билингвального языкового сознания кыргызов, которое сформировалось благодаря учебникам русского языка и литературы для кыргызских школ и контенту русскоязычного телевидения.

Прецедентные феномены русского языка могут включаться в речь билингвов как кальки. Например: прецедентное высказывание *Цыплят по осени считают* в кыргызской речи функционирует так*: Жөжөлөрдү күзүндө санайт.* Также прецедентные феномены русского языка не всегда функционируют только в русскоязычном дискурсе, а могут и использоваться в кыргызской речи. Например: *Маселени чечпей, ар ким өзү жака тарткандай, баягы Крылов айткандай.* Говорящий использует данный концепт или сценарий, представленный в басне Крылова «Лебедь, щука и рак» справедливо полагая, что адресаты хорошо знакомы с басней и могут понять, о чем идет речь без какого-либо объяснения

2. Билингвы, получившие образование и воспитание в эпоху суверенного развития Кыргызской Республики, в меньшей степени знакомы с прецедентными феноменами русской культуры в той связи, что русский язык утрачивает свои позиции в регионах страны, в частности, меньше становится читающей молодежи на русском языке, отдающей предпочтение интернету, изменилась содержательная часть контента телевидения в сторону ценностей западной культуры, благодаря чему в их сознании возникли новые прецедентные феномены.

3. Состав прецедентных феноменов меняется в зависимости от изменения общественных отношений, социальных условий, отношения к моральным ценностям общества. Сегодня, с возросшей популярностью телевидения и интернета, прецедентными становятся скорее герои мультипликационных фильмов, имена политиков и общественных деятелей.

4. Прецедентные феномены кыргызского языка широко используются политиками на русском языке как эффективное средство воздействия на свой электорат, где основными слушателями являются билингвы. В этом случае

прецедентные феномены создают в сознании языковой личности яркие национально-культурные образы, которые играют ключевую роль в построении политического дискурса, усиливая эффект эмоционального воздействия. Используя прецедентные феномены в речи, политики подчеркивают свою близость к народу, причастность к его жизни. Широкое использование прецедентных феноменов в СМИ облегчает процесс коммуникации, они становятся своеобразными кодовыми словами, благодаря которым достигается взаимопонимание и единство нации.

5. Прецедентные феномены, обладая этнокультурным содержанием и образностью, служат маркерами национально-культурной идентичности индивидов, средством создания между ними интертекстуальных связей.

6. Кыргызские прецедентные феномены, включаясь в русскоязычный дискурс, создают синергетический эффект в языковом сознании билингвов, в результате которого многократно усиливается функция языкового воздействия

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование направлено на определение роли и места прецедентных феноменов русского и кыргызского языков в построении различных типов дискурса в коммуникативном пространстве Кыргызстана.

Отметим, что прецедентные феномены занимают важное место в арсенале средств интертекстуальности, так как они составляют национально-культурные коды, общие для данного этнического сообщества. В этой связи проблема, касающаяся изучения прецедентных феноменов в русском и кыргызском языках, - одна из важных задач антропоцентрической лингвистики.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности дополнения некоторых теоретических положений когнитивной лингвистики применительно к прецедентным феноменам, используемых в дискурсе и процессах межкультурной коммуникации билингвов.

Теоретически значимым представляется также попытка обобщить, сравнить и систематизировать прецедентные феномены русского и кыргызского языков; описать особенности их взаимодействия в двуязычном языковом сознании.

Культура России имеет большое значение в мире, ее наследием являются миллионные произведения искусства, образцы философской, научной и политической мысли, история России насыщена значительными событиями, многие из которых сыграли важную роль для цивилизации.

Современные явления России продолжают оставаться значимыми для представителей других культур, в данном случае для коммуникативного пространства Кыргызстана, что находит свое отражение и применение в дискурсе, характерной особенностью которого является разнообразное использование прецедентных феноменов.

В рамках когнитивного подхода явление прецедентности рассматривается сквозь призму его роли в формировании, обработки и

функционирования культурно-детерминированных знаний. Различия в способах организации знаний в широком смысле формируют сферу проблематики межкультурной коммуникации. Явление миграции прецедентов за пределы лингвокультуры собственного происхождения поднимает вопрос об адекватности понимания и интерпретации эквивалентных прецедентных феноменов представителями разных лингвокультурных сообществ.

Сопоставительное исследование, которое мы предприняли в данной работе, служит не только для цели устранения вероятности коммуникативных неудач, но и более глубокому пониманию особенностей национальных картин мира.

С другой стороны, особенности понимания и интерпретации прецедентных культурных знаков базируются на различиях исторического и культурного опыта. Выявление этих сходств и различий позволяет не только лучше ориентироваться в корпусе прецедентных феноменов, бытующих в том или ином сообществе, но и наблюдать другие интересные явления, такие как ценностные ориентации, стереотипные представления и поведенческие схемы, различные аспекты межкультурного контакта в историческом и культурном планах.

Прецедентные феномены, восходящие к русской культуре, активно используются и в русскоязычном дискурсе кыргызского народа.

Данное исследование призвано продолжить изучение явления прецедентности в дискурсе на русском и кыргызском языках.

Дальнейшие теоретические и практические разработки в области прецедентности в рамках современных научных направлений уточнят и расширят некоторые из высказанных в данной работе положений и внесут свой вклад в продолжение изучения этой многозначительной, занимательной и интересной темы.

Основные результаты исследования:

1) Рассмотрен вопрос о парадигмах научного знания, доказывается, что антропоцентрическая парадигма является одной из ведущих в современной лингвистике.

2) Описаны типы прецедентных феноменов и произведена их классификация на материале русского и кыргызского языков

3) Дано описание принципов составления лингвокультурологического словаря русского языка

4) Проведен анализ и составлена классификация функционально соотносимых прецедентных феноменов русского и кыргызского языков

5) Описаны особенности функционирования прецедентных феноменов русского и кыргызского языков в русскоязычном дискурсе Кыргызстана. Прецедентные феномены русского языка в речи билингвов могут функционировать как кальки.

6) Разработаны принципы и теоретические основы составления сопоставительного русско-кыргызского лингвокультурологического словаря прецедентных феноменов

7) Проведен ассоциативный эксперимент по изучению функционирования прецедентных феноменов в языковом сознании билингвов.

Перспективы исследования мы видим в следующем: 1) дальнейшее изучение прецедентных феноменов в дискурсивном аспекте представляется важным для развития когнитивной лингвистики; 2) практический материал исследования может послужить базой для создания лингвокультурологического словаря; 3) метод, используемый в работе, может найти применение в лингвокультурологии или в этнолингвистике Кыргызстана.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. **Абыканова Г.А.** Концепт «вода⁄суу» в русском и кыргызском языках.). [Текст]: автореф. дис. …канд. филол. наук: 10. 02. 20 / Г.А.Абыканова – Б., 2012. – 23с.
2. **Айтматов Ч.Т**. Плаха. – Москва: Молодая гвардия,1987. – 302 с.
3. **Акунин Б**. Турецкий гамбит. – М.: Захаров, 1998.
4. **Амирова Т.А.** Из истории лингвистики XX века: Структурно-функциональное языкознание (истоки, направления, школы) : Учеб.пособие / Т.А. Амирова, Московский лингвистический университет им. М.Тореза . – Москва: ЧеРо, 1999. - 105 с.
5. **Андреев О.** Вокзал. – М.: Олимп, 2002. - С. 289
6. **Андреев О.** Отель. – М., 2003. - С. 20
7. **Апресян Ю.Д.** Основы семантики. - М., 1995.- С. 39
8. **Арутюнова Н.Д**. Язык и мир человека. – М., 1999. - С.52, 56
9. **Арнольд И. В.** Эпиграф и эпитафия // STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук: Сборник. — СПб.: Борей Арт, 2008.
10. **Арнольдов А.** Человек и мир культуры: Введение в культурологию. — М., 1992. - С.41.
11. **Бакиева Г.А.** "Манас" и самосознание кыргызской культуры // Эпос "Манас" как историко-этнографический источник. Тезисы международного научного симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса "Манас". - Бишкек, 1995. - С. 170-173
12. **Бахтин М. М.** Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Книга по требованию, 1986. - С. 250-296.
13. **Барт Р.** Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
14. **Бутешова А. Р.** Концепт "жизнь" в русской и кыргызской языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А.Р. Бутешова. - Бишкек, 2012. - 22 с.
15. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика. - М.: «Прогресс», 1974. - 446 с.

16. **Бодуэн де Куртенэ. И. А.** Избранные труды по общему языкознанию. Том II. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. - 391 с.
17. **Болдырев Н. Н.** Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. - С. 18-36.
18. **Богданова И. А.** Архетипические формулы в смысловом пространстве архетипического концепта вода [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/3_bogdanova%20i.a..doc.htm
19. **Брудный Д., Эшмамбетов К.** Киргизские народные сказки. - Фрунзе: Кыргызстан, 1977. – 318 с.
20. **Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.** Язык и культура. – М., 1983. – С.11
21. **Вежбицкая А.** Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д.Шмелева под ред. Т.В.Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. - С.263-305.
22. **Виноградов В. В.** О теории художественной речи. М., 1971.
23. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 1958. - 133 с.
24. **Витгенштейн Л.** Философские работы. Ч. 1. - М.: Гнозис, 1994. - С.70
25. **Воркачев К.А.** Основы лингвистики. - М., 2001. - С. 47—48.
26. **Выготский Л. С.** Проблема развития в структурной психологии. — В кн.: Коффка К. Основы психического развития. - М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. - С.9-56
27. **Гадамер Г. Г.** Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. - 368 с.
28. **Гудков Д.Б.** Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С. 43-50.
29. **Гудков Д.Б., Красных В.В., Захаренко И.В., Багаева Д.В.** Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. - 1997. - № 4.
30. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
31. **Гучепшокова С. А**. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты [Текст]: автореф. дис. …канд. филол. наук. - Майкоп, 2011. - 29 с.

32.**Демьянков В.И.** Лингвистика. - М.,1994. - С.40, 54.

33.**Дербишева З.К.** Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры [Текст] / З.К. Дербишева. - Бишкек, 2012. - 176 с.

34.**Ефремова Т. Ф**. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

35.**Жирмунский В. М.** - М.: 1974. - С. 72

36. **Задорожная Н. П.** и др. Русский язык: Учебник для 4 класса шк. с кырг. яз обучения/ Н. П. Задорожная, Ч. М. Мусаева, Г. К. Таирова. – Б: Изд. Аркус, 2015. – С.52

37.**Звегинцев В. А.** Мысли о лингвистике. — М.: Изд-во МГУ, 1996. - 336 с.

38.**Камбаралиева У.К**. Темпоральная категоризация в концептуальной картине мира (на материале русского и киргизского языков). - Бишкек, 2013.

39.**Калмурзаева А. А.** Теологические концепты в провербиально-языковой картине мира [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / А. А. Калмурзаева- Бишкек, 2013.- 23 с.: ил.

40.**Калюжная Л. А., Качигулова В. Н.** Русский язык. 4 кл.: Учебник для школ рус.яз. обучения. – Б.: Билим компьютер, 2015. – 160 с., илл.

41.**Караулов Ю.Н.** Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987.- 287 с.

42.**Караулов Ю.Н.** Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ) / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Кн. 1- 6. М.: Помовский и партнеры, 1994-1999.

43.**Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с

44.**Карасик В.И.** Архетипические концепты в общении // Прямая и непрямая коммуникация: Сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 43.

45.**Карнап Р.** Преодоление метафизики логическим анализом языка / Пер. А. В. Кезина // Вестник Московского университета Серия 7. Философия. — № 6. — 1993.

46. **Кибрик А. А., Плунгян В. А.** Функционализм // А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сборник обзоров. — М.: Издательство МГУ, 1997. — С. 276—339.
47. **Корнилов О. А.** Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.
48. **Кристева Ю.** Семиотика: исследования по семанализу / пер. с фр. Э. А. Орловой. М.: Академический Проект, 2013. 285 с.
49. **Кубрякова Е. С.** Язык и знания. – М., 2001. - С.90
50. **Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В.** Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991. — 240 с.
51. **Кубрякова Е. С.** О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова // Структура и семантика художественного текста: докл. VII Междунар. конф. - М.: СпортАкадемПресс, 1999. - С. 186-197.
52. **Кубрякова Е.С.** Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. - М.: Рос. гуманит. ун-т, 1995. - 464 с.
53. **Кубрякова Е. С.** Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. - М.: Яз. слав. культуры, 2004. -555 с.
54. **Красных В.В.** Этнопсихолингвистики и лингвокультурология: Курс лекций. - М.,2002. – С.68
55. **Костомаров В. Г.** Прецедентный текст как редуцированный дискурс // В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова. Язык как творчество. - М., 1996.
56. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 1997. — № 3. — С. 62–85.
57. **Кудрявцев О. Ф.** Чаша Гермеса. Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. - М.: Юристь, 1996. С. 176–211.
58. **Кун Т.** Структура научных революций. – М., 1977. - 300 с.

59.Культурология / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.

60.**Кульбаева А., Кульбаева Г.** Русский язык: Учебник для 1 класса школ с кыргызским языком обучения. – Б.: Кутаалам, 2011. – 80 с., илл.

61.**Кундузакова С. А., Васильев А. И., Янцен В. К.** Русский язык: Учебник для 10 кл. кырг.шк. – Б.: Мектеп, 2003. – С.160

62.Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности/М. Дж. Тагаев, Б. Т. Борчиева// Вестник Кыргызско-Российского Славянского Университета; КРСУ. 2017. № 4. С.164-170.

63.**Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. -М., 2004. 252 с.

64.**Леонтьев А.А.** Основы психолингвистики. - М., 1997. - 287 с.

65.**Лейбин В. М.** Архетип [Текст] / В. М. Лейбин // Современная западная философия: словарь. – М., 1991. – С. 28.

66.Литература. 5 кл. В 2 ч. Ч.1: учеб.-хрестоматия для общеобразоват. учреждений/авт.сост. Т. Ф. Курдюмова. – 12-е изд. стереотип. – М.: Дрофа, 2009. – С. 34

67.**Лыкова Н.А.** Континуальное и дискретное в языке / Н.А. Лыкова // Филологические науки, 1999. т. № 6.-С.54-62

68.**Лурия А. Р.** Язык и сознание. / Под редакцией Е. Д. Хомской. — М: Изд-во Моск. ун-та, 1979 - 320 с.

69.**Маринина С.** Когда боги смеются. – М.: Эксмо, 2008. – 480 с.

70.**Маслова В.А.** Введение в когнитивную лингвистику. - М.,2004. - С.6-71.

71. **Мейманалиев Т. С.** Литературное чтение: Учебник для 7 кл. кырг.шк. – Б.: Салам, 2009. – С.31

72.МК,1996

73.МК от 06.06.97

74.МК от 20.03.1999

75.МК, 04.02.1999.

76.МК, 27.03.1999

77.МК, 15.05.2001

78.**Нахимова Е. А.** Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография - Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007.

79.**Никишина Т.Г.** Проблема человека в парадигме западного антропоцентризма [Текст]: дисс...канд.фил.наук: 09.00.13/ Т.Г. Никишина. – Ростов-на Дону, 2008. – 142 с.

80.**Нерознак В. П.** Архетип [Текст] / В. П. Нерознак // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 2000. – С. 47.

81. **Омурбаева Д.К.** Русский язык и чтение: Учебник для 2 кл.шк. с кырг. языком обучения: Ч.2. – Б., 2013. –С. 58

82.**Озмитель Е. Е., Власова И. В.** Книга для чтения. Учебник для 4 кл. начальной школы. – Б.: Билим-компьютер, 2015. – С.75

83.**Падучева Е. В., Виноградов В.В.** Наука о языке художественной прозы // Известия РАН, СЛЯ, т.54, 1995, №3. - С.47

84.Психологический словарь / под ред В.В. Давыдова и др. - М.: Педагогика, 1983. - С. 347

85.**Рамзаева Т. Г.** Русский язык: Учеб.для 3 класса четырехлет. нач.шк. – 9-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – 256 с.

86.**Ревзина О. Г.** Язык и дискурс // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 1. С. 25—33.

87.Русская азбука: Учеб. для 1 кл. /В. Г. Грецкий, В. А. Кирюшкин, А. Ф. Шанько, В. Д. Берестов – 7-е изд. –. М.: Просвещение, 2004. – 239 с.

88.Русский язык: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений/ [Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др.]. – 33-е изд. дораб. – М.: Просвещение, 2006. – С.8)

89.Русский язык: Учеб.для 9 кл. общеобразоват. учреждений/ С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л.А. Чешко. – 19-е изд. – М.: Просвещение, 1997. – С.29

90.Русский язык: Учеб.для 7 кл. общеобразоват. учреждений/Регион.компонент О В. Алаева, Л.Ю.Ледяева. – Изд.перераб. – Бишкек – М.: КРСУ. – Просвещение, 2012. – С.72

91. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Выпуск первый / Под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова. - М.: Гнозис, 2004.
92. **Руссо Ж. Ж.**. Об общественном договоре. Трактаты / Пер. с фр. - М.: "КАНОН-пресс", "Кучково поле", 1998. - 416 с.
93. **Савельева У. А.** Архетипический лингвокультурный концепт «предательство» [Текст]: автореф. дисс. …канд. филол. наук. - Астрахань, 2008.- 29 с.
94. Социальная психология. Словарь/под ред. М. Ю. Кондратьева, М.-СПб, 2005.
95. **Серио П.** В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. - 144 с.
96. **Серио П.** В поисках четвертой парадигмы // Философия языка: в границах и вне границ. – Харьков: Око, 1993. - 144 с.
97. **Серебренников Б.А.** Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. - М.: Наука, 1988. — 242 с.
98. **Сидоров Е.В.** Проблемы речевой системности / Е.В. Сидоров. М.: Наука, 1987.20\. Славгородская, JI.В. О диалогизации научной прозы / JI.В. Славгород-ская // Стиль научной речи / Отв. ред. Е.С. Троянская. - М., 1978. - С. 106— 117.
99. **Симонова О. Г.** и др. Книга для чтения: Учебник для 6 класса кыргызской школы. /Симонова О. Г., Симонова Н. В., Тагаева Г.С. – Б.: «Инсанат», 4-ое дополненное, переработанное издание, 2016. – С.84
100. **Ситаров В.А., Пустовойтов В.В.** Социальная экология. - М.: Издательский центр «Академия», 2000. - 280 с.
101. Словарь философских терминов. Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. - М., ИНФРА-М, 2007. – с.28.
102. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с франц. яз. под ред. А. А. Холодовича; Ред. М. А. Оборина; Предисл. проф. Н. С. Чемоданова. — М.: Прогресс, 1977. — 696, [2] с. — (Языковеды мира). — 15 000 экз. (в пер.)
103.
104. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М.: Наука, 1985. - 335с.

105. **Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов. - 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004. – 991 с.

106. **Супрун А. Е.**Текстовые реминисценции как языковое явление //Вопросы языкознания. - М., 1995. - № 6. - С. 17-29

107. **Супрун А. Е.** и др. Русский язык. Грамматика русского языка: Учебник для 8-9 кл. кырг.шк. / А. Е. Супрун, В. Д. Скирдов, Т.К. Акматов. – Б.: Инсанат, 2012. – С.30, 169

108. **Тагаев М.Дж.** Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). - Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. - С.99

109. **Тарасов Е.Ф.** Тенденции развития психолингвистики. - М.: Наука, 1987. — 168 с.

110. **Тарасов Е. Ф.** Языковое сознание [Текст] / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34-47.

111. **Темиркулова Ы.А.** Описание концепта «глаз» — «көз», «лицо» — «бет» в русском и кыргызском языках. [Текст]: автореф. дис. … канд. филол. наук. — Бишкек, 2010. — 24с.

112. **Титоне Р.** Некоторые эпистемологические проблемы психолингвистики // Психолингвистика. - М., 1984.

113. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений в восьми томах. Т. 3,4. М.: Лексика, 1996.

114. **Төлөкова Э.Т.** Кыргыз тилиндеги «Бала» концепти (Лингвомаданият таануу илиминин аспектиси боюнча). [Текст]: филол. илим. канд. … дис. – Бишкек, 2012. – 25 с.

115. **Ураев Аразбай.** О феномене «Манас» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eposmanas.ru/uraev/

116. **Флек Л.** Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива. Составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. Поруса В. Н. - М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. - 220 с.

117. **Фрумкина Р.М.** Психолингвистика. Учеб. для студентов высш. учеб. заведений. - М.: Академия, 2001. - 320 с.
118. **Четверакова Ж. В.** Ценностные ориентации, укорененные в культурных архетипах // Эл. науч. издание «Аналитика культурологии», 2007. Режим доступа: http://www.analiculturolog.ru
119. **Хайдеггер М.** Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. — М.: Республика, 1993. — 447 с
120. **Щерба Л.В.** Языковая система и речевая деятельность. - М.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. - С.314
121. **Эсалнек А.Я.** Архетип // Введение в литературоведение: основные понятия и термины. – М: Высшая школа. 2000. - С. 35.
122. **Юдахин К.К.** Киргизско-русский словарь. В двух книгах.: Советская Энциклопедия, 1965. — Книга 1 (А-К) 503 с. — Книга 2 (Л-Я) 475 с.
123. gezitter.org. Кыргызстан может превратиться в бумажный корабль (18.11.2013)
124. gezitter.org Уйгурские родственники Атамбаева (24.07.2012)
125. gezitter.org По сравнившему кыргызов с баранами Максиму Бакиеву плачет лондонская тюрьма? (29.06.2016)
126. gezitter.org Ташиев кусает локти, понимает, что был обманут Бабановым (18.02.2016)
127. gezitter.org От Атамбаева запахло «акаевщиной», «бакиевщиной»? (8.04.2015)
128. gezitter.org. Кыргызстан может превратиться в бумажный корабль (Дата обращения: 18.11.2013)
129. Focus.kg., 2017
130. газета «Фабула пресс» №49 от 10.07.2018 / стр. 10) https://www.gezitter.org/interviews/71506_nash_kyirgyizstan__vasilisa_prekrasnaya/
131. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm. Дата обращения:10.03.14
132. URL:http://www.president.kg./ru/news/3169_prezident_almazbek_atambaev_myi_obyazanyi_vyipolnit_glavnyiy_zavet_manasa___sohranit_edinstvo_i_drujbu_mnogonatsionalnogo_naroda_kyirgyizstana/. Дата обращения: 15.03.14

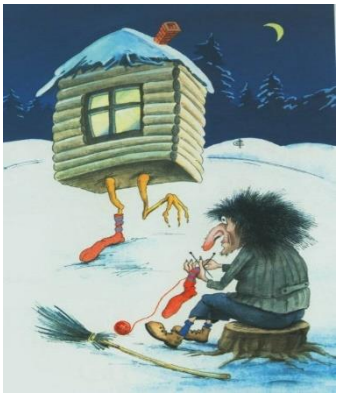
133. URL: http://kg.mirtv.ru/news/5063381. Дата обращения: 20.03.14
134. URL: http://www.knews.kg/politics/7044/. Дата обращения: 20.03.14
135. URL:http://blog.wikimedia.org/2014/05/07/launching-a-privacy-policy-built-the-wiki-way/. Дата обращения: 2.06.14
136. https://el-sozduk.kg/frazeologizm/

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Сопоставительный лингвокультурологический словарь прецедентных феноменов русского и кыргызского языков.

Русские ПФ	**Кыргызские ПФ**
Баба Яга – один из древнейших мифологических сказочных персонажей, выступает как стереотипный образ, может употребляться для характеристики человека. **1.** Б.Я. – лесная старуха-волшебница (ведьма), хозяйка зверей и лесного пространства, высшее лесное божество. Образ Б.Я. многозначен. Она может выступать не только как воительница, похитительница детей, (например, сказка «Гуси-Лебеди»), пожирательница людей (пытается зажарить их в печи и сьесть), но и как помощница положительного героя сказки – указывает ему дорогу в царство Кащея (Кощея) и дарит различные волшебные предметы (клубок, гребень, камень и др.), которые помогают герою в пути. **2.** Б.Я. – старуха, сгорбленная, худая, у нее большой, загнутый вниз,	Жезкемпир (дословный перевод: Жез-медь**,** т.е. медная старуха). Также может встречаться в сказках в этом образе албарсты. В сказках Жезкемпир - лесная старуха-волшебница (ведьма), которая живет в отдаленных местах, в лесу. Жезкемпир всегда является воплощением зла. Современные кыргызы могут обращаться к этому образу для характеристики: очень некрасивой, уродливой женщины (девушки); при этом может предполагаться, что эта женщина (девушка) отличается недобрым характером, злая: …*перед Чолпон предстала уродливая старуха* ***(Жезкемпир)*** *– прихрамывающая, с седыми спутавшимися волосами, горящим, недобрым взглядом и большим крючковатым носом* (из кыргызской народной сказки «Чолпон»).

крючковатый нос, костяная нога, она одета в старые рваные лохмотья; живет в избушке на курьих ножках; умеет колдовать, владеет тайнами приготовления различных снадобий; летает в ступе, управляя помелом. **3.** Современные русские могут называть Бабой Ягой или обращаться к образу Б.Я. для характеристики: - очень некрасивой, уродливой женщины (девушки); при этом может предполагаться, что эта женщина (девушка) отличается недобрым характером, злая: *Она с кряхтеньем стала взбираться обратно на печь и… отозвалась оттуда о себе: - Ох, свежий человек поглядел бы: и вправду баба-яга, ни кожи, ни рожи!* В.Распутин, Прощание с Матерой. *Стоит только женщине прийти в политику, как она тут же из Василисы Прекрасной превращается в Бабу Ягу.* МК,1996. – *Иди сам разговаривай с этой Бабой Ягой: мало того, что страшна, так еще и слово доброго не скажет.* (реч.) - старой неприятной женщины, которая напоминает этого	**Жез кемпир (желмогуз)** – в мифологии кыргызов демоническое существо в образе старухи, нередко с семью головами. Обычно олицетворяет злое начало. Жез кемпир – людоедка, похитительница детей; в образе легкого она плавает на поверхности воды, а когда приближается человек, превращается в семиглавую старуху, хватает его и вынуждает отдать сына («Эр-Тоштук»). Существует мнение, что образ Желмогуз кемпир восходит к культу матери-покровительницы. На это указывают присуще ей иногда функции шаманки-волшебницы, хозяйки родового огня, владычицы и стража «страны смерти». Черты доброй Бабы Яги, покровительница героев, Желмогуз Кемпир сохранила в некоторых сказках и легендах, в которых она рассказывает, как добыть самоиграющую домбру, помогает достать волшебное зеркало или жениться. У кыргызов разновидностью Жез Кемпир является демон Мите,

мифологического персонажа внешне или по роду занятий – напр.: владеет секретами магии (синонимичным является выражение «старая ведьма»): *- Я – то расстроилась, - говорит Анастасия Ивановна. – Она мне сперва не понравилась: высокая, сутулая, худющая, седая – прямо ведьма какая-то. Баба-Яга.* Несимпатичная. В.Швейцер, Быт и бытие Марины Цветаевой. *К тому же эта Баба-Яга (в молодости великая колдунья) отнюдь не была столь отъявленной злодейкой, как мне показалось по началу. Теперь она целеустремленно накачивала беднягу Урмаго травяными отравами собственного приготовления… Можно было с уверенностью сказать, что парень скоро поправится.* М.Фрай, Болтливый мертвец. 	представлявший старухой в лохмотьях. Мите живет в горах, в лесу, далеко от человеческих жилищ. Демон увлекает сладкоречивыми песнями девушек в свой шалаш и незаметно сосет у них кровь, когда жертва ослабеет, Мите ее съедает. Жез-Тумшук

Василиса Премудрая/ Прекрасная – положительная героиня русских народных сказок, помощница положительного героя. Образ Василисы Премудрой/ Прекрасной предстает как обобщение разных «идеальных» женских сказочных образов – например: Марьи Моревны (сказка «Марья Моревна»), Елены Прекрасной (сказка «Иван – царевич и Серый Волк»), Марьюшки (сказка «Финист – ясный сокол»). Все эти имена выступают как собирательный идеализированный женский образ, включающий специфические национальные представления о женщине как таковой. Это образ рукодельницы и искусницы, у которой получается все, за что она ни возьмется. Они обладают необыкновенной красотой, которая гармонично сочетается с ее душевными качествами: добротой, кротостью, верностью, постоянством. В представлении русских у Василисы Премудрой/ Прекрасной плавная, статная походка; у нее длинная русая коса; она одета в традиционный	Образу Василисы Премудрой/ Прекрасной соответствует **Акылкарачач –** разумной, умной, красивой, мудрой. Образ Олончач, Айчурек, Каныкей также относятся к этому ряду прецедентных имен. В представлении у кыргызов **Акылкарачач** – длинноволосая красавица, добрая, простая, большая опора мужу, хранительница семейного очага, аккуратная, хорошо воспитанная девушка. Современные кыргызы могут называть Акылкарачач: девушку, которая очень красива; при этом может подразумеваться, что она сочетает красоту с умом: *Ал кишинин кызы* ***Акылкарачачтай*** *акылдуу жана сулуу экен* (реч.) (Дочь этого человека красива как Акылкарачач).

русский наряд – длинный сарафан, на голове у нее кокошник – старинный женский головной убор. Современные русские могут называть Василисой Прекрасной: девушку, которая очень красива; при этом может подразумеваться, что она сочетает красоту с умом: стоит *только женщине прийти в политику, как она тут же из* ***Василисы Прекрасной*** *превращается в бабу Ягу* (МК. 1996.).	
Змей Горыныч – один из наиболее известных восточнославянских мифологических персонажей, может употребляться для характеристики человека. Это фольклорный персонаж, который олицетворяет собой злое начало, силы разрушения и хаоса. Крылатый змей, покрытый чешуей, способный летать по воздуху, дракон с несколькими головами, извергающий огонь. Змей	Дракон из кыргызских народных сказок – **Ажыдаар** соответствует Змею Горынычу. Если обратиться к языковой звукосимволике образа «Ажыдаар», то понимается, что первая часть слова соотносится к слову «ажылдаган», то есть человек, который говорит что-то злое и вторая часть слова близок по значению к слову «заар» - гневный, противный, ужасный.

Горыныч - Ажыдаар – огромный огнедышащий дракон с тремя головами, летающий по воздуху. Современные русские могут обращаться к этому образу в своей речи: - *У этого магнитофона три головки. – Зачем мне такой* ***Змей Горыныч****?* (реч.).	Современные кыргызы могут обращаться к этому образу в своей речи: *Оозунан оту чыккан, мурдунан буу чыккан* ***Ажыдаар*** *учуп келе жатты* (из киргизской народной сказки «сын раба и птица Зымырык»).
Иван – Дурак <Иванушка - Дурачок> - положительный герой русских народных сказок. Иван – Дурак предстает в народной культуре в двух основных образах: (1) Иван – Дурак – герой волшебных сказок, который относится к ироническим удачникам: его поступки и решения часто противоречат здравому смыслу и воспринимаются как алогичные и странные, но, в конечном счете, приводят героя к успеху, славе и богатству.	В кыргызских народных сказках Ивану – Дураку соответствует Алдаркосе, Куйручук больше в (1) образе, так как он тоже создает смешной образ и в конце его поступки приводят к славе, богатству, уважению. Алдаркосе в сказках хитрый, веселый и находчивый человек. Ивану – Дураку соотносителен еще один образ – Апенди – это собирательный образ умного, не без лукавства человека из народа.

(2) Иван – Дурак – герой бытовых сказок, который выступает как неудачник, шут, «дурень». Он оказывается объектом для издевок и смеха, так как все, что он делает, заведомо бессмысленно и бесполезно. Современные русские могут называть Иваном-дураком недотепу, простака, поступки которого кажутся говорящему странными и нелепыми с точки зрения здравого смысла или принятых норм поведения: *Муж у нее – настоящий* ***Иванушка-дурачок****. Чудаковатый какой-то да непутевый. Весь дом на ней держится* [С. Максимова, Двое]. 	Апенди, несмотря на свою внешнюю простодушность, всегда на высоте положения. В его образе мы видим человека сильного, изобретательного, умеющего найти выход из любых ситуаций. Вот Апенди, кажется, до крайности наивным, угощая свой чапан байской пищей. Но сколько в этой нарочитой наивности сарказма, едкой сатиры. Ведь бай принимает Апенди радушно только потому, что на нем богатый чапан. Также, как и Иван – Дурак, Апенди относится к ироническим удачникам. Современные кыргызы могут обращаться к имени Апенди, когда хотят указать на смешное поведение человека: «*Ой,* ***Апенди*** *десе*» («Ну ты Апенди») или используется в дискурсе с некоторым ироническим оттенком. Например: *Баягы* ***Апенди*** *дагы келди* (Пришел тот самый Апенди), *ий* ***Апендим*** (в качестве обращения, любя).

Илья Муромец – наиболее популярный герой киевского цикла былин (русских эпических народных песен); выступает как стереотипный образ; может употребляться для характеристики человека. Илья Муромец – богатырь, наделенный могучей силой, защищающий Русь вместе с другими богатырями русскую землю от ее врагов (Соловья Разбойника, Идолища поганого, Калина-царя и др.). В образе Ильи	Манас, как герой одноименного эпоса, известен не столько своей физической силой, сколько как воин и государственный деятель, объединивший сорок кыргызских родов в единый народ, как человек, обладающий незаурядными нравственными качествами. Вот что говорится о его характере в эпосе «Манас» в главе 1:

Муромца воплощается народный идеал героя-воина. В представлении русского человека Илья Муромец - богатырь, наделенный огромной физической силой, добрый и справедливый, борющийся за правду, защищающий родную землю. В дискурсе русской речи довольно редко прибегают к этому образу при характеристике человека. Известны случаи, когда этим именем называли военные самолеты, ледоколы, бронепоезд, чтобы подчеркнуть их мощь. Современные транспортные средства предпочитают называть именами из древнегреческой мифологии: «Антей», «Руслан» и др. Гигантский военно-транспортный самолёт Ан-22 получил название «Антей» в честь непобедимого великана из греческой мифологии — Антея. Антей был сыном богини земли Геи и мог бесконечно получать новые силы от соприкосновения землёй и, поэтому, никогда не уставал. В восприятии русских Илья Муромец воспринимается как герой былинного сказания, отстраненный от	*Спина сильна и крепка, ровен характер,* *приятен нрав, но гнев его всемогущ,* *а ярость - безмерна.* *Мощью своей он подобен слону.* *Тигриная шея, крепкие мышцы,* *широкие плечи, сердце-скала,* *змеиные веки, глаза, как звезды,* *волчьи уши, словом, во всем подобен он тигру.* Не случайно одним из его частых эпитетов является выражение Айкөл Манас (Манас Великодушный). Сочетание героических и высоких человеческих качеств в эпосе «Манас» сделало этот образ привлекательным и создало почву для широкого использования этого образа в кыргызской речи. *«Манастын арбагы колдосун»* (Да защитит и благословит вас дух Манаса) - с таким напутствием отправляли на фронт родители своих детей. Это напутственное слово, благословение кыргызского народа, когда кто-то из родственников и ближних уезжал

реальности, живущий в другом, фольклорном измерении, и не имеющий непосредственного отношения к современной жизни, Образ Добрыни Никитича, Алеши Поповича и Алмамбета, Чубака, Сыргака, Эр-Тоштюка, Кюльчоро также относятся к этому ряду прецедентных имен. Это фольклорные собирательные образы богатырей в русском (былинном) и киргизском эпосах. Богатыри умны, образованны, сильны, отличаются разнообразием дарований: они ловки, отлично стреляют, плавают, играют в тавлеи, поют, играют на гуслях (Добрыня Никитич). Современные русские обращаются к этим прецедентным именам при описании человека сильного или ситуации, связанные с героическим поступком. Например: *«Он своим видом и благородством напоминает мне **Добрыню Никитича** из былины»* (реч.).	далеко или покидал родные земли. А крылатое выражение *«**Манастан** Чубак кем бекен»* («Чем хуже Чубак Манаса»), которое широко употребляется и в наши дни характеризует ментальность кыргызского народа - стремление к соперничеству, амбиции, проявляемые внутри единого народа, во взаимоотношениях между собой, кыргызами. В народе даже поговаривают ***Манастай** баатыр бол* (реч.) («Будь богатырем как Манас»). *«Жоону чапса эл чапты, аты калды **Манаска**»* («врага разили витязи, слава досталась Манасу»). то Манас - это часть крови и плоти современного киргиза, он входит в число эталонных признаков киргизской ментальности, определяет нормы поведения человека. Не случайно кыргызская национальная идея и идеология, своеобразный моральный кодекс кыргызстанца строились на заповедях Манаса. Манас - герой одноименного эпоса, объединивший всех

кыргызов, является символом единства киргизского народа.

Прецедентное имя Манас также часто используется в политическом дискурсе. Так, например президент Кыргызской Республики Алмазбек Атамбаев в одном из обращений народу говорит: «*Мы, нынешнее поколение кыргызстанцев, должны быть достойными наших предков. И мы обязаны выполнить главный завет* ***Манаса*** *– сохранить единство и дружбу многонационального народа Кыргызстана! Сохранить свою государственность! Стать сильной, независимой и развитой страной!*»[1].

11 июня в г. Ош президент Алмазбек Атамбаев принял участие в церемонии открытия памятника Айкол Манас, где выступил с речью. Из текста выступления А. Атамбаева: «*Бывали времена, когда мы забывали о наследии Манаса, увлекались формальностями, не*

[1] URL:http://www.president.kg./ru/news/3169_prezident_almazbek_atambaev_myi_obyazanyi_vyipolnit_glavnyiy_zavet_manasa___sohranit_edinstvo_i_drujbu_mnogonatsionalnogo_naroda_kyirgyizstana/. Дата обращения: 15.03.14

вникали в глубинный смысл. Чтобы люди задумались о роли, которую сыграл ***Манас Великодушный*** *в развитии народа Кыргызстана, одно из его изречений теперь высечено на камне у памятника в Бишкеке: Кулаалы таптап куш кылдым, курама жыйып журт кылдым (Из простой птицы я воспитал сильного беркута, из лоскутков собрал единый народ).* ***Манас*** *Ата особо ценил значение единства: Курама темир курч болот (Сплав металлов крепок).*

Поэтому мы не должны забывать слова ***Манас*** *Ата: Бөлүнбө кыргыз, бөлүнбө! Бөлүнсөң бөрү жеп кетет. Бөлүнүп калды кыргыз деп, бөтөн элге кеп кетет! (Не разделяйся кыргызский народ, не разделяйся! Не будешь един - станешь легкой добычей врага. И тогда пойдет по миру слух, что нет больше единства среди кыргызов!)»*[2].

Выступление А. Атамбаева на церемонии инаугурации также не может обойтись без упоминания

[2] URL: http://kg.mirtv.ru/news/5063381. Дата обращения: 20.03.14

	Манаса, ведь Манас и кыргызский народ неразрывно связаны друг с другом и составляют одно единое целое. Приведем пример из текста выступления: «*Наш Манас* ***Великодушный*** *посвятил свою жизнь народу и родной земле. Сегодня я тоже хочу сказать: «Я готов пожертвовать жизнью ради своего народа, своей страны!» Пусть покровительствует Всевышний нашему мужественному, терпеливому и мудрому народу! С нами дух* ***Манаса Великодушного!***»[3]. Использование имени Манас в речи кыргызских политиков великое множество. Но мы не можем представить ситуацию, когда российские политики в речи используют так часто имя Ильи Муромца. Все это потому, что Илья Муромец - сказочный, былинный персонаж и связать его в жизненные ситуации нельзя, а Манас и сама его жизнь может быть прецедентной для кыргызского народа. Образ Манаса для кыргызов живее,

[3] URL: http://www.knews.kg/politics/7044/. Дата обращения: 20.03.14

	реальнее, чем образ Ильи Муромца для русских. Факт существования Манаса подтверждает и опросы на сайте http://www.eposmanas.ru/. На вопрос: «Кем на самом деле был Манас?» 59.02% (7719) респондентов считают Манаса реальной исторической личностью, 30.01% (3925) вымышленным героем и 10.87% (1422) этим вопросом не интересуются. Всего проголосовавших по данному вопросу: 13078. По сравнению с Ильей Муромцем Манас для кыргызов выходит за рамки эпического творчества. Эпос «Манас» выполняет не только художественную и эстетическую функцию, но и идеологическую функцию. «Манас» - часть кыргызской ментальности. Имя Манас широко используется в дискурсе кыргызской речи как мерило, определяющее нормы нашего поведения. Поэтому использование этого имени в рекламе, в названии заведений является весьма актуальным.

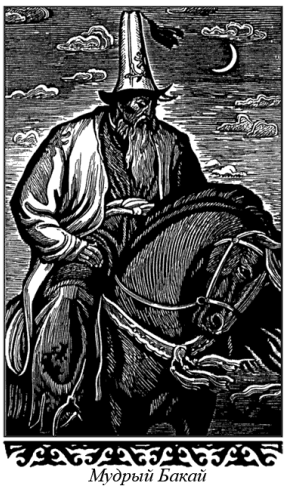
	Например, Кыргызско-Турецкий университет «Манас» назван в честь легендарного кыргызского героя — Манаса. Аэропорт «Манас» назван именем героя кыргызского эпоса по инициативе писателя Чингиза Айтматова. Есть также классический элитный коньяк под названием «Манас», выпускаемый концерном «Кыргыз коньягы». Один из больших кинотеатров, расположенный в Бишкеке также носит название «Манас». Кинотеатр Манас был открыт в 1966 году как самый большой в СССР широкоформатный кинотеатр. Именем Манаса в Кыргызстане названы многие учреждения, организации, улицы, одна из первых кыргызских опер, написанная Абдыласом Малдыбаевым, астероид, открытый астрономом Николаем Черных в 1979 году. Также в честь эпического героя названа высшая награда Кыргызстана. В Китае находится озеро, названное в честь Манаса.

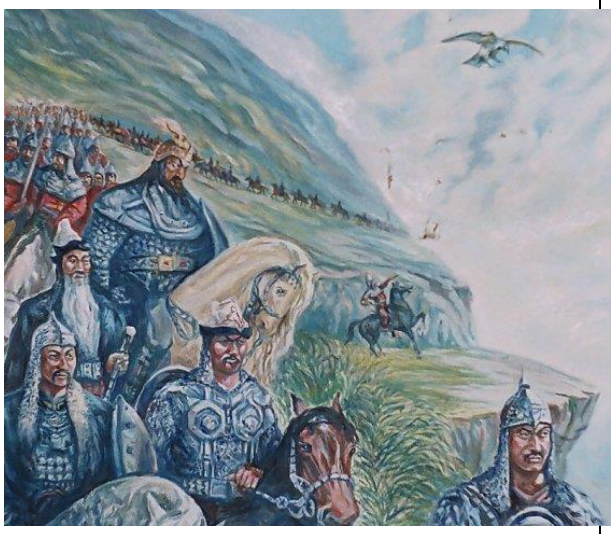
	В 2012 году в Москве открыт памятник Манасу, который находится в парке Дружбы, работа принадлежит творческой группе Жоомарта Кадыралиева. Современные кыргызы обращаются к прецедентным именам **Алмамбет, Эр-Төштүк** при описании человека сильного или ситуации, связанные с героическим поступком. Например: «*Айбаттанып күркүрөп, кезене чапты* ***Алмамбет***» («разъярившись Алмамбет яростно ринулся прямо»), *«бедерин салса* ***Төштүгүң****, бейпайга салбай өзүңдү, күтүп алчу эр эмес»* («Тоштюк не из тех героев, которые встречают тебя, не приведя внушительным видом в смятение»).
Колобок – герой русской народной сказки, может употребляться для характеристики	Для кыргызских народных сказок есть свой Колобок - Көмөч **нан** (Токоч). Көмөч нан (Токоч) – хлеб

человека. Колобок – хлеб круглой формы, который ожил и убежал от своих хозяев. По дороге он встретил Зайца, Волка и медведя, которые пытались его съесть, но ему удалось обмануть их и убежать. Когда же он встретился с Лисой, она обманула Колобка и съела его. Современные русские могут обращаться к этому образу для характеристики: полного человека невысокого роста: *полковник Виктор Алексеевич Гордеев был наделен подчиненными прозвищем* ***Колобок*** (А.Маринина, Смерть ради смерти).	круглой формы, который ожил и убежал от своих хозяев. По дороге он встретил Зайца, Волка и медведя, которые пытались его съесть, но ему удалось обмануть их и убежать. Когда же он встретился с Лисой, она обманула Көмөч нан и съела его. Но у киргизского народа сказка про Көмөч нан более позднего периода, чем сказка о русском Колобке. Это говорит о том, что текст перевели на киргизский язык, внесли малейшие изменения. Произошло взаимодействие двух культур. Современные кыргызы могут обращаться к этому образу для характеристики: полного человека невысокого роста: *Ал кыздын бети* ***Көмөч нандай*** *эле бар* (реч.).
В русской же культуре нет яркого сопоставления образу Бакая. В русских сказках, былинах говорится о неком человеке, у которого нет собственного имени, а именуется лишь **старцем, мудрецом, провидцем**, Большинство из этих значений сложилось в контексте	**Бакай** - один из главных героев эпоса «Манас». Выступает в качестве советчика, старца, мудреца во всех трилогиях «Манаса». Он один из ближних родственников Манаса среди его сорока дружин. Отец Бакая Бай и отец Манаса Джакып родные братья. В эпосе

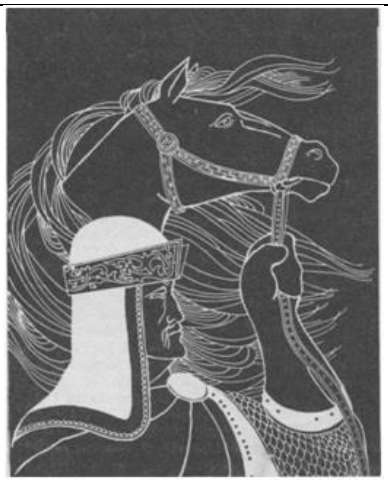
широкой фольклорной традиции и духовно-религиозной литературы под сильным влиянием византийского богословия и популярной греческой философии.	Бакай Манасу советчик не только во внешних делах, но и в личной жизни. Именно по его инициативе Манас женится на Каныкей. В варианте Саякбая Каралаева Бакай говорит Манасу, что он, женившись только на Каныкей, поистине будет счастлив. Он сам договаривается с ханом Бухары Темирханом, отцом Каныкей и сватает ее. Только Бакай остается верен Манасу и после его смерти. Академик В. М. Жирмунский говорил: «Бакай напоминает аналогичные фигуры старых витязей, мудрых советников эпического властителя, таких, как седовласый Нестор в «Илиаде», герцог Нэм Баварский в средневековом французском эпосе, Алтан Цежи в «Джангариаде» или старший родич армянских богатырей, дядюшка Кери-Торос, в «Давиде Сасунском»[4]. Имя «Бакай» символизируется с преданностью, дружбой, умом, наставничеством, поддержкой. Современные киргизы называют детей этим именем, чтобы они

[4] В. М. Жирмунский, 1974: 62

	выросли умными, преданными и храбрыми. В народе говорят: *«айтылуу* ***Бакай*** *келиптир»* (прибыл славный Бакай»).  *Мудрый Бакай*
В русском языке, чтобы сказать о празднестве с размахом **говорят Пир на весь мир, Пир горой.** Например:___*Кабаки, погреба и трактиры для солдат растворены: пошёл* ***пир на весь мир****; солдаты и солдатки, в неистовом восторге и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, мёд, шампанское* (Державин. Записки…). *С утра до ночи в приваловских палатах стоял* ***пир горой****, и в этом разливном море угощались званый и незваный* (Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). Застолье с чрезвычайно обильным угощением и (обычно)	**«Көкөтөйдүн ашы»** (поминки по Кокетею – эпическому богатырю) – самый яркий и важный эпизод эпоса «Манас» назван в честь богатого, уважаемого человека и долгожителя среди кыргызов. Говоря о поминках по Кокетею, современные кыргызы имеют в виду роскошный пир, лукулловский пир (от имени Луции Лицшши Лукулл (ок. 106—56 до н. э.) - консул и полководец Древнего Рима имел обыкновение устраивать роскошные пиры и праздники, о которых потом говорил весь Рим). Современные киргизы, чтобы отметить богатство, авторитет умершего человека,

большим количеством присутствующих у русских выражается через фразеологизмы пир ***на весь мир, пир горой.***	говорят: *«Анын баласы* ***Көкөтөйдүн ашындай*** *эле аш берди»* («Его сын сделал поминки, как у Кокетея»). Застолье с чрезвычайно обильным угощением и (обычно) большим количеством присутствующих у кыргызов выражается через прецедентное имя ***Кокетей***. 
В русских былинах Илья Муромец редко зовет своего коня по имени. Лишь иногда ласково обращается к ней: **«Бурушка-Косматушка».** Конь предназначен герою и сам узнает в нем своего будущего хозяина. Он связан с богатырем симпатической связью, родился с ним	**Аккула** – в эпосе конь Манаса, который всегда рядом, и только с ним, он идет в военные походы. Например, в эпосе «Манас» богатырю говорят: «*Аккуладан айрылсан, сенин айлаң не болот?*» (фольк.), что в переводе означает «*если лишишься Светло-Саврасого*

в один день, иногда от того же волшебного яблока, которое было подарено отцу героя его волшебным покровителем; кожура или сердцевина этого яблока достается кобыле, от которой родится богатырский конь. 	*(коня), что ты будешь делать (какой у тебя будет выход)?*». В эпосе конь Манаса не идеализирован, он не обладает человеческой речью, как описываются кони богатырей других народов. Аккула больше напоминает скакуна. К этому ряду прецедентных имен также относятся имя коня богатыря Конурбая – Алгара. Например, в эпосе встречается много высказываний об Алгаре: «Коңурбайдын ***Алгара*** *– букадай мойну бултулдайт*», что в переводе означает «Алгара Конурбая – шея у него, как у быка, напружилась». А высказывание: «*Чок-Табылгы жайлоодо,* ***Алгара*** *тулпар байлоодо*» (на летнем пастбище Чок-Табылгы привязан скакун Алгара) подчеркивает породистость коня и его скорость.

	
В христианстве **верблюд** терпеливое, довольствующееся малым животное ¬ благочестивый символ смирения, умеренности и воздержания. Многие отшельники первых веков христианства, начиная с самого Иоанна Крестителя, носили на голом теле грубую власяницу из верблюжьей шерсти в знак терпения и самоотречения. Святой Августин сделал верблюда, смиренно влачащего тяжкую ношу, эмблемой Христа, безропотно несущего свой тяжелый крест, а сам Христос использовал образ верблюда в известной метафоре: «*Легче верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие*». Но в славянской культуре, в частности русской, такого понятия как бога верблюдов не было.	**Ойсулата** – покровитель всех верблюдов. Настоящее имя этого человека – святой Султан Вайс Харани. Вначале этот человек держал сам верблюдов. Слабых, болеющих верблюдов он мгновенно же исцелял и отправлял в караваны. Священное место, место паломничества встречается во многих местах. Говорят, что могила, где молятся к духу Ойсулата, находится в Кулже, Белужстане, Сейстане. Имя «Ойсулата» встречается в фольклоре народов Средней Азии, в том числе и кыргызов, и выражает мифологическое и религиозное понятие. О благополучии верблюдов неусыпно пекутся их небесные покровители: у древних арабов этим озабочен мудрый Нахи, у йемецев

	бог предок Зу-Самави, у узбеков - Султанбобо, у туркмен - Вейселькара, у казахов - Ойсылкара и у кыргызов – Ойсулата. У калмыков Небесный верблюд, мечущий громы и молнии, добровольно взвалил на свои горбы все обязанности громовержца. В иранской Авесте и каббалистическом трактате «Зохар» неоднократно упоминается некий летающий верблюд, имевший стартовую площадку в одном из укромных уголков райского сада. Необыкновенные животные верой и правдой служат многим эпическим героям. Киргизский чудо богатырь Манас, например, гордился своим быстроногим другом по кличке Джелмаян. Современные кыргызы могут обращаться к этому имени при пожелании напутственных слов, поговаривая: «***Ойсулата*** *колдосун*!».

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

Форма 1.

1. Выберите нужный ответ

1.	Айгуля одевается и ведет себя очень скромно. Ну, прямо: 1) Василиса Прекрасная, 2) Золушка, 3) Баба-Яга; 4) Марья-царевна
2.	Он уже третий год не работает. И все мечтает, как 1) Обломов, 2) Чацкий, 3) Пушкин, 4) Островский
3.	Смотри, как он вырос. Настоящий 1) дядя Ваня, 2) дядя Петя, 3) дядя Миша 4) дядя Степа
4.	Маленький, толстый, хитрый и ловкий, он найдет выход из любого положения. От бабушки ушел, от дедушки ушел… Вот уж действительно: 1) мальчик с пальчик, 2) Колобок, 3) Леший, 4) Папа Карло
5.	Новая учительница такая вредная. Ну, прямо 1) Дюймовочка, 2) Кикимора 3) Мальвина, 4) Сивка-Бурка
6.	У него такой длинный нос, прямо как 1) Буратино 2) дядя Степа 3) Домовой 4) Гоголь
7.	Он отличался от всех, и все у него не ладилось, но он старался и не понимал, почему его называют 1) Илья Муромец 2) Гадкий утенок 3) Леший 4) дядька Черномор
8.	Чудаковатый да непутевый…1) Алеша Попович 2) Иван Царевич 3) Иванушка-Дурачок 4) Карабас-Барабас
9.	Находчивый, смелый, маленького роста. Это 1) мальчик – с пальчик 2) Папа Карло 3) Садко 4) Соловей-разбойник
10.	Человек он стойкий, мужественный и верный как 1) дядька Черномор 2) Добрыня Никитич 3) Буратино 4) Оловянный солдатик
11.	Она была настолько уродлива и некрасива, сутулая и седая… Так и хотелось назвать ее 1) Баба-Яга 2) Кикимора 3) Мальвина 4) Снегурочка

2. Дополните сравнения (впишите русские имена)

Умный, как _____
Добрый, как _____
Богатый, как _____
Злой, как_____
Страшный, как _____
Жадный, как _____
Сильный, как _____

Форма 2.

1. Дополните предложения (впишите кыргызские имена или высказывания)

1.	Это дело тебе по плечу! А что? Чем хуже Манас …_____ __
2.	Наши соседи сделали большой той. Словно поминки по .... _____
3.	Мужество этой девушки не описать. Назвать ее можем Жаңыл ...._____
4.	Пусть сын быстрее выздоравливает. Да хранит его Умай ... _____
5.	В народе говорят: Будь как Токтогул... _____ и как Толубай..._____
6.	Остроносых и противных людей сравниваем с ..._____
7.	Девушку у которой соответствует ум и красота можем назвать _____
8.	Тот кто много думает о родных, о их благосостоянии, у кого болит душа за них, мы его называем _____ .

2. Дополните сравнения (впишите кыргызские имена)

Умный, как _____
Добрый, как _____
Богатый, как _____
Злой, как_____

Страшный, как _____
Жадный, как _____
Сильный, как _____

Форма 3.

1. Көп чекиттен баштап, сүйлөмдү толуктагыла

1.	Бул иш сенин колуңан келет. Эмне? Манастан …_____
2.	Биздин коңшулар чоң той беришти. Жөн эле Көкөтөйдүн .... _____ болуп кетти.
3.	Бул кызыбыздын эрдиги укмуш. Жаңыл ...._____ деп атап койсок – жаңылбайбыз.
4.	Балаң оорубай сакайып кетсин. Умай ... _____ батасы тийсин.
5.	Токтогулдай... _____ Толубайдай _____, - деп эл айтат
6.	Шиш тумшук, заар адамдарды ..._____ салыштырабыз.
7.	Акыл десе акылы, кебете десе кебетеси дал келишкен кызды _____ деп койсок жаңылбайбыз.
8.	Жакын адардарынын камын ойлогон, аларды көп ойлоп, боору ооруган адардарды _____ дейбиз.

2. Кыргызча аттарды жазгыла

_____ акылман
_____ ак пейил
_____ бай
_____ каардуу, таш боор
_____ коркунучтуу, кебетеси суук
_____ баатыр
_____ ачкөз

Форма 4.

Айтып бергилечи. Булар ким болгон?

1. Апенди ким болгон? Кандай адамды Апенди дейбиз?
2. Жээренче чечен ким болгон? Кандай адамды Жээренче чечен дейбиз?
3. Акыл Карачач ким болгон? Кандай адамды Акыл Карачач дейбиз?
4. Толубай сынчы ким болгон? Кандай адамды Толубай сынчы дейбиз?
5. Токтогул ырчы ким болгон? Кандай адамды Токтогул менен салыштырабыз?
6. Алдаркөсө ким болгон? Кандай адамды Алдаркөсө менен салыштырабыз?
7. Асан Кайгы ким болгон? Кандай адамды Асан Кайгы менен салыштырабыз?